

Цитаты номера

Когда мы имеем дело с миром материальным, в котором присутствуют ядерные боеголовки, воинские формирования, эскадрильи самолетов, боевые группы кораблей, не составляет большого труда определить, кто за ними стоит. Вряд ли стоит ожидать, что авианосная ударная группировка может быть создана олигархом, а шахты с ядерным оружием прорыты любителями. С киберугрозами дело обстоит с точностью до наоборот.

Еще интереснее — использование блокчейна для создания системы межбанковских расчетов нового поколения.

По сути, речь может идти об альтернативе глобальной системы межбанковских расчетов SWIFT, часто критикуемой за технологический консерватизм и использование устаревших решений и протоколов. Любопытно, что в России с 2014 г. принимаются меры по созданию собственной системы межбанковских расчетов на случай возникновения угрозы отключения страны от SWIFT по политическим мотивам. Отключение децентрализованной системы расчетов, построенной на основе блокчейна, видится не менее трудновыполнимым, чем вывод из строя системы биткоина. При этом за счет меньшей централизации контроля такая система может быть более устойчива к политическим рискам на международном рынке межбанковских услуг.

Страны, недовольные положением дел в рамках обзорного процесса ДНЯО, ищут короткие пути для достижения своих целей, в первую очередь в области разоружения. Растет искушение перенести дискуссию по самым острым вопросам на площадку Генеральной Ассамблеи ООН или специально созданного органа, где решения принимались бы не консенсусом, а большинством голосов. Это позволило бы проводить повестку большинства, игнорируя мнение несогласных государств. Несмотря на кажущуюся привлекательность подобного шага, он едва ли приведет к желаемым результатам. Скорее наоборот, это ослабит обзорный процесс ДНЯО и, соответственно, режим ядерного нераспространения в целом.

Дабик [выпускаемый Исламским государством глянцевый журнал] не заигрывает с читателем. Это не приглашение к диалогу, не предложение ломать голову над вопросами, не имеющими однозначного ответа. Но что заставит читателя, воспитанного в западной культуре — не важно, мусульманин он, христианин, атеист или буддист, соотносить себя с образами из *Дабик*? Какое сообщение конструируется в журнале и почему оно в состоянии действовать как часть пропаганды?

Алексей Лукацкий

Олег Демидов

Андрей Баклицкий

Полина
Колозарида,
Александр Ильин

ЛЕТО 2015

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ №2 (113), Том 21

Российский
журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2 (113) 2015

ПИР-Пресс представляет

Владимир Орлов

НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ АЗИОПЫ

Сергей Рябков
Сергей Сторчак

БРИКС: ОТ ЭЛЕМЕНТА УСЛОВНОСТИ К ЭЛЕМЕНТУ РЕАЛЬНОСТИ

Дмитрий Ковчегин

ФИЗИЧЕСКАЯ ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Андрей Баклицкий

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДНЯО:
ИСТОРИЯ НЕУСПЕХА

Дмитрий Евстафьев

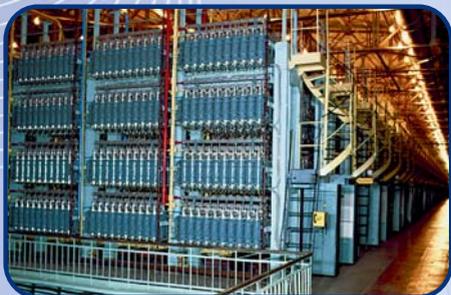
ЯВЬ И НАВЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Олег Демидов

КРИПТОВАЛЮТЫ: ИЗ ТЕНЕВОГО ИНТЕРНЕТА
В КАЖДЫЙ ДОМ

Круглый стол

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ СОГЛАШЕНИЕ С ИРАНОМ —
СЛОВО СОСЕДЯМ

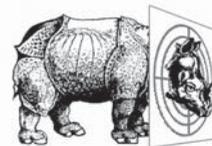
АО «Техснабэкспорт» (торговая марка TENEX) – внешнеторговая компания Госкорпорации «Росатом».

АО «Техснабэкспорт» обладает уникальным опытом более чем 40-летней деятельности на мировом урановом рынке.

АО «Техснабэкспорт» экспортирует услуги по конверсии и обогащению урана, а также обогащенный урановый продукт.

АО «Техснабэкспорт» поставляет урановую продукцию 37 энергокомпаниям из 17 стран мира и обеспечивает значительную часть потребностей АЭС зарубежного дизайна в услугах по обогащению урана. TENEX имеет сильные позиции на всех основных региональных сегментах мирового уранового рынка.

АО «Техснабэкспорт» является членом Всемирной ядерной ассоциации, Всемирного рынка ядерного топлива, Института ядерной энергии США, Японского атомного промышленного форума, Корейского атомного промышленного форума и Всемирного института ядерных перевозок.

О НАДЕЖДЕ

Граждане!

Какая кругом переменчивость стремительная!

Дмитрий Алексаныч

Научно-практический
журнал

Выходит четыре раза
в год

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 2 (113), Том 21
Лето 2015

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-60198 от 17.12.2014 г. 16+. Для лиц старше 16 лет.

Учредитель

Общество с ограниченной ответственностью
«ПИР-ПРЕСС»

Редакционная коллегия

Ольга Сергеевна Мостинская — главный редактор
Сергей Борисович Брилев
Владимир Зиновьевич Дворкин
Дмитрий Геннадиевич Евстафьев
Василий Филиппович Лата
Евгений Петрович Маслин
Азер Ариф-оглы Мурсалиев
Владимир Андреевич Орлов
Дмитрий Валерьевич Поликанов
Сергей Эдуардович Приходько
Сергей Алексеевич Рябков
Николай Николаевич Спасский
Екатерина Андреевна Степанова
Юрий Евгеньевич Федоров
Константин фон Эггерт
Михаил Владимирович Якушев

№ 2 (113), Том 21
Лето 2015

Дата выхода номера: 25.07.2015 г.

Редакция

Мостинская О.С., главный редактор
[mostinskaya@pircenter.org]
Старчак М.В., консультант
[editor@pircenter.org]
Трухтанова Е.А., технический редактор
Макеева Е.И., корректор

Адрес редакции и издателя

123242, г. Москва, ул. Дружинниковская,
д. 30, стр. 1

Интернет-представительство:

<http://si.pircenter.org>

Редакционная политика

Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения издателя.

Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов.

Тираж (русская и глобальная версии) 1000 экз.

Свободная цена

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 115280, Москва, ул. Автозаводская, д. 25

© ПИР-Пресс, 2015

О Т Р Е Д А К Т О Р А

7 **Там, на неведомых дорожках Азиопы** — Владимир Орлов

О роли БРИКС и ШОС в современном мире, перспективах шосо-бриксовского квадрата для Европы, региональном значении Ирана и его ядерной программе, а также новой команде *Индекса Безопасности* в редакционной статье уходящего главного редактора журнала Владимира Орлова.

Ключевые слова: БРИКС, ШОС, иранская ядерная программа, Европа.

В Д Е С Я Т К У

10 **О вере в лучшее**

И Н Т Е Р В Ь Ю

13 **Пора договориться о прекращении расширения тематики, с которой работает БРИКС** — Сергей Сторчак

Ключевые слова: БРИКС, Новый банк развития, Пул условных валютных резервов.

18 **Видим в БРИКС потенциал постепенной трансформации в полноценную межгосударственную структуру** — Сергей Рябков

Ключевые слова: БРИКС, международная безопасность, глобальное управление интернетом.

В преддверии саммита БРИКС, который состоялся в Уфе в июле 2015 г., представители двух ключевых ведомств, курирующих проблематику БРИКС, заместитель министра финансов России Сергей Сторчак и заместитель министра иностранных дел и шерпа России в БРИКС Сергей Рябков дали развернутые интервью новому главному редактору *Индекса Безопасности*, в которых рассказали о достижениях БРИКС и поделились своими, не во всем совпадающими, взглядами на дальнейшее развитие форума.

А Н А Л И З

25 **Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения** — Андрей Баклицкий

Директор программы ПИР-Центра *Россия и ядерное нераспространение* рассказывает о перипетиях Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. Противоречия по вопросу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ, не позволили принять ито-

говый документ. Это означает, что на пути к 2020 г. обзорный процесс ДНЯО ждут серьезные испытания.

Ключевые слова: ДНЯО, ядерное нераспространение, ядерное разоружение, Гуманитарная инициатива, ЗСЯО.

41 **Связанные одним блокчейном: обзор международного опыта регулирования криптовалют** — Олег Демидов

Несмотря на бурное развитие и растущую популярность криптовалют в финтех-сообществе и за его пределами в большинстве стран мира до сих пор нет четко сформулированной государственной политики по этому вопросу. О технологической архитектуре, правовом статусе, подходах к регулированию и новых возможностях криптовалют рассказывает консультант ПИР-Центра.

Ключевые слова: криптовалюты, блокчейн, биткоин, интернет.

61 **Обеспечение физической ядерной безопасности в странах, начинающих развитие атомной энергетики** — Дмитрий Ковчегин

В статье содержится обзор существующих международных требований к физической защите, учету и контролю ядерных материалов и формулируются меры, реализация которых на национальном уровне позволила бы странам, приступающим к развитию ядерной энергетики, обеспечить минимально необходимый уровень физической ядерной безопасности своих установок и материалов.

Ключевые слова: физическая ядерная безопасность, ядерные материалы, ядерная энергетика.

73 **Определение источника кибератак** — Алексей Лукацкий

Частота киберинцидентов и ущерб от них растет, а простых и надежных способов определить источник кибератаки или даже провести четкую грань между нападением со стороны государственных и негосударственных акторов по-прежнему не существует. В статье приводится комплексный анализ существующих методик и различных аспектов атрибуции кибератак.

Ключевые слова: киберугрозы, киберпространство, интернет, информационная безопасность.

87 **О значении курдского фактора в условиях меняющегося Большого Ближнего Востока** — Юлия Свешникова

Возникновение на Ближнем Востоке террористической группировки *Исламское государство* и стремительное расширение подконтрольной ей территории поместило *курдский вопрос* в новый контекст. Как изменилось положение курдов в четырех ближневосточных странах с наибольшим курдским населением и насколько реальна перспектива создания независимого Большого Курдистана, разбиралась консультант ПИР-Центра.

Ключевые слова: Большой Курдистан, Исламское государство, Ближний Восток.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

101 **БРИКС: глобальные проблемы от Форталезы к Уфе** — Евгений Бужинский, Олег Демидов, Вадим Луков, Владимир Орлов, Виктория Панова, Александр Радовицкий, Виталий Слизень, Георгий Толорая

Эволюция БРИКС свидетельствует об устойчивой и долгосрочной тенденции становления многополярного мира. Форум, задуманный как альтернатива устоявшимся западным подходам и утратившим актуальность глобальным политическим и экономическим институтам, уверенно движется в заданном направлении. Эксперты и партнеры ПИР-Центра любезно согласились рассказать о роли БРИКС в решении проблем

международной безопасности, глобального управления интернетом и сотрудничества в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: БРИКС, международная безопасность, глобальное управление интернетом.

- 111 **Всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе в региональном контексте** — Альберт Зульхарнеев, Гейдар Мирза, Озден Зейнеп Октав, Иман Ахмед Рагаб, Юссеф Шатилла

Всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе, подписанное Тегераном и шестеркой международных посредников, должно ликвидировать угрозу создания Ираном ядерного оружия и вывести страну из международной изоляции. В то же время снятие с Тегерана санкций при сохранении его мирной ядерной программы будет означать усиление веса страны в регионе. Соседи Ирана будут вынуждены искать новые стратегии поведения в меняющейся системе региональных отношений. *Индекс Безопасности* публикует фрагмент экспертной дискуссии по региональным аспектам соглашения.

Ключевые слова: Иранская ядерная программа, ДНЯО, Ближний Восток.

КОММЕНТАРИЙ

- 121 **Киберпакт Китая и России: есть ли повод для беспокойства** — Александра Куликова

В ходе недавнего визита в Москву председателя Китая Си Цзиньпина в числе прочих было пописано соглашение о сотрудничестве в сфере информационной безопасности. О сути достигнутых договоренностей в одной из самых актуальных сфер международных отношений и об их последствиях в глобальном контексте рассуждает Александра Куликова.

Ключевые слова: Россия, Китай, кибербезопасность, киберпространство.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

- 128 **Индекс iSi в январе–июне 2015 г.: страхи и надежды** — Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Кортунув, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан

Продолжающаяся экспансия Исламского государства, война в Йемене, случаи нарушения перемирия на юго-востоке Украине, сохраняющаяся напряженность в отношениях России и Запада были основными факторами, угрожающими международной безопасности. В то же время шестерке международных посредников и Ирану удалось наконец заключить всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе. Об этих и других тенденциях, влияющих на глобальную безопасность, рассказывают члены МЭГ.

Ключевые слова: Исламское государство, Сирия, Украина, международная безопасность.

- 138 **Глазами либерала: вы слышите, грохочут сапоги...** — Юрий Федоров

К лету 2015 г. вторая холодная война стала определяющим элементом международных отношений если не в глобальном масштабе, то, по крайней мере, в северном полушарии. Это закономерный результат конфронтации России и евроатлантического сообщества наций, изначально возникшей в результате событий в Украине, которая грозит перерасти в ядерное столкновение.

Ключевые слова: вторая холодная война, гибридная война, Россия, США.

- 150 **Глазами консерватора: глобальная безопасность между Донбассом и Сирией** — Дмитрий Евстафьев

Утверждение, что современная система международных отношений, в том числе в военно-силовой сфере, представляет собой нарастающее хаотизированное пространство,

кажется уже непроходимой банальностью. Велик соблазн объявить все происходящее результатом действий одного, двух, максимум пяти мировых лидеров, которые хотели бы остановить умиротворяющее продвижение нового мирового порядка, но высока вероятность, что все происходящее — не флуктуация, а тенденция.

Ключевые слова: глобальная безопасность, Россия, США, ядерное нераспространение.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 161 **Исламское медиагосударство** — Полина Колозариди, Александр Ильин

Что может заставить человека, воспитанного в западной культуре, перейти на сторону террористической группировки и начать *яростный рибат*? О глянцево-м журнале Исламского государства, эстетике смерти и перформативном чтении рассуждают исследователи Центра изучения интернета и общества.

Ключевые слова: Исламское государство, пропаганда, СМИ.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 169 Елена Воронина, Дмитрий Поликанов, Вадим Козюлин, Олег Шакиров, Елена Петросян — сотрудники, партнеры и стажеры ПИР-Центра предлагают обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

- 177 SUMMARY

- 181 ОБ АВТОРАХ

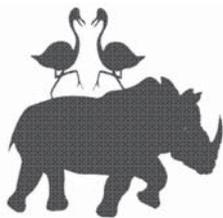
- 189 ПИР-ЦЕНТР

- 190 ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
И РАБОЧАЯ ГРУППА ПРИ НЕМ

- 196 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

- Обл. III **О надежде**

ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ АЗИОПЫ

*Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!
<...> Но сами мы — отныне вам не щит.*

Александр Блок

Наблюдая в эти дни за **уфимскими саммитами БРИКС и ШОС**, я открываю свои записи семилетней (всего-то!), даже меньше того, давности, когда — морозным декабрем 2008 г. — в Москву приехали представители Бразилии, Индии и Китая, чтобы вместе со своими российскими коллегами осмыслить, что может вылупиться из аббревиатуры *БРИК* — да и может ли вообще что-то путное вылупиться.

Бразильский коллега тогда заметил, что мы, как в пьесе Пиранделло, — *актеры в поисках автора*. Но он же и предложил, чтобы долго не блуждать, стратегическую цель для будущего объединения: «С окончанием холодной войны правила договора Сан-Франциско исчерпали себя. Наша миссия — выработать новые правила миропорядка».

Однако мы понимали, что делать это наскоком — неуместный романтизм. Другой риск, подстерегавший БРИК во младенчестве: *растечься мыслью по древу*, т. е. говорить много, о глобальном, но в итоге — ни о чем. Поэтому была избрана тактика: идти к стратегической миссии через конкретные проекты по ограниченному числу приоритетных направлений.

На выходе из московского *Хаятта* наши южные, восточные и юго-западные to-be-стратегические партнеры, помню, поживались — декабрьский мороз был слишком непривычен. Но именно этот мороз нас, парадоксальным образом, не разобщи, а взбудрил — и настроил на амбициозное коллективное авторство.

Следом был екатеринбургский саммит. Потом — присоединение Южной Африки, эта концевая — не конечная — s, дающая ощущение множественности... Замысел

Банка БРИКС... И вот уже БРИКС из умозрительной конструкции стал вполне себе реальностью, данной всему миру в ощущении, так что теперь один из авторов тех *хаяттовских посиделок* В. А. Никонов может шутить о *науке бриксологии* — и в этой шутке уже совсем малая доля шутки.

Когда аббревиатура не нуждается в расшифровке, это значит, что структура, стоящая за этой аббревиатурой, состоялась, и это уже не требует доказательств.

Короче, Уфа–2015 — это было серьезно. А *спаривание* саммита БРИКС с саммитом ШОС дало эффект умножения: этакий *БРИКС в квадрате*, особенно если учесть, что дан старт процессу присоединения к ШОС (которая на 8 лет старше, чем БРИКС) Индии и Пакистана.

Как сказал в Уфе китайский лидер Си Цзиньпин, «в Евразии формируется Сообщество общей судьбы». Несколько тавтологично, а по сути точно.

Вырисовывающаяся шосовская *восьмерка* с акцентом на вопросы традиционной и новой безопасности в ее пересечении с бриксовской *пятеркой*, пока что больше преуспевающей в роли финансово-экономического клуба, — дает ли она ту *десятку*, которая станет глобальной альтернативой западной *семерке*? Пока еще нет. Пройдя подростковые стадии, эти два форума еще только вступают в период энергичной зрелости, когда им и надо будет доказать свою состоятельность на деле. Индия и Пакистан — еще только на пути в ШОС. И на *скамейке запасных* все еще держат Иран, что стратегически ошибочно; процедура его присоединения к ШОС должна была, на мой взгляд, начаться уже в Уфе.

Наконец, БРИКС, разумно взяв тайм-аут по добавлению новых участников, раньше или позже должен будет обратиться в сторону хотя бы одной ведущей мусульманской страны для придания ему настоящего глобального характера. Сейчас преждевременно гадать, что это будет (должна быть) за страна — Турция? Египет? Индонезия? Но от этого выбора (а смотрины будут обоюдными) будет в значительной мере зависеть дальнейшая трансформация БРИКС и станут яснее очертания его глобальной привлекательности (или же их пределы).

В этом номере журнала мы публикуем круглый стол, где рассматриваем, как год российского председательства в БРИКС может повлиять на формирование повестки дня этого форума на ближайшие годы — прежде всего в корзине *мир и безопасность*, где пока что голос БРИКС еще весьма тихий и даже сбивчивый.

Что *шосо-бриксовский квадрат* означает для Европы? Скорее всего, просто напоминание того, что все идет в мироустройстве, как и положено идти в XXI в.: все дальше от евроцентричности. Век Европы на закате. Но то, что Европа с поразительным отсутствием воображения, ведя себя по-старчески ограниченно и будто растеряв мудрость, игнорирует возможности, открывающиеся для нее через евразийское, тихоокеанское движение? Не пойму.

Россия остается, останется крупнейшей европейской страной. Россия — географически это Дальний Восток Европы, а культурно-исторически — ее центр (хотя и *enfant terrible*, бесспорно). Откусить часть от себя самой Европа не сможет, даже если очень постарается. Но откуда взялись такие попытки? Ведь если *скелет хрустнет*, то, не как говорил поэт, *в тяжелых, нежных наших лапах*, а просто из-за отсутствия должной растяжки, от заскорузлости.

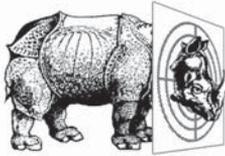
Шосо-бриксовский квадрат — пока еще не до конца проявившийся, расцветший проект. В нем еще чувствуется перебор пиара при недостатке *мяса* конкретных дел. В таком состоянии это еще — *модель для сборки*. Прекрасный момент для Европы, отринув штампы и шоры, подключиться к этой *сборке*. И заодно начать — совместно с Россией — новую *сборку* европейской безопасности, основанную на новых реалиях и на взаимном уважении; в конце концов нам есть какие камни собирать и нам есть зачем их сообща укладывать — во имя мира и безопасности на континенте, а не для нового разбрасывания — оно может оказаться фатальным.

А Европа вместо этого кривит губы, бормочет про санкции, про *свой-чужой*, размывает собственную концепцию безопасности, так что получается *недо-Венера*, *недо-Марс*, и все боится, что под предлогом новой архитектуры безопасности Москва ей подсунет новое издание почему-то не приглянувшегося Европе проекта договора о европейской безопасности.

Сейчас не время волков бояться. Сейчас время крутых решений. Но именно к ним Европа и не готова... или все-таки ошибаюсь?

Еще один публикуемый в этом номере круглый стол посвящен **Ирану**. Даже не столько Ирану, сколько взаимоотношениям Ирана со своими соседями (в широком смысле) — по Ближнему Востоку, Персидскому заливу, Южной Азии, Центральной Азии и Каспию. Прежде всего восприятию Ирана самими этими соседями. Мы прежде всего хотели здесь послушать экспертов из Азербайджана, Египта, ОАЭ, КНР, России, Турции, Индии, Пакистана... Потому что хотелось разобраться, а как всеобъемлющее ядерное соглашение Ирана с *шестеркой аукнется* в сопредельных с Ираном странах, и если верно, что это соглашение откроет новые возможности, то — применительно к упомянутым регионам — какие именно? В вопросе о восприятии Ирана его соседями много наносного, нередки инсинуации; фобии и долгие исторические экскурсы иногда подменяют логический анализ. Вот мы и решили послушать, как смотрят на Иран в сопредельных регионах эксперты, свободные от клише и фобий.

Не скрою, я откладывал написание этой редакционной статьи в расчете, что для разговора об Иране будет, *в рифму* к нашему круглому столу, основательный информационный повод: соглашение Ирана и *шестерки*. Но по себе знаю: переговоры с иранцами никогда быстрыми не бывают; так что не смею больше задерживать верстальщиков. И в том, что венский *дедлайн* все отсрочивается, нет ничего удивительного.

В ДЕСЯТКУ: О ВЕРЕ В ЛУЧШЕЕ

« (...) Этим Кольцом [опричнины] и стянул Государь больную, гнилую и разваливающуюся страну, словно медведя раненого, кровью-сукровицей исходящего. И окреп медведь костью и мясами, залечил раны, накопил жира, отрастил когти. Спустили мы ему кровь гнилую, врагами отравленную. Теперь рык медведя русского на весь мир слышен. Не токмо Китай с Европой, но и за океаном к рыку нашему прислушиваются».

Владимир Сорокин. День опричника. 2006.

« (...) By this ring [of the oprichnina] The Tsar drew together ill, rotten and collapsing country like a bear, wounded and bleed. And the bear got stronger in his bones and flesh, cured the wounds, grew fatter and clawed. We freed him from the rotten blood, poisoned by the enemies. And now the roar of the Russian bear is heard all over the world. Our roar is heard not only in China and Europe, but also across the ocean».

Vladimir Sorokin. The day of the oprichnik, 2006

Но в этой затяжной фазе выхода на финишную прямую есть и тот позитивный момент, что можно оглянуться на весь путь, пройденный нашим журналом — когда он еще был *Ядерным Контролем*, и позже — в освещении темы *иранского атома*. А мы писали об этом с самого что ни на есть первого номера, когда обсуждали иранскую ядерную программу с российским разведчиком Геннадием Евстафьевым (1994). Потом журнальными публикациями отстаивали право России на строительство Бушерской АЭС: любопытно, что против этого строительства выступали тогда некоторые маститые российские эксперты, а у нас в союзниках был блестящий специалист из МАГАТЭ Дэвид Фишер; его статья так и называлась *Почему я поддерживаю российско-иранский контракт* (1995)... Потом публиковали мою полемику по иранским ракетно-ядерным намерениям с Беньямином Нетаньяху (1998) и мой обмен мнениями по Ирану с Владимиром Путиным (2012)... исследовали *нелегальные сети* Тегерана (1998, 2006), давали слово американским экспертам с их тревогами (2002), иранским — с их контраргументами (2003, 2004), но прежде всего, конечно, отечественным, задававшимися вопросом: «Станет ли иранский атом персидским ковром для России?» (2005). В общем, согласно меткому заголовку одной из многочисленных статей про Иран и ИЯП: мы *решали иранские головоломки* (2007) и предлагали свои решения (2012–2015).

И все эти два десятилетия мы последовательно отстаивали необходимость нахождения компромисса по ИЯП в рамках многосторонних дипломатических развязок, требуя отказаться от военного решения... а то вдруг кто сегодня *подзабыл*, что еще совсем недавно именно *военное* решение в отношении ИЯП было модным *talk of the town*, рисковавшим перерасти в практическую политику, и что многие из тех американских коллег, кто сегодня аплодирует Обаме за его *видение* диалога между США и Ираном, нас всех именно подобным диалогом и пугали, сознательно демонизируя Иран и отодвигая саму возможность дипломатических развязок. Сегодня они убеждают, что это их *жесткость* склонила Тегеран к переговорам. Ничего нет дальше от истины. Это их близорукость отбросила международное сообщество от дипломатических развязок по ИЯП, к которым мы были близки еще в 2003 г., затянула узлы до такой степени, что сегодня на их развязывание уходит изрядно времени...

В самом деле, уж полночь близится — а Вена все никак...

Но для меня, как понял читатель, разговор об иранской ядерной программе был хорошим поводом мысленно перелистать еще раз те 112 номеров журнала, которые я редактировал, без единого исключения, начиная с 1994 г.

И, как уже, наверное, знает читатель — к этому номеру, который вы сейчас держите в руках, я уже не вполне причастен: не более чем как один из членов его редколлегии.

И эта редакционная статья — последняя.

21 год у руля и 112 номеров — достаточно.

Мне радостно, что сегодня я передаю эстафету новой команде, которая делала этот номер и уже готовит следующие. Команде, которая частью выросла в *пиров-*

ских стенах, а частью — совсем свежая. Команде, которая, по-моему, настроена дать новый творческий импульс *Индексу Безопасности*, вложить в него свое, свежее видение и свои голоса. Команде, которая услышала мой призыв к новым технологическим подходам к научной журналистике — таким подходам, которые должны, сохраняя журнал продуктом качественным и авторитетным, сделать его продуктом современным, динамичным и еще более востребованным, еще шире читаемым и цитируемым в России и по всему миру.

Во главе этой команды стоит Ольга Мостинская — новый главный редактор *Индекса Безопасности*, которую я с искренним удовольствием сегодня представляю читателям и которой я желаю постоянного творческого *драйва* и постоянного яркого диалога с нашими замечательными авторами и нашими требовательными (что замечательно!) читателями.

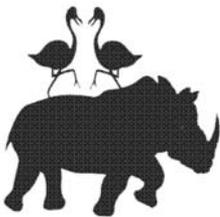
Меня такой диалог тонизировал весь этот 21 год. За что и нашим авторам, и нашим читателям — мое редакторское спасибо!

Владимир ОРЛОВ

Основатель журнала *Индекс Безопасности*

Член редакционной коллегии

10 июля 2015 г.

В преддверии саммита БРИКС, который состоялся в Уфе в июле 2015 г., представители двух ключевых ведомств, курирующих проблематику БРИКС, заместитель министра финансов России Сергей Сторчак и заместитель министра иностранных дел и шерпа России в БРИКС Сергей Рябков дали развернутые интервью новому главному редактору *Индекса Безопасности*, в которых рассказали о достижениях БРИКС и поделились своими, не во всем совпадающими, взглядами на дальнейшее развитие форума.

Сергей Сторчак:

«ПОРА ДОГОВОРИТЬСЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ РАСШИРЕНИЯ ТЕМАТИКИ, С КОТОРОЙ РАБОТАЕТ БРИКС»

— Группа БРИКС создавалась для решения совершенно определенных задач, таких, как реформа международной финансовой системы, своего рода объединение по интересам, однако за последние годы повестка существенно расширилась. Как бы вы сейчас охарактеризовали БРИКС?

— Для начала, мне не нравится термин *объединение*. Все-таки БРИКС как явление больше подходит категория *форум* или *клуб по интересам*. *Объединение* предполагает наличие правоустанавливающих документов, в БРИКС их нет и не будет.

Создание *клуба по интересам* дало возможность резко расширить спектр этих интересов и, как следствие, резко увеличить количество мероприятий, которые проводятся под вывеской форума БРИКС. Помимо процесса министров финансов и управляющих центральными банками члены БРИКС стали заниматься широчайшим кругом проблем, в том числе весьма далеких от стартовой точки: вопросами туризма, культуры, парламентских отношений.

Повестка лидеров стала очень насыщенной, и я считаю, что пора как-то договориться о прекращении расширения тематики, с которой работает БРИКС, и больше внимания уделять приоритизации, выбору основных направлений сотрудничества и исключению менее значимого. Понятно, что многие ведомства почувствовали внимание, которое руководство страны уделяет форуму и, конечно, будут сопротивляться сужению зоны интересов форума. Тем не менее с моей колокольни видно, что сейчас стал обсуждаться уж очень широкий круг вопросов.

При такой широте уменьшается глубина проработки тем. Из-за большого количества страдает качество. Хотя я, видимо, тоже не очень-то вправе давать такую оценку, поскольку сам нахожусь внутри процесса, причем процесса собственного, поэтому, возможно, не все вижу, что происходит у других. Может, у них еще лучше, чем у нас.

На финансово-экономическом треке вышли на конкретные два результата: создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов. 7 июля состоятся инаугурационные мероприятия. Пройдет первое заседание Совета управляющих Нового банка развития, а Совет управляющих — высший орган этого института. Думаю, днем рождения Банка надо считать 7 июля 2015 г., а не дату подписания межправительственного соглашения.

— Тем более что по уставу Банк начинает работу только после ратификации всеми членами.

— Конечно. Поэтому, думаю, правильно считать, что днем рождения Банка станет первое заседание Совета управляющих, на котором в числе прочего будут рассмотрены кадровые вопросы, получат утверждение в должности номинированный Индией президент и номинированные странами-членами вице-президенты.

Вице-президентов будет четверо. Они сразу же приступят к работе на месте, в Шанхае. Благодаря усилиям китайских коллег служебные помещения выделены, правда, они предназначены для временного пребывания Банка, но для начала собственное помещение и не требуется. Будет идти постепенный набор сотрудников, этот процесс затянется года на два, за это время китайская сторона построит специальное здание.

— Как будет формироваться кадровый состав Банка? Предусмотрены ли какие-то квоты для каждой страны?

— Нет, официально квот нет и не будет, но имеется общая договоренность о том, что кадровый состав будет сбалансирован, что не будут доминировать граждане какого-то одного или двух государств. Это очень важно, учитывая, что в двух из пяти стран английский язык является государственным, и понятно, что их граждане уже имеют преимущество в институте, в котором официальный язык английский. Поэтому был оговорен принцип сбалансированности, надеюсь, он будет соблюдаться, хотя одновременно действует и будет действовать принцип найма по личным и служебным качествам, знаменитый *merit-based approach*.

Нужно понять, как эти принципы будут реализовываться на практике. Об этом подходе много говорится во всем мире, а сплошь и рядом, как мы хорошо знаем, работают личные связи, личные знакомства и приоритеты начальников, которые

чаще играют более важны, чем личные качества кандидата на ту или иную должность — жизнь такая.

— Когда нет четко отлаженных механизмов взаимодействия, эти связи часто становятся единственным способом решать вопросы.

— Так мир построен.

— Число банков развития стремительно растет. Будут ли они сотрудничать или конкурировать между собой и чем Банк БРИКС принципиально отличается от других?

— Миссии у многосторонних банков развития очень похожи, может быть, чуть-чуть отличаются формулировки в уставных документах, но миссии очень-очень похожи. Прежде всего это обеспечение реализации крупных проектов, АБИИ (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), к примеру, изначально заявляется как финансовый институт, для которого сфера инфраструктуры является приоритетной.

Цель понятна, но насколько она достижима, нужно еще посмотреть. Инфраструктурные проекты чрезвычайно сложны с точки зрения окупаемости. Это означает, что должен быть обеспечен баланс между долгосрочными, трудно окупаемыми проектами, и проектами, которые также будут обеспечивать социально-экономическое развитие, востребованное обществом, но период окупаемости которых будет в разы меньше, на реализации которых Банк будет зарабатывать, не может же он жить только на средства акционеров.

Что касается сотрудничества, оно сплошь и рядом. Самый известный пример из российской практики — строительство нового аэропортового комплекса в Питере, где были задействованы средства и ЕБРР, и Всемирного банка, и ЕАБР, нашего, российско-казахстанского банка, и Внешэкономбанка. Очередной этап развития этих институтов — более тесное взаимодействие многосторонних банков развития с национальными банками развития. Скорее всего, в рамках форума БРИКС именно это направление будет решающим, доминирующим. Мы вроде бы много об этом разговариваем, но как только появятся Правление, Совет директоров, в нормативных документах, надеюсь, будет закреплено, что Новый банк развития будет уделять особое внимание взаимодействию и совместному финансированию проектов с участием национальных банков развития.

— А как быть с разными требованиями к проектам, к отчетности?

— Мы надеемся, что глобальный инфраструктурный хаб, который решила запустить двадцатка и который уже фактически начал работу в Сиднее, решит вопрос гармонизации подготовки проектов и связанной с ним документации. Через этот хаб начнется более-менее глобальная гармонизация требований, правил, процедур, всего, что связано с инфраструктурой, потому что национальные порядки, действительно, очень разнятся. Это очевидно.

— Когда говорят о Банке и Пуле БРИКС, Банк зачастую сравнивают со Всемирным банком, а Пул — с МВФ. Структура действительно похожа, но есть очень значимое отличие: в проекте БРИКС нет формального доминирования

одной из сторон. На практике принцип равенства действительно соблюдается? Или есть попытки захватить лидерство?

— Начнем с первой части. Сравнение по линии банков обоснованно. Миссии если не одинаковы, то очень похожи. Более того, в какой-то степени можно сказать, что все существующие многосторонние банки развития являются клонами МБРР. Персонал МБРР помогал учреждать Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития. В нашем случае он, может быть, и не помогал непосредственно, но мы использовали его документы, консультировались у *старожилов*. Объективно говоря, устав Нового банка развития содержит много позиций, взятых либо у европейца, либо у американца. В этом смысле можно сказать, что все они, в принципе, родственники. А вот сравнение Пула условных валютных резервов и МВФ ни в какие ворота не лезет. Ничего общего у них нет, кроме неких ссылок на названия. Потому что МВФ — это международная организация, а Пул условных валютных резервов — *кошелек*, средства которого можно тратить лишь при наступлении определенных обстоятельств.

— Но процесс институционализации идет, может быть...

— Нет, не будет там ничего. Может быть, будет создан некий условный секретариат, но по учредительным документам это не организация. Это договоренность о взаимной поддержке *в момент икс*, отсюда и понятие *условный*.

Пул начнет функционировать как некий механизм взаимной поддержки когда кто-то первый раз обратится за поддержкой. Россия, по-моему, этого делать не планирует. У нас достаточно собственных международных резервов. Информацией о том, что кто-то из партнеров немедленно готов запустить механизм Пула и посмотреть, как это будет работать, я не владею и не думаю, что сегодня такая потребность возникнет.

Так что нужно время, чтобы посмотреть, как элемент обусловленности будет превращаться в элемент реальности.

— А как насчет равенства или попыток захватить лидерство?

— Пока рано делать выводы, эти структуры только формируются, но переговоры шли в духе конструктивного диалога. После того как целесообразность появления этих институтов была доказана, когда все точки над *i* были расставлены, начался переговорный процесс по документам, по уставу.

Никакого доминирования одной из сторон в процессе работы над документами не было. Формально лидирующую роль играли бразильцы. Так получилось, что именно на год их председательства пришлось основная работа над текстом устава Банка. И мы признаем, что работу координировали они. Технической работы было очень много, например, внесение в проект текста соглашения поправок, изменений, которые часто предлагали остальные партнеры.

Многосторонние переговоры — это многосторонние переговоры, но в рамках нашей *пятерки* мы всегда учитывали взаимные интересы, пожелания, предложения, все проявляли гибкость, избыточные пожелания и предложения снимались, а все конструктивные предложения, по-моему, реализованы. В то же время при учреждении АБИИ работа строилась по-другому. Там доминировал специ-

ально образованный секретариат, а переговорщики играли вспомогательную роль. Посмотрим, как будут работать два института. Они стартуют практически одновременно, оба находятся в Китае. Будут, видимо, конкурировать за кадры. А в остальном...

— Если ли планы увеличения активов или капитала Банка? Например, сила-ми третьих стран, не входящих в БРИКС?

— Банк открыт для приема новых членов. Мы очень аккуратно подошли к вопросу их принятия. Из 100 млрд разрешенного капитала распределено только 50. Это означает, что управляющие имеют большой лаг для принятия решений о приеме новых членов, в отличие от АБИИ, например, где разрешенный капитал уже практически полностью распозлся, распределился между 57 членами. Остались крохи.

— Решение о приеме новых членах будет политическим?

— Прием в существующую структуру нового члена — всегда политическое решение, это очевидно. Так случилось, что первыми интересоваться банком БРИКС стали греки. Мне приписывают их приглашение. А я просто отвечал на вопрос журналиста и сказал: «Пожалуйста, в уставе такая возможность есть». Как только институт заработает, Совет директоров подготовит, а Совет управляющих утвердит порядок рассмотрения заявлений новых кандидатов на членство.

— В нынешней ситуации странно ожидать, что греки захотят выступить в качестве кредиторов Банка.

— Если, образно говоря, они купят пару акций и станут членами Банка, они смогут претендовать на получение его ресурсов. У нас нет увязки взноса с суммой финансирования. Есть общая договоренность, что страновая структура активов будет сбалансирована.

— То есть теоретически это возможно?

— Не вижу никаких проблем, если все пять правительств дадут своим управляющим инструкции поддержать эту инициативу.

— Штаб-квартира Банка будет располагаться в Шанхае, в Южной Африке будет создан африканский региональный центр, первым президентом станет представитель Индии, процессом создания Банка руководила Бразилия. Есть ли уже понимание, в какой стране будет реализован первый проект? Может быть, в России? Что-нибудь знаковое, например, Керченский мост?

— А он окупаемый, этот мост? Естественно, первым поддержанным проектом будет тот, инициаторы которого четко покажут, что его финансовая модель обеспечит возврат кредита. Это основной критерий. Все остальное — приходящее.

Сергей Рябков:

«ВИДИМ В БРИКС ПОТЕНЦИАЛ ПОСТЕПЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В ПОЛНОЦЕННУЮ МЕЖГОСУДАРСТВЕННУЮ СТРУКТУРУ»

— С момента возникновения БРИКС в формате и содержательном наполнении группы произошли существенные изменения. Начинали с клуба по интересам, а сегодня по насыщенности повестки дня БРИКС может соперничать с некоторыми интеграционными объединениями. Что сейчас представляет собой БРИКС?

— За время с первого саммита тогда еще БРИК в 2009 г. произошло и расширение состава участников, и, главное, очень мощное наращивание содержательной стороны работы. Как вширь, так и вглубь развивается БРИКС, но, несмотря на это, природа его осталась прежней. По большому счету это не бюрократизированное, во многом неформальное межгосударственное объединение. Мы осознанно проводим линию на то, чтобы избегать в БРИКС возникновения надстроечных, бюрократических структур. Мы понимаем, что всякая бюрократия имеет склонность становиться самодостаточной, а следующей фазой развития любой международной бюрократии будут попытки подмять под себя деятельность национальных правительственных структур, диктовать свои условия. Иногда такое развитие оправданно, и страны осознанно идут на передачу части национальных полномочий наднациональным органам. Но в случае с БРИКС, мы считаем, важнее сохранить присущую этому объединению готовность работать исходя из баланса интересов, из действительно хорошо осознанных и сформулированных общих знаменателей без искусственного форсирования тех или иных процессов, без навязывания чего бы то ни было сверху, сбоку, со стороны одних участников другим.

Мы не скрываем, что видим в БРИКС потенциал постепенной трансформации в полноценную межгосударственную структуру, которая обладает всеми атрибутами вплоть до правосубъектности, но это вопрос не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня. Нам надо накопить опыт сотрудничества и наращивать результаты. Результаты важнее подобных схем и построений. Хотя могу сказать, что даже на нынешнем отрезке времени происходят некие процессы, которые придают большую структурированность работе БРИКС, в том числе ожидаемое в Уфе решение о создании виртуального секретариата. Это нормальный, спокойный, нефорсированный процесс. Мы удовлетворены, что именно так развивается БРИКС, и готовы и дальше удерживать развитие именно в этом русле.

— До последнего времени страны БРИКС уделяли основное внимание решению конкретных глобальных задач. Во многом поэтому удавалось не отвлекаться на многочисленные и довольно серьезные разногласия. Не приведет ли расширение повестки дня к тому, что заниматься конкретикой станет сложнее, потому что противоречия начнут накапливаться?

— Вы правы, по мере углубления повестки дня, ее детализации, накопления опыта практического взаимодействия некоторые сюжеты, некоторые темы труднее

даются участникам объединения, но это нормально, это не признак пробуксовок, и, конечно же, не признак какого бы то ни было кризиса.

Наоборот, динамика развития БРИКС не имеет прецедентов в международных отношениях конца XX — начала XXI в. Всего за несколько лет мы получили очень устойчивое и, я уверен, с большим будущим международное объединение, воплощающее идеологию международных отношений, которую сформулировала и отстаивает Российская Федерация: принципы многополярности и сетевой дипломатии как инструменты регулирования международных процессов.

И это объединение вполне функционально, несмотря на отсутствие таких очевидных сближающих факторов, как географическое соседство, культурная общность — хотя и здесь нельзя сказать однозначно, насколько мы различны, во всяком случае во взглядах на современный мир, по-моему, у нас сходства с участниками БРИКС гораздо больше, чем с некоторыми членами той самой европейской семьи, к которой исторически причисляет себя значительная часть политиков и населения Российской Федерации, но это *à propos*, заметки на полях. А суть вопроса в том, что БРИКС идет по пути проб, ничто не предопределено, каждая инициатива, которая рассматривается в БРИКС, проходит всестороннюю обкатку на разных уровнях. Если не фиксируется общий интерес к ее развитию, она снимается, а некоторые темы, напротив, прорабатываются интенсивнее других. Россия не ставит перед собой задачу обязательно, во что бы то ни стало, ради отчетности или самоудовлетворения добиться, чтобы та или иная тема попала в круг ведения этого объединения. Придет время, займемся и этим.

БРИКС по-прежнему в первую очередь остается инструментом согласования подходов участвующих в нем стран к мировой финансово-экономической повестке дня. И все, что делается в этой сфере, на слуху не только у финансистов и экономистов. В Уфе будет предпринят следующий шаг — одобрена стратегия экономического партнерства. Мы находимся в процессе разработки перечня проектов, которые могут быть реализованы в формате БРИКС, в том числе с подключением ресурсов Нового банка развития. Если вы обратили внимание на некие трудности, это трудности роста, если вы обратили внимание на высокий уровень ожиданий, то я этот высокий уровень ожиданий разделяю, и я уверен, что с точки зрения заполнения кричащих лакун, пустующих ниш в здании международной финансовой системы работа, ведущаяся по линии БРИКС, будет в высшей степени востребована, и уже скоро мы будем иметь опыт, аналогичный Бреттон-Вудсу. Уверен, он будет представлять интерес и для стран, не входящих в БРИКС, в том числе скептически относящихся к БРИКС.

Помимо финансово-экономической составляющей мы занимаемся множеством проблем. Все больший упор делается на новые вызовы, все больше внимания уделяется сугубо политической, прежде всего региональной повестке дня. Хотел бы в связи с этим упомянуть, что после Уфы в рамках российского председательства предстоит еще целый ряд значимых, крупных событий, в том числе неформальная встреча министров иностранных дел БРИКС на полях предстоящей сессии Генассамблеи, где разговор пойдет по наиболее острым и актуальным темам, в значительной мере касающимся и Ближнего Востока, и множественных кризисов, с которыми сейчас сталкиваются международное сообщество и страны региона.

Затем пройдет неформальная встреча лидеров БРИКС в Анталии на полях саммита *Группы двадцати*.

Уже прошли важные мероприятия, к примеру, встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, в конце мая в Москве. Впервые за историю БРИКС очень интересно и насыщенно прошел парламентский форум, целая серия других мероприятий, но это не самоотчет, а иллюстрация того, что эволюция БРИКС продолжается. Я уверен, когда в феврале 2016 г. Индия примет эстафету у России, в деятельность этого объединения будут привнесены новые грани.

— Получается, мы ожидаем от БРИКС не столько политических дивидендов, сколько практических результатов. Но чем обусловлен выбор тем, которые недавно вошли в повестку дня: зачем БРИКС заниматься здравоохранением, когда есть ВОЗ, или борьбой с наркотиками, когда есть УНП ООН? Кстати, ваш коллега, заместитель министра финансов Сергей Анатольевич Сторчак, в интервью Индексу Безопасности призывал не размывать повестку дня. По его словам, многие ведомства почувствовали внимание, которое уделяется форуму руководством страны, и пользуются этим.

— Разные объединения эволюционируют по-разному. БРИКС развивался от экономики к политике. Повторю, и в этом мы с Сергеем Анатольевичем Сторчаком абсолютно едины, что очень важно и дальше в первоочередном порядке, в приоритетном режиме работать по финансово-экономической, торгово-экономической теме и вообще по всем вопросам, связанным с инвестициями, инфраструктурой, национальными валютами как средством расчета и т. д.

Никакого искусственного расширения повестки дня я не вижу. Когда вбрасывается новая идея, рассматривается возможность сотрудничества в рамках БРИКС, нужно пройти множество этапов согласования, включая высший уровень, прежде чем новый трек будет запущен. Мы не гонимся за количеством и никогда не занимались развитием БРИКС ради отчетности перед руководством, это абсолютно ложная постановка вопроса. Ведомства, предлагая те или иные направления работы, отталкиваются от практических нужд и от собственного опыта в этой сфере. Последний пример: мероприятие, проведенное в основном усилиями Роспотребнадзора, по вопросу сотрудничества в формате БРИКС по борьбе с инфекционными заболеваниями, показало, что помимо напрашивающегося расширения обмена наилучшими практиками, методиками, помимо профессионального разговора врачей, эпидемиологов о том, как лучше защитить население наших стран от мутирующих вирусов и т. д. (не буду вдаваться в терминологию, чтобы не выглядеть глупо перед специалистами), так вот, помимо всего этого есть совершенно конкретные проекты. Например, каждая страна БРИКС внесла очень весомый вклад в противодействие вспышке лихорадки Эбола в Западной Африке. Россия развернула мобильный госпиталь, мы сейчас приняли на себя в том числе «французскую» долю работы, такое сотрудничество в поле очень значимо и имеет эффект мультипликатора результативности и эффективности. Мы за то, чтобы соответствующие службы БРИКС проработали вопрос о том, как можно повысить эффективность вклада наших стран в решение такого рода проблем с учетом их серьезности и общей ограниченности ресурсов.

— Получается, ООН не справляется с такими задачами?

— Я бы не хотел преуменьшать роль ООН, боже упаси. Мы работаем на этом направлении по линии ООН и ВОЗ, но взаимодополняемость усилий — это лозунг даже не дня, а многих последних десятилетий. Не всегда можно обеспечить надлежащую координацию, не всегда удается действовать достаточно эффективно из-за той же забюрократизированности некоторых международных структур и организаций, иногда лучше решить что-то на двусторонней основе, или же двусторонний формат предопределяется некими политическими контактами, я не говорю интересами, а контактами, когда лидеры договариваются о чем-то. Но все это должно рассматриваться в комплексе, поэтому здесь не стоит вопрос о выборе между ООН и БРИКС — место есть и для того, и для другого.

В то же время по многим другим направлениям есть вопросы, где сближение позиций, их координация и выход на какую-то общую платформу идут гораздо сложнее, очевидный пример — противодействие глобальному изменению климата, где подходы внутри БРИКС существенно отличаются, но это не повод тыкать пальцем и говорить: «Смотрите, участники БРИКС не могут договориться между собой». Взгляните на другие примеры, которые мы видим сплошь и рядом, тот же Евросоюз с его *acquis communautaire*, с бесконечно корректируемыми базовыми договорами, огромной бюрократией, обладающей колоссальными наднациональными полномочиями, даже Евросоюз во многих случаях не в состоянии выработать единую позицию. Однако тут никто ситуацию не драматизирует. Надо исходить из реальных возможностей и интересов. С уважением отношусь к позиции Сергея Анатольевича Сторчака, что надо фокусироваться на главном, но у меня свои *старые песни о главном*, у него свои, поэтому надо работать в тандеме, в команде, что мы делаем и будем делать впредь.

— На Академическом форуме БРИКС вы сказали, что уже состоялись заседания рабочих групп по безопасности космической деятельности и по Ближнему Востоку. Есть ли какие-то результаты?

— Безусловно. Что касается ближневосточной тематики, заместители министров иностранных дел приняли совместное коммюнике по ситуации на Ближнем Востоке. Это не следует понимать так, будто кроме этого совместного документа нет других результатов, наоборот, совместный документ — это фасад, своего рода *сопроводилочка, cover sheet* к реальному содержательному наполнению обсуждавшихся вопросов.

Мы наблюдаем заметное сближение подходов всех стран, входящих в БРИКС, по тематике ИГ, по вопросам политического диалога в интересах внутрисирийского урегулирования, приобретающим все более обостренный характер с учетом крайне сложной военной обстановки в Сирии и вокруг нее, по вопросам сохранения территориальной целостности целого ряда государств региона. Российско-китайское взаимодействие является движущей силой координации наших подходов по ближневосточным делам. Отзывается это все конкретным взаимодействием непосредственно там, где принимаются конкретные решения в многостороннем формате — в Женеве, в Вене.

Что касается безопасности космической деятельности, мне не хотелось бы вдаваться в этот вопрос не потому, что здесь есть какие-то суперсекреты или пере-

говорные тайны, просто, чем ниже на экспертный уровень спускаешься, тем чаще возникают расстыковки или противоречия с другими участниками обсуждения тех же проблем в международном сообществе — с США, Евросоюзом, в частности по кодексу поведения в космосе — проект, который продвигает Евросоюз на протяжении уже нескольких лет, сейчас его пытаются трансформировать, сделать темой практического переговорного процесса. У нас целая серия возражений, есть возражения и у остальных членов БРИКС.

Степень совпадения или несовпадения подходов к тому же космосу — один из предметов такого рода консультаций в формате БРИКС, позволяющих не то чтобы выровнять подходы и образовать некий единый фронт, это упрощение. Мы хотим лучше разобраться в логике позиций друг друга: по каким причинам отдельные элементы, скажем, кодекса, приемлемы для участников, по каким — нет, в идеале сформировать набор ожиданий и задач для дальнейшего диалога с авторами того или иного проекта.

Я пытаюсь объяснить механику работы, не особо вдаваясь в содержательную часть вопроса, чтобы сохранить конфиденциальный характер некоторых проектов БРИКС в политической сфере. Это, кстати, тоже признак зрелости объединения: очень весело, когда устраивают шоу, в воздух летят воздушные шары и все кидается серпантинном, но смысл дипломатической работы немного в другом.

— Один из приоритетов БРИКС — глобальное управление интернетом и новая архитектура управления интернетом. В то же время из экспертных обсуждений мы знаем, что у членов БРИКС к этому вопросу очень разные подходы. Как этот вопрос решается? К какому консенсусу мы можем прийти?

— Я хочу вам сказать, что никто не пытается сахарной пудрой и шоколадной глазурью прикрыть отсутствие *начинки* в этом *эклере*. Могу заявить вполне ответственно: действительно, подходы различаются, некоторые участники БРИКС демонстрируют определенную жесткость позиции конкретно по этой теме, потому что в силу исторических, политических, любых иных обстоятельств они видят ситуацию под другим углом, отличным от того, как она смотрится у нас или в Китае.

Это не проблема, не повод впадать в уныние, которое является, как известно, самым страшным грехом, и не повод объявлять, что внутри БРИКС пошла трещина и ничего не получится. На то и есть форматы, которые сложились как раз для того, чтобы настойчиво искать точки соприкосновения, расширять их, вырабатывать приемлемые общие подходы. Если настанет момент, когда некая страна начнет понимать, что в процессе поиска общего знаменателя или единых подходов она дошла до пределов в своей национальной позиции, участники просто констатируют невозможность продвинуться дальше, по крайней мере на данном этапе, а эта страна, движимая собственным пониманием задач и интересов, будет искать альтернативы на других площадках.

Международная информационная безопасность и вопросы ИКТ в целом крайне сложны. Развивалась эта сфера во многом стихийно, буквально в нескольких центрах. Сейчас нарастает влияние других государств на изначально американский проект, американское детище. У всех стран есть свои представления о том, что требуется делать. Как я уже говорил в начале, мы не хотим, чтоб создавалось впечатление, будто Россия стремится навязывать свои подходы или решения другим.

То же самое можно сказать и о позиции остальных: идет диалог (он может быть более продуктивным, менее продуктивным, результат этого диалога может влиять на эволюцию национальной позиции, может не влиять). Но в Уфе лидеры высказались на эту тему. Может быть, это будет близко к тому, что уже говорилось в Форталезе, может быть, мы сделаем следующий шаг, пока еще сказать сложно.

— Штаб-квартира Банка будет располагаться в Шанхае, в Южной Африке будет создан африканский региональный центр, первым президентом станет представитель Индии, процессом создания Банка руководила Бразилия. Есть ли уже понимание, в какой стране будет реализован первый проект? Может быть, в России?

— Я не исключаю ничего и абсолютно разделяю вашу логику, хотя тут же отмечу, что мы не гонимся в этом вопросе за ложно понятым престижем или какой-то символикой. Кто первый водрузит флаг на Эвересте или чей вымпел первый окажется на Венере — это вопросы из несколько другой эпохи. Важнее понимать, насколько это нам выгодно, действительно ли такого рода работа вписывается в наши планы и соответствует нашим потребностям. Я ничего не исключаю, но хотел бы отметить, что, несмотря на такое распределение ролей, российское присутствие внутри самого Банка будет обеспечено на очень высоком уровне. Мы сейчас над этим работаем, не говоря уже о том, что, по большому счету, сама идея и Банка, и Пула изначально принадлежит нам, не говоря уже о том, что мы первые ратифицировали все документы и готовы в полном объеме выполнить вытекающие из присоединения к этим документам обязательства, в том числе финансового плана.

Перечень инфраструктурных проектов находится в продвинутой стадии подготовки, мы будем этим перечнем делиться с партнерами, понятно, что не все от нас зависит, но в скором времени вы увидите, что ресурсы банка БРИКС работают, в том числе и на решение инфраструктурных проблем России.

— Если мыслить категориями наших китайских партнеров, как бы Вы сформулировали цели БРИКС на ближайшие, скажем, пять лет и какие показатели эффективности применимы к таким организациям, как БРИКС? Иными словами, где мы хотим оказаться через пять лет и как понять, получилось у нас это или нет?

— Есть концепция российского участия в БРИКС, она общедоступна. В ней обозначены задачи на среднесрочную и более отдаленную перспективу. Не буду говорить бюрократическим языком, попробую сформулировать наше видение БРИКС хотя бы не на пять, но на несколько ближайших лет: я не думаю, что произойдет качественное изменение характера работы в этом объединении.

— Вы намекнули, что возможна формализация БРИКС.

— Не думаю, что это произойдет в ближайшие несколько лет. Нам надо набрать еще больше практического материала, еще больше опыта реального взаимодействия. Не строить с крыши к фундаменту. Мы смогли удержаться от соблазна декларировать что-то, а потом подгонять реальные шаги под эти заявления. В БРИКС происходит обратный процесс, он более естественный, здоровый, понятный всем, комфортный и не вызывающий ощущения искусственности ни у кого из участников.

Ω
ь
в
р
е
т
н
з

Уверен, что к сотрудничеству в БРИКС добавится еще, как минимум, несколько направлений, в том числе такое важное для всех участников стран БРИКС, как горнодобыча. Я хочу сказать, что увлеченность всей нашей цивилизации *дотками, цифрой* во всех ее проявлениях, разного рода пузырями, безостановочно спекулятивно надуваемыми, и общим отходом от основ, от почвы, дает о себе знать. Тем не менее, сколько бы ни было в мире произведено 3D-принтеров и какие бы не происходили чудеса с точки зрения использования стволовых клеток для регенерации глаза пострадавшего от катаракты, горнодобыча остается той темой, которая требует углубленной совместной работы.

Каждая из стран БРИКС имеет особые интересы в этой области, и я вижу большие перспективы в разных отраслях, начиная от углеводородов до редкоземельных металлов. Есть еще экологические аспекты, рекультивация и много других аспектов. Каждая из стран, входящих в объединение, уже имеет в этой сфере очень серьезный опыт — и положительный, и негативный.

Но это просто иллюстрация. Мы, конечно, пойдём дальше с точки зрения развития *внутрибриксовских* механизмов банковско-финансовой деятельности, включая расчеты в национальных валютах, которые со временем могут быть открыты для других стран. Мы, конечно же, будем больше заниматься политикой, но политика не станет заслонять экономику, как это произошло в свое время в *семерке*, политизированной донельзя, из-за чего, в том числе, был создан формат *двадцатки*.

Мы не ставим перед собой задачи реорганизовать БРИКС, и вопросы членского состава вряд ли приобретут новую актуальность в течение ближайших трех лет. На мой взгляд, конфигурация останется примерно той же, что и сейчас, пятисторонней, мы не хотим ничего искусственно форсировать. Мы хотим дать возможность БРИКС реализоваться там, где мы чувствуем потребность в работе, в реальном диалоге и сотрудничестве, и делать это именно в кругу пяти стран, составляющих объединение.

Андрей Баклицкий

ИТОГИ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО 2015: ЧТО ЖДЕТ РЕЖИМ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Финальная пленарная сессия Обзорной конференции (ОК) Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 2015 г. завершилась в 22.00 двадцать второго мая. Фактически точка в работе конференции была поставлена за три часа до этого, когда заместитель госсекретаря США Роуз Готтемюллер отклонила итоговый документ из-за несогласия с разделом, посвященным созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Но хотя все было решено, внутренняя логика обзорного процесса ДНЯО не позволила участникам конференции разойтись. Они стали свидетелями выступления Великобритании и Канады в поддержку позиции США, остановки часов, созыва Ираном заседания Движения неприсоединения, возобновления пленарного заседания, речи представителя Египта, благодарившего российскую делегацию за проявленное лидерство, а также многочисленных выражений признательности в адрес председателя ОК алжирского посла Таус Ферухи. Только после завершения процедурных вопросов делегаты и представители экспертного сообщества смогли покинуть зал Генеральной Ассамблеи и направиться к единственному открытому в столь позднее время выходу. ОК ДНЯО 2015 г. завершилась, началась подготовка к ОК 2020 г. В темных коридорах опустевшего здания штаб-квартиры ООН ее перспективы казались особенно призрачными.

А
Н
А
Л
И
З

НА ПУТИ В НЬЮ-ЙОРК

Неспособность ОК ДНЯО 2015 г. принять итоговый документ не должна была стать неожиданностью, ее исход внушал серьезные опасения с самого начала.

Конференция по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке, запланированная на 2012 г. решением ОК 2010 г., так и не была созвана. Страны региона не могли договориться между собой по содержательным и организационным вопросам. США и Великобритания, два из трех коспонсоров резолюции по созыву конференции, последовательно принимали сторону Израиля. После того как на второй сессии Подготовительного комитета в 2013 г. египетская делегация покинула зал заседаний, протестуя про-

тив отсутствия прогресса по ЗСОМУ, о том, что этот вопрос станет бомбой замедленного действия, не говорил только ленивый.

Вопросы разоружения были другой вероятной причиной срыва конференции. На третьей сессии Подготовительного комитета к ОК ДНЯО именно различный подход к обязательствам по разоружению не позволил участникам принять консенсусный доклад¹. Представители *ядерной пятерки* настаивали на пошаговом подходе к ядерному разоружению, принимающем во внимание вопросы безопасности ядерных государств. Значительная часть государств, не обладающих ядерным оружием, выступала за признание катастрофических последствий применения ядерного оружия и скорейшее многостороннее разоружение. 20 октября 2014 г. заявление новозеландского посла Делл Хигги о гуманитарных последствиях ядерного оружия в Первом комитете Генеральной Ассамблеи² было поддержано 155 странами, что составляет 80% членов ООН.

Не добавляли оптимизма и напряженные отношения между двумя крупнейшими ядерными державами, Россией и США (позиции Великобритании и Франции во многом совпадали с американскими). Помимо украинского вопроса, который являлся главным раздражителем в отношениях между Москвой и Вашингтоном, стороны также расходились по вопросам соблюдения соглашений по контролю над вооружениями и дальнейшего сокращения ядерных арсеналов. Разногласия между Россией и США практически сводили на нет перспективы двустороннего разоружения ниже пределов нового Договора СНВ, что должно было стать очередным раздражающим фактором для сторонников ядерного нуля.

Причиной, по которой провал ОК в таких условиях все-таки стал сюрпризом для непосредственных участников, была сложная динамика переговорного процесса. ОК 2015 г. вполне могла завершиться принятием итогового документа, а наиболее вероятной причиной провала был совсем другой повод.

ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК

В целом, ОК началась позитивнее, чем рассчитывали многие наблюдатели. Присоединение к Договору Палестины в феврале 2015 г. сделало ДНЯО крупнейшим в мире соглашением по контролю над вооружениями³. Членство Палестины, ставшее возможным после того, как Россия — единственный из депозитариев Договора — согласилась принять палестинские ратификационные грамоты, было положительно встречено арабскими государствами и членами Движения неприсоединения. Другой отличительной чертой конференции стало присутствие на ней Израиля. Тель-Авив не является членом ДНЯО и подозревается в обладании значительным ядерным арсеналом, тем не менее впервые за 20 лет израильская делегация присутствовала на ОК в качестве наблюдателя. Хотя присутствие Тель-Авива скорее могло объясняться желанием Израиля наладить отношения с рядом арабских соседей и США, чем сменой политики страны в ядерной сфере, оно было воспринято как добрый знак, открывающий возможность для диалога. Успех переговоров между шестеркой международных посредников и Ираном, завершившихся меньше чем за месяц до начала ОК заключением лозаннских договоренностей, также способствовал доброжелательной атмосфере в Нью-Йорке.

Фу Конг — чрезвычайный и полномочный посол, заместитель Постоянного представителя Китайской Народной Республики при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве

— Каковы, на ваш взгляд, основные противоречия в интерпретации статьи VI ДНЯО?

— Статья VI ДНЯО задает четкое направление процесса разоружения: она предписывает в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о Договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем. Никаких правовых пробелов в Договоре нет. В нынешней международной ситуации сам ДНЯО и решения, принятые в ходе ряда Обзорных конференций, в том числе содержащиеся в Планах действий 2010 г., представляют собой практические и осуществимые планы поэтапного международного ядерного разоружения. Попытки иначе трактовать роль ДНЯО в вопросах ядерного разоружения не способствуют ни укреплению авторитета и действенности Договора, ни продвижению в вопросах ядерного разоружения.

— С тех пор как был подписан ДНЯО, все ядерные сокращения проводились на дву- либо односторонней основе, а не непосредственно в рамках Договора. Какова, на ваш взгляд, роль ДНЯО в ядерном разоружении?

— Прискорбно, что Обзорная конференция 2015 г. завершилась безрезультатно. Несмотря на это ДНЯО остается краеугольным камнем международного режима нераспространения, а также важным механизмом, способствующим международному ядерному разоружению. После окончания холодной войны Россия и США заключили ряд двусторонних договоров по сокращению своих ядерных арсеналов. Эти договоренности не были достигнуты непосредственно в рамках ДНЯО. Однако они отвечают целям Договора и были поддержаны на Обзорных конференциях как практические и осуществимые меры по ядерному разоружению. Эти договоры должны scrupulously соблюдаться. Кроме того, мы надеемся, что США и Россия продолжают существенно сокращать свои ядерные арсеналы. Необходимо отметить, что Китай будет и в дальнейшем ограничивать свой ядерный арсенал на уровне, минимально необходимом для обеспечения национальной безопасности, что представляет важный вклад в процесс международного ядерного разоружения. Когда сложатся подходящие условия, Китай также присоединится к процессу международных переговоров по ядерному разоружению.

— В ходе Обзорной конференции 2015 г. Австрия, выступая от имени более 150 государств, сделала заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия. Каким вам видится будущее Гуманитарной инициативы?

— Китай в полной мере понимает обеспокоенность ряда стран возможными гуманитарными последствиями применения ядерного оружия. Аналогичным образом мы выступаем за полное запрещение и полное уничтожение ядерного оружия, а также в поддержку усилий международного сообщества по выработке в надлежащее время реалистичного и долгосрочного плана, включающего поэтапные меры, в том числе по заключению конвенции о полном запрещении ядерного оружия, ведущую к полному ядерному разоружению. В то же время необходимо признать, что ядерное оружие тесно увязано с вопросами обеспечения национальной безопасности и глобальной стратегической стабильности. Непризнание этого факта не будет способствовать достижению прогресса в процессе ядерного разоружения, а со временем даже подорвет устойчивость гуманитарных инициатив.

КОРОТКО О ДНЯО

Подписан	1968 г.
Вступил в силу	1970 г.
Продлен бессрочно	1995 г.
Количество членов	191 государство
Члены ДНЯО, объявившие о выходе из Договора	КНДР
Члены ООН, не подписавшие ДНЯО	Израиль, Индия, Пакистан, Южный Судан
Обзорные конференции	раз в пять лет
Между Обзорными конференциями	сессии Подготовительного комитета, проходящие на второй, третий и четвертый год пятилетнего цикла
Принятие решений	консенсусом

Государства *ядерной пятерки* тоже проделали свою домашнюю работу. В начале конференции Россия, Великобритания, Китай и Франция объявили о ратификации Протокола к зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, подписанного всеми пятью ядерными государствами в 2014 г.⁴. Соединенные Штаты сообщили, что протокол направлен на ратификацию в Сенат.

Первые тревожные ноты зазвучали на третий день конференции, когда госсекретарь США Джон Керри в своем выступлении обвинил Россию в нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и назвал игнорирование Москвой Будапештского меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к ДНЯО экстраординарным. В ответном выступлении представитель России — посол М. И. Ульянов — отменил американские обвинения и обозначил встречные претензии к США как по ДРСМД, так и по совместным ядерным миссиям с неядерными членами НАТО. Исполняющий обязанности главы российской делегации также напомнил о качестве американской экспертизы на примере Ирака. Речь М. И. Ульянова появилась на официальном сайте ООН только на следующий день, ее переписывали в последний момент, после заявления американской стороны.

Впрочем, украинский вопрос не стал ключевой темой конференции. Помимо госсекретаря США и министра иностранных дел Украины, лишь представители нескольких западных стран, включая Канаду и Польшу, прямо обвинили Россию в нарушении Будапештского меморандума. После того как 30 апреля глава делегации Великобритании озвучил совместное заявление всех пяти официальных ядерных государств, стало ясно, что великие державы решили не обострять отношения внутри *пятерки*⁵. На первый план вышли вопросы разоружения и создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

Против ожидания, вопросы созыва конференции по ЗСОМУ решались на ОК достаточно конструктивно. Ближневосточная тематика была вынесена на рассмотрение Второго вспомогательного органа конференции, заседания которого велись в закрытом режиме. Несмотря на закрытый характер переговоров, было известно, что в неформальных консультациях участвует Израиль. Первую неделю конференции израильскую делегацию в Нью-Йорке возглавлял первый заместитель генерального директора МИД Израиля Джереми Иссахаров. Хотя за основу для работы был взят достаточно жесткий рабочий документ группы арабских стран (завершался мандат финского координатора посла Яакко Лааява, Генеральному секретарю ООН поручалось в течение 180 дней после принятия итогового документа ОК ДНЯО созвать конференцию, учреждались две рабочие группы)⁶, впоследствии он был доработан российской делегацией. Согласно российскому предложению, конференция по ЗСОМУ должна быть созвана на три месяца позже, к 1 марта 2016 г., также вводился принцип консенсуса при принятии решений⁷. Российский рабочий документ был использован для подготовки текста председателем Второго вспомогательного органа. В целом, Россия вложила много сил и ресурсов в ближневосточное измерение ОК. Когда обсуждение во Втором вспомогательном органе ОК стало заходить в тупик, российская делегация фактически взяла на себя функции председателя вспомогательного органа.

Александр Кментт — чрезвычайный и полномочный посол, директор Департамента по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения Федерального министерства по делам Европы, интеграции и иностранных дел Австрии

— Каковы, на ваш взгляд, основные противоречия в интерпретации статьи VI ДНЯО?

— Основные противоречия связаны с фундаментальными разногласиями между ядерными государствами и большинством безъядерных стран относительно того, что можно считать реальным прогрессом в области ядерного разоружения, и что включают обязательства в рамках статьи VI. Ядерные государства трактуют ядерное разоружение и статью VI как постепенный процесс, который увязан с поддержанием стратегической стабильности, а значит, по их мнению, и с сохранением стратегии ядерного сдерживания. До тех пор, пока в будущем (возможно, отдаленном) не сложатся соответствующие условия, ядерные государства, похоже, готовы предпринимать лишь весьма незначительные шаги — например, по сокращению уровней, но не меры, которые бы радикально снизили их зависимость от наличия ядерных арсеналов или изменили бы статус-кво. Именно поэтому конкретные меры и шаги, согласованные в 1995, 2000 и 2010 гг., например снижение уровня боеготовности, изменения в доктринах и т. д., внедряются неохотно либо вообще не внедряются.

Большинство безъядерных государств считает, что в ходе прошлых Обзорных конференций статья VI получила дальнейшее развитие, причем не только в политических декларациях о намерениях, не имеющих юридически обязывающего характера. Была внесена ясность в вопрос трактовки статьи VI. Поэтому выполнение ее требований и ядерное разоружение должны происходить безо всяких предварительных условий. Это договорное обязательство, которое подразумевает принятие понятных и существенных мер по снижению зависимости от ядерного оружия. Ничего подобного нет даже в планах, а сокращения ядерных арсеналов, хоть и являются позитивным процессом, не могут служить заменой конкретным шагам. Наоборот, сейчас ядерные государства делают долгосрочные инвестиции в развитие своих ядерных арсеналов и реализуют программы по их модернизации. Это не только свидетельствует о нежелании сокращать свою зависимость от ядерных арсеналов, но и входит в явное противоречие с духом и буквой ДНЯО. В результате все больше и больше безъядерных государств считает, что пять постоянных членов Совета Безопасности де-факто не выполняют свои обязательства в рамках статьи VI.

— С тех пор как был подписан ДНЯО, все ядерные сокращения проводились на дву- либо односторонней основе, а не непосредственно в рамках Договора. Какова, на ваш взгляд, роль ДНЯО в ядерном разоружении?

— ДНЯО должен быть той юридической платформой, на которой будет достигнуто ядерное разоружение. Все усилия, направленные на построение мира, свободного от ядерного оружия, соответствуют статье VI и способствуют достижению целей этой статьи, что подчеркивается в действии 1 Плана действий 2010 г. Поэтому дву- или односторонние меры, предпринимаемые ядерными государствами, можно рассматривать как частичное внедрение мер в рамках обязательств статьи VI, но не как замену разоружению, основанному на самом Договоре. Таким образом, необходимо определить и предпринять эффективные юридические меры, необходимые для построения и сохранения мира, свободного от ядерного оружия, как того требует статья VI. По мнению Австрии и более чем 100 других государств, для этого потребуются принять юридические меры, регулирующие запрет и уничтожение ядерного оружия, для заполнения существующего правового пробела.

— В ходе Обзорной конференции 2015 г. Австрия, выступая от имени более 150 государств, сделала заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия. Каким вам видится будущее Гуманитарной инициативы?

— Австрия всегда рассматривала Обзорную конференцию 2015 г. как хорошую возможность добиться конкретных результатов в области ядерного разоружения исходя из того, что на необходимость немедленных действий указывают доводы, использующиеся в Гуманитарной инициативе: последствия применения ядерного оружия будут намного более разрушительными, чем предполагалось ранее, риски его применения, преднамеренного или нет, намного выше, чем предполагалось ранее, и ни у кого нет возможности должным образом отреагировать на гуманитарный кризис такого масштаба. Однако Обзорная конференция не поставила точку в обсуждении инициативы. Хотя мы разочарованы нежеланием ядерных государств участвовать в обсуждении таких существенных вопросов в ходе конференции, мы считаем, что обсуждение проблематики ядерного оружия изменилось с учетом гуманитарного контекста, и это обсуждение больше не может сводиться только к военным аспектам. Уже 108 государств присоединились к Гуманитарному призыву¹, а в будущем число стран, разделяющих такой подход, будет только расти. Мы продолжим продвигать наши доводы на всех возможных площадках. Конечно же, мы еще продолжим анализировать итоги Обзорной конференции и будем обсуждать со всеми единомышленниками конкретные шаги, которые следует предпринять.

Этот подход дал свои плоды. За несколько дней до завершения ОК в кулуарах шли разговоры о том, как можно спасти договоренности по Ближнему Востоку, которые казались гарантированными, после того как вопросы разоружения торпедируют итоговый документ. Абсолютно серьезно обсуждался вопрос о том, может ли ОК принять отдельный документ по ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Эксперты утверждали, что теоретически такая возможность есть: ОК случалось принимать отдельные решения помимо итогового документа, хотя скорее по техническим, а не по содержательным вопросам.

Разоруженческая проблематика действительно давала больше всего поводов для тревоги. В Первом главном комитете ОК, занимавшемся разоружением и негативными гарантиями безопасности, не смолкали дебаты между неядерными и ядерными государствами. Австрия, ссылаясь на поддержку 159 государств — членов ООН, предложила включить в итоговый документ широкую гуманитарную повестку. Египет напомнил, что план действий, принятый по итогам ОК 2010 г., содержал отсылку к Конвенции о запрещении ядерного оружия, и предложил вернуться к этой идее.

Ядерная пятерка не оставалась в долгу. Представленные председателем Первого главного комитета представителем Перу Энрике Роман-Мореем⁸ и председателем Первого вспомогательного органа швейцарцем Бенно Лагнером⁹ документы, посвященные оценке результатов прошедшего обзорного цикла и дальнейшей деятельности в области разоружения, были встречены ядерными государствами в штыки. Представители *ядерной пятерки* назвали документ Первого вспомогательного органа неприемлемым, было озвучено предложение полностью отказаться от этого текста и в дальнейшем вести работу на основании документа Первого главного комитета. На заседании комитета глава французской делегации посол Жан-Юг Симон-Мишель заявил, что итоговый документ не должен приветствовать резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятые без консенсуса. По его словам, Париж также отказывался принимать решения неформальных конференций, в которых Франция не участвовала. В ответном комментарии представитель Ирана отметил, что в таком случае можно также игнорировать решения СБ ООН, мероприятия *ядерной пятерки* и Группу правительственных экспертов по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов.

Итогом дискуссии стал сначала обновленный документ Первого вспомогательного органа, а затем и сводный документ, включающий тексты Первого главного комитета и Первого вспомогательного органа. В обоих содержалось меньше упоминаний Гуманитарной инициативы, и был снижен объем обязательств, накладываемых на ядерные государства. В результате текст подвергся критике как со стороны неядерных государств (как недостаточно сильный), так и со стороны *ядерной пятерки*.

Но и в области разоружения ситуация постепенно менялась в лучшую сторону. Переговоры по статье VI продолжались, за жесткими официальными высказываниями следовали неформальные переговоры, и постепенно начали вырисовываться контуры компромисса, на который были готовы пойти и ядерные и неядерные государства. *Ядерная пятерка* не препятствовала включению в текст документа

Жан-Юг Симон-Мишель — чрезвычайный и полномочный посол, постоянный представитель Франции при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве

— **Каковы, на ваш взгляд, основные противоречия в интерпретации статьи VI ДНЯО?**

— Статья VI ДНЯО сформулирована предельно ясно. Она призывает к прекращению гонки вооружений. Эта цель была давно достигнута. Статья VI также говорит о ядерном разоружении, представляющем собой долгосрочный процесс, четко вписанный в контекст всеобщего и полного разоружения. Подобный подход и положения, содержащиеся в преамбуле Договора, однозначно свидетельствуют о том, что ДНЯО принимает в расчет стратегический контекст и международную обстановку во всей ее сложности. Именно это отказываются принять во внимание страны с радикальными подходами к ядерному разоружению, что и вызывает различные интерпретации статьи VI. В отличие от государств с более прагматичным и эффективным подходом, основанным на конкретных последовательных шагах, эти страны подходят к вопросу с идеологической точки зрения. Сторонники радикального подхода призывают к подписанию конвенции о запрещении ядерного оружия, что противоречит букве и духу договора. ДНЯО предусматривает только договор о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным контролем.

— **С тех пор как был подписан ДНЯО, все ядерные сокращения проводились на дву- либо односторонней основе, а не непосредственно в рамках Договора. Какова, на ваш взгляд, роль ДНЯО в ядерном разоружении?**

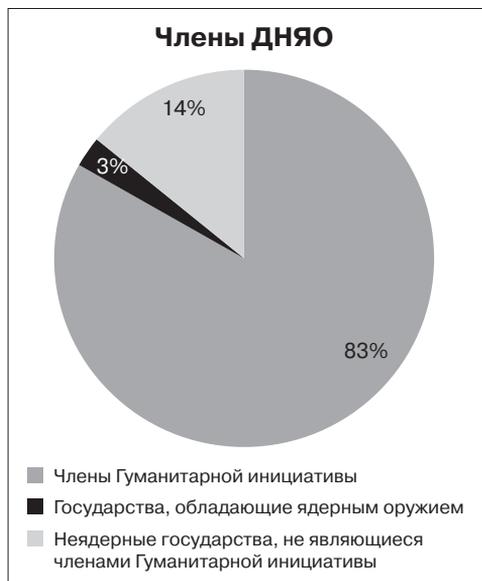
— ДНЯО остается краеугольным камнем международного режима ядерного нераспространения, основой для ядерного разоружения в соответствии со статьей VI Договора и важным элементом в продвижении использования атомной энергии в мирных целях. Обзорный процесс ДНЯО представляет уникальную площадку для дискуссий, а также возможность создавать политические условия, необходимые для продвижения всех трех столпов Договора. ДНЯО будет эффективен только при условии, что все заинтересованные стороны будут прикладывать усилия для достижения консенсуса, который был бы приемлем как для ядерных государств, так и для государств, не обладающих ядерным оружием. Обзорный процесс — не просто формат работы, это политический механизм. Очевидно, что все конкретные меры, предпринимаемые в области ядерного разоружения, одно-, дву- или многосторонние, должны приниматься во внимание в рамках обзорного процесса ДНЯО.

— **В ходе Обзорной конференции 2015 г. Австрия, выступая от имени более 150 государств, сделала заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия. Каким вам видится будущее Гуманитарной инициативы?**

— Франция полностью осознает тяжелые последствия применения ядерного оружия. 19 февраля этого года президент Франции Франсуа Олланд отметил разрушительные последствия использования ядерного оружия в своей речи посвященной французским силам ядерного сдерживания. Согласно ядерной доктрине Франции, ядерное оружие не планируется использовать на поле боя, оно является средством сдерживания потенциального противника для защиты жизненных интересов страны. Применение ядерного оружия возможно только в исключительных случаях для самообороны. Что касается ядерного разоружения, Франция всегда придерживалась взгляда, что намного эффективнее реализовывать конкретные шаги, чем принимать желаемое за действительное или отстаивать свои принципы. Мы не просто говорили о разоружении, мы разоружались. Такой реалистичный подход отличается от того, которого придерживается Гуманитарная инициатива, старающаяся заклеить ядерное оружие и запретить ядерное сдерживание. Опыт показывает, что инициативы по разоружению, которые не учитывают вопросы безопасности, не достигают желаемых результатов. Это не тот подход, который отражен в ДНЯО. Обзорный процесс Договора — единственный формат, в рамках которого возможно продвижение повестки ядерного разоружения, нераспространения и мирного использования атомной энергии. ДНЯО — самый эффективный инструмент для борьбы с распространением ядерного оружия, который продолжает играть незаменимую роль в нашей коллективной безопасности.

А
Н
А
Л
И
З

отсылку к гуманитарным последствиям ядерного оружия и Гуманитарной инициативе, взамен неядерные государства были готовы смириться с отсутствием жестких сроков по разоружению.

К финалу месячного марафона стороны подошли с ощущением, что компромисс возможен. Делегации должны были получить проект итогового документа, подготовленный председателем, вечером 21 мая. Однако из-за продолжающихся консультаций дипломаты, собравшиеся в здании ООН, прождали до полуночи, только чтобы узнать, что текст будет готов на следующий день. Утром 22 мая, когда финальный проект итогового документа¹⁰ оказался в открытом доступе, общее мнение на конференции сводилось к тому, что он будет принят.

Сам по себе документ не вызвал у участников ОК особого восторга. В параграфах текста, посвященных статье VI, были упомянуты катастрофические гуманитарные последствия применения ядерного оружия; ядерные государства должны были бы отчитаться о состоянии своих арсеналов и деятельности в сфере разоружения в 2017 и 2019 гг., отчеты должны были быть рассмотрены государствами — участниками Договора; наконец, ОК рекомендовала Генассамблее ООН учредить рабочую группу открытого состава по реализации статьи VI ДНЯО, предполагалось, что группа будет работать по принципу консенсуса.

Как и ожидалось, члены Гуманитарной инициативы оказались недовольны отсутствием новых обязательств по ядерному разоружению. Ядерным государствам, в свою очередь, пришлось бы принять гуманитарный дискурс, согласиться на большую прозрачность ядерных арсеналов и подготовиться давать отчет конференции о проделанной работе. При этом было похоже, что ни одна страна или группа стран не была готова взять на себя ответственность за срыв ОК из-за статьи VI.

Что касается ЗСОМУ на Ближнем Востоке, проект итогового документа предполагал, что Генеральный секретарь ООН (при помощи назначенного специального представителя) должен будет созвать конференцию по зоне не позднее 1 марта 2016 г., вопросы подготовки и повестки конференции должны были решаться консенсусно. Россия, Великобритания и США лишались особых прав по созыву (и, соответственно, отказу от созыва) конференции. Россия, оркестровавшая деятельность на ближневосточном направлении, поддерживала документ. В то же время жесткие временные рамки и лишение США права вето на созыв конференции очевидно противоречили позиции Израиля. И это для итогового документа 2015 г. оказалось фатальным.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ОБЗОРНОГО ПРОЦЕССА ДНЯО

Отсутствие консенсуса по итоговому документу ОК не означает, что основные принципы, на которых построен договор, оспариваются его участниками. Подавляющее большинство членов ДНЯО заинтересованы в ядерном нераспространении, а цена невыполнения положений договора достаточно высока, чтобы сдерживать потенциальных нарушителей. Чтобы понять, что провал ОК 2015 г. означает для будущего режима ядерного нераспространения, необходимо понять общий контекст происшедшего.

Педро Мотта Пинто Коэльо — чрезвычайный и полномочный посол, постоянный представитель Бразилии на Конференции по разоружению

— **Каковы, на ваш взгляд, основные противоречия в интерпретации статьи VI ДНЯО?**

— На мой взгляд, ядерные государства упорно придерживаются традиционной трактовки статьи VI, которая, во-первых, не включает обязательства по многосторонним переговорам, во-вторых, допускает, что процесс разоружения может быть долгосрочным, в-третьих, предполагает, что обязательства ядерных государств уже выполняются в рамках целого ряда инициатив. В этом и заключается основное противоречие, поскольку мы, безъядерные государства, считаем, что в статье VI содержится юридическое обязательство в духе доброй воли вести переговоры по разоружению, которое ядерные государства не выполняют. Кроме того, необходимо выработать эффективные меры по выполнению правовых обязательств, вытекающих из статьи VI. Что, конечно, не означает, что сама статья VI не является юридически обязывающей.

В этом, кстати, заключается еще одно противоречие, касающееся так называемого правового пробела. С точки зрения Бразилии, правовой пробел означает необходимость выполнять уже существующие юридические обязательства в рамках статьи VI. Ядерные государства не считают себя связанными юридическими обязательствами, они, возможно, даже готовы признать наличие того самого правового пробела, о котором говорят активисты в области разоружения. Это очень опасный подход, мы должны четко понимать, что статья VI сама по себе налагает юридические обязательства, и никакого правового пробела нет. Мы готовы принять этот термин только как воплощение уже существующих обязательств согласно статье VI.

— **С тех пор как был подписан ДНЯО, все ядерные сокращения осуществлялись либо в двустороннем, либо в одностороннем формате, а не непосредственно в рамках договора. Какова, на ваш взгляд, роль ДНЯО в процессе ядерного разоружения?**

— Мы приветствуем сокращения ядерных арсеналов на одно- или двусторонней основе. Однако с точки зрения обязательств, взятых на себя участниками ДНЯО, этого недостаточно. Учитывая результаты Обзорной конференции, сомневаюсь, что на площадке ДНЯО могут быть достигнуты договоренности по разоружению, и мы этим крайне разочарованы. Более того, мы подвергаем сомнению ценность самого Договора. Итоги последней Обзорной конференции продемонстрировали, что в нынешних обстоятельствах разоружение в рамках ДНЯО невозможно. Следует добавить, что в ходе конференции были и положительные моменты, и Бразилия это признает. В том, что касается собственно разоружения, были сделаны определенные позитивные предложения, но они не получили поддержки.

Довольно полезной была идея создания рабочей группы открытого состава в рамках Генеральной Ассамблеи для продолжения переговоров, хотя вновь делался упор на важность консенсуса. То, что даже в нынешних обстоятельствах предпринимается попытка вести работу на площадке Генеральной Ассамблеи, несомненно, является положительным сигналом, особенно учитывая, как обстоят дела на Конференции по разоружению.

Некоторые делегации, включая страны Коалиции за новую повестку дня, выступали за то, чтобы отклонить итоговый документ, учитывая слабость его раздела по разоружению. Но я был уверен, что документу нужно дать шанс. Мы провели обсуждение с членами Гуманитарной группы, участниками которой мы также являемся. Возможно, проект итогового документа не отвечал их ожиданиям, однако, на мой взгляд, он отражал основные аспекты гуманитарного подхода. Мы также были вполне удовлетворены результатами работы Второго и Третьего главных комитетов. Поэтому, рассматривая проект документа в целом, мы посчитали, что его следует одобрить. Он вполне мог бы считаться положительным результатом конференции.

Документ не был принят из-за раздела по Ближнему Востоку, именно поэтому я сказал, что сами по себе результаты Обзорной конференции не такие уж плохие. Плохо обстоят дела с самим Договором. После Обзорной конференции ДНЯО оказался в очень непростой ситуации. Я не думаю, что ДНЯО может добиться каких-то новых результатов в плане разоружения, поскольку договор уже исчерпал свои возможности.

— **В ходе Обзорной конференции 2015 г. Австрия, выступая от имени более 150 государств, сделала заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия. Каким вам видится будущее Гуманитарной инициативы?**

— Гуманитарная инициатива крайне важна, это реальность, и она никуда не денется. Более того, я считаю, что это движение способно придать новый импульс процессу разоружения. В кратко- и среднесрочной перспективе вся работа в сфере разоружения будет вестись в духе гуманитарного подхода. К примеру, если будет принято решение работать над заключением договора о запрещении ядерного оружия, страны Гуманитарной инициативы вполне готовы к этой задаче. Думаю, до проведения очередной сессии Генеральной Ассамблеи мы должны сформулировать конкретные предложения, которые можно было бы реализовать на площадке ООН. Не думаю, что нужно искать внешние площадки, по крайней мере такого мнения придерживается Бразилия, хотя в рядах Гуманитарной группы единого мнения по данному вопросу нет. Нет и четкого представления о том, что конкретно делать, если речь пойдет о договоре о запрещении ядерного оружия, и будет ли данный вопрос решаться в рамках Генеральной Ассамблеи или на параллельных площадках. Поживем — увидим.

А
Н
А
Л
И
З

Во-первых, ОК ДНЯО, завершившаяся без принятия итогового документа, не представляет собой ничего нового или даже необычного. С момента вступления договора в силу в 1970 г. сторонам не удавалось достигнуть консенсуса на четырех ОК из девяти (в 1980 г., 1990 г., 2005 г. и 2015 г.). По статистике, у ОК ДНЯО примерно равные шансы принять или не принять итоговый документ. Результат 2015 г., каким бы он ни был разочаровывающим, сам по себе не помогает понять основные тренды в рамках режима ядерного нераспространения.

Во-вторых, основные противоречия, обсуждаемые в рамках обзорного процесса ДНЯО, практически не менялись с момента заключения договора. За последние 40 лет рухнул биполярный мировой порядок, Индия, Пакистан и КНДР испытали ядерное оружие, но разоружение в рамках статьи VI Договора остается наиболее горячо обсуждаемым сюжетом. Как писал в 1985 г. в своей статье *ДНЯО: логика неравенства* Джозеф Най, неядерные государства обвиняют ядерные державы в «дискриминации, лицемерии и невыполнении своих обещаний по разоружению». Согласно Наю, «хотя громкая риторика является отличительной чертой подобных конференций и она не обязательно означает крах Договора <...> эти обвинения — проявление более глубоких, долгосрочных проблем, которые могут привести к краху ДНЯО»¹¹. Спустя несколько месяцев после выхода статьи третья ОК ДНЯО успешно приняла итоговый документ, а еще через 10 лет Договор был продлен бессрочно. Историю попыток создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке, ставшей соломинкой, переломившей спину верблюду, в 2015 г., также можно отследить как минимум до 1974 г.¹².

В-третьих, мир уже был свидетелем противостояния ядерных сверхдержав, при этом режим ядерного нераспространения был относительно не затронут. Текущие отношения между Россией и США остаются напряженными, что не обещает прогресса в области двустороннего разоружения. Соединенные Штаты обвиняют Россию в нарушении Будапештского меморандума, а Москва официально заявляет, что совместные ядерные миссии НАТО нарушают I и II статьи ДНЯО. В то же время обе стороны продолжают соблюдать действующие соглашения по контролю над вооружениями, такие, как Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (новый ДСНВ) и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), несмотря на взаимные обвинения в нарушении последнего. Россия и США также продолжают сотрудничать в рамках *ядерной пятерки*, консультационного формата пяти ядерных государств, действующего с 2009 г.

На данный момент Россия не готова поддержать предложение американской стороны по дальнейшему сокращению ядерных арсеналов каждого из двух государств до 1000 развернутых боеголовок. С точки зрения Москвы, необходимым условием дальнейших сокращений является поддержание стратегической стабильности, которую Вашингтон подрывает, разворачивая систему ПРО, разрабатывая стратегическое оружие в неядерном оснащении и выступая против продвигаемого Россией договора о запрете размещения оружия в космосе. Если какой-либо из этих трендов изменится в результате налаживания межгосударственных отношений или выработки креативных дипломатических решений, дву- и многосторонние инициативы в области разоружения могут вернуться на повестку дня.

Адам М. Шайнман — чрезвычайный и полномочный посол, специальный представитель президента США по вопросам ядерного нераспространения

— **Каковы, на ваш взгляд, основные противоречия в интерпретации статьи VI ДНЯО?**

— США не считают, что статья VI Договора о нераспространении ядерного оружия содержит какие-либо противоречия как в толковании, так и на практике. Буква Договора вполне ясна, она обязывает участников стремиться к ядерному разоружению. ДНЯО не устанавливает временные рамки достижения ядерного разоружения и не обозначает конкретные пути и способы достижения этой цели.

Существует ошибочное мнение, что статья VI обязывает участников ДНЯО установить некие правовые рамки для достижения ядерного разоружения. Никаких оснований для подобных утверждений нет ни в тексте Договора, ни в истории переговоров по его подписанию, ни в последующей практике его участников. Нет также оснований утверждать, что для ядерного разоружения необходимо подписание международного договора о всеобщем и полном разоружении. В статье VI говорится только о стремлении к ядерному разоружению без каких-либо увязок или предварительных условий.

Разногласия между участниками ДНЯО в отношении статьи VI носят преимущественно политический, а не юридический характер. Некоторые стороны разочарованы медленными темпами ядерного разоружения. США разделяют это разочарование. Существуют практические и реально осуществимые меры, которые уже сейчас можно было бы предпринять для продвижения к ядерному разоружению. К их числу относятся усилия на двустороннем уровне, например дальнейшие переговоры по ядерному разоружению между США и Россией, которые в 2013 г. предложил провести президент Обама, а также многосторонние усилия, такие, например, как завершение работы над договором о запрете производства расщепляющихся материалов или обеспечение вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Более радикальные идеи, такие, как запрет ядерного оружия или установление конкретных сроков уничтожения ядерного оружия, в нынешних условиях пока не достижимы; они также не могут стать следующим практическим шагом к достижению целей статьи VI.

— **С тех пор как был подписан ДНЯО, все ядерные сокращения проводились на дву- либо односторонней основе, а не непосредственно в рамках Договора. Какова, на ваш взгляд, роль ДНЯО в ядерном разоружении?**

— ДНЯО юридически обязывает участников стремиться к ядерному разоружению. Это единственный международный договор, в котором содержится подобное обязательство, поэтому ДНЯО — необходимый инструмент поддержания мира и международной безопасности. Однако в Договоре не озвучены сроки достижения

ядерного разоружения или конкретные способы достижения этой цели. Шаги, которые уже были предприняты — будь то двусторонние договоренности о сокращении ядерных вооружений, односторонние шаги или многосторонние переговоры (например, по ДВЗЯИ), — способствовали достижению целей ДНЯО, однако ни один из них не предписан самим Договором.

Сам по себе ДНЯО не является площадкой для ведения переговоров ни о контроле над ядерными вооружениями, ни о ядерном разоружении. Для этой цели существуют другие органы, в частности Конференция по разоружению в Женеве, которая была создана специально для ведения многосторонних переговоров. Однако, в ДНЯО содержится положение о проведении Обзорных конференций раз в 5 лет. Участники этих конференций традиционно стремятся прийти к общему пониманию относительно шагов, которые были предприняты, и последующих мер, которые могли бы способствовать выполнению статьи VI, а также по прочим аспектам Договора. Это договоренности являются политическими и не имеют юридически обязывающей силы, однако они играют важную роль в плане формирования общих ожиданий и задают направление дальнейших действий.

— **В ходе Обзорной конференции 2015 г. Австрия, выступая от имени более 150 государств, сделала заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия. Каким вам видится будущее Гуманитарной инициативы?**

— США полностью осознают разрушительный потенциал ядерного оружия. И мы, и остальные страны давно поняли, какие катастрофические последствия имело бы его применение. Именно этими соображениями и руководствуются Соединенные Штаты, которые уже несколько десятилетий предпринимают шаги в области нераспространения и разоружения. В этой связи мы разделяем нетерпение сторонников Гуманитарной инициативы, которые призывают принимать более активные меры по ядерному разоружению. Однако мы не видим реальной альтернативы практическому пошаговому подходу, благодаря которому с момента вступления в силу ДНЯО удалось добиться значительного сокращения ядерных арсеналов. При этом мы не поддерживаем попытки использовать Гуманитарную инициативу чтобы, пользуясь тем, что международное сообщество уделяет повышенное внимание проблеме ядерного оружия, навязывать невыполнимые и недостижимые цели, в том числе введение запрета на обладание ядерным оружием или его уничтожение, а также жестких временных рамок по уничтожению ядерного оружия. Мы продолжаем надеяться, что страны, выступившие с Гуманитарной инициативой, будут использовать этот процесс для налаживания взаимопонимания и укрепления сотрудничества между членами ДНЯО, а не для углубления разногласий между ними.

Несмотря на все вышесказанное, нужно отметить несколько тревожных тенденций, все более проявляющихся в рамках обзорного процесса Договора. Хотя основные темы, вокруг которых ведутся дискуссии на ОК, остаются неизменными, готовность сторон идти на компромисс и достигать консенсуса сходит на нет. Страны, недовольные положением дел в рамках обзорного процесса ДНЯО, ищут короткие пути для достижения своих целей, в первую очередь в области разоружения. Растет искушение перенести дискуссию по самым острым вопросам на площадку Генеральной Ассамблеи ООН или специально созданного органа, где решения принимались бы не консенсусом, а большинством голосов. Это позволило бы проводить повестку большинства, игнорируя мнение несогласных государств. Несмотря на кажущуюся привлекательность подобного шага, он едва ли приведет к желаемым результатам. Скорее наоборот, это ослабит обзорный процесс ДНЯО и, соответственно, режим ядерного нераспространения в целом. Яркой иллюстрацией тому служат два примера.

В ходе последней ОК негибкая позиция США и их союзников, отстаивавших интересы Израиля в рамках переговоров по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке, столкнулась с нежеланием делегации Египта забыть о полученных в 1995 и 2010 гг. обещаниях. Конференция завершилась отказом Вашингтона принять часть итогового документа, посвященную Ближнему Востоку, что означало провал всего итогового документа. В итоге, поскольку специальный координатор по созыву конференции по ЗСОМУ посол Яакко Лааява фактически сложил с себя полномочия, а новых решений принято не было, подготовка конференции была заморожена до лучших времен. Как откровенно выразился директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. И. Ульянов: «Прежний мандат по ЗСОМУ уже истек, а новый теперь, по всей видимости, может быть утвержден только на следующей обзорной конференции в 2020 году»¹³.

При этом у других участников процесса могут быть свои взгляды на происходящее. К примеру, никто не сможет помешать арабским государствам вынести вопрос о ЗСОМУ на Ближнем Востоке на заседание Генеральной Ассамблеи ООН. Опираясь на поддержку Движения неприсоединения, группа арабских стран сможет собрать достаточно голосов в Генассамблее, чтобы поручить Генеральному секретарю созвать конференцию по ЗСОМУ, игнорируя позицию США и Израиля.

Подобное решение было бы с ликованием встречено в арабском мире, но оно ни на шаг не приблизило бы начало переговорного процесса с участием всех региональных игроков, что является необходимым условием для успеха в создании зоны. Первоначально в ходе ОК группа арабских стран выдвинула достаточно жесткие требования по созыву конференции по ЗСОМУ, но в результате переговоров согласилась смягчить их, чтобы получить широкую поддержку своих инициатив. Так, например, в итоговом тексте появилось положение о том, что все решения на переговорах по созыву конференции по ЗСОМУ будут приниматься консенсусом, что де-факто дало бы Израилю право вето по любым содержательным вопросам¹⁴. И если арабские государства решат инициировать резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, им не нужно будет смягчать формулировки. Документ будет принят, даже если выгодный Израилю принцип консенсуса из него

исчезнет. Но подобные условия будут еще менее приемлемы для Тель-Авива, чем те, что были в итоге отвергнуты на ОК. В результате, проводить конференцию по ЗСОМУ придется без участия единственного в регионе государства, обладающего ядерным арсеналом.

В случае с ядерным разоружением ситуация также выглядит непростой. В ходе ОК около 160 государств-членов поддержали так называемую Гуманитарную инициативу, акцентирующую внимание на последствиях применения ядерного оружия для людей и окружающей среды. Данная группа государств выступала за создание юридически обзывающих инструментов для уничтожения ядерного оружия¹⁵ — предложение, не приемлемое для *ядерной пятерки*, — и настаивала на включении в итоговый документ формулировок и терминов, разработанных Группой (таких, как *гуманитарные последствия* применения ядерного оружия). Со своей стороны, ядерные государства отказались признавать *гуманитарный* подход, объявили, что, несмотря на мнение большинства членов Договора, необходимости в немедленных действиях в области разоружения нет, и, как и неядерные государства, с азартом принялись обсуждать термины вместо сути.

Многие участники и наблюдатели считали, что часть итогового документа, посвященная разоружению, включившая *гуманитарную* терминологию, но не содержащая обязывающих решений по разоружению, могла быть принята. Несмотря на то что многие неядерные государства не были в восторге от содержания раздела, желающих взять на себя ответственность за срыв ОК не нашлось, поэтому можно предположить, что некоторые члены Гуманитарной инициативы испытали облегчение, когда заместитель Госсекретаря США Роуз Готтемюллер объявила, что лучше «завершить эту Конференцию без итогового документа, чем поддерживать плохой итоговый документ»¹⁶.

После того, как ожидания неядерных государств в области разоружения не были удовлетворены, а два депозитария ДНЯО — США и Великобритания — сорвали принятие итогового документа ОК, действуя в интересах страны, не являющейся членом Договора, высока вероятность того, что недовольные страны могут решить выйти за рамки обзорного процесса. Гуманитарная инициатива или ее более радикальное крыло, а именно 108 стран, подписавших Гуманитарный призыв *заклеймить, запретить и ликвидировать ядерное оружие*, может начать работу над давно обсуждаемыми юридическими инструментами по запрету ядерного оружия. Сделать это можно в рамках Генеральной Ассамблеи ООН или в ходе следующей конференции, посвященной гуманитарным последствиям ядерного оружия.

И если конвенция о запрещении ядерного оружия будет вынесена на повестку любого этого форума, государства, обладающие ядерным оружием, их союзники и часть умеренно настроенных стран не будут принимать участие в обсуждении. Подобный шаг только усугубит расхождения между группами стран с различными подходами.

Вероятность фрагментации обзорного процесса ДНЯО по идеологическим линиям существовала всегда. Изначальное неравенство Договора и значительное количество региональных и тематических блоков в рамках обзорного процесса открывали для этого широкие возможности. Тем не менее на протяжении послед-

них 45 лет государствам-членам по большей части удавалось слушать друг друга. Диалог между странами позволял процессу двигаться вперед, а ОК и сессии Подготовительного комитета служили хорошей площадкой для дискуссии и поиска консенсуса. Эта практика не должна прекратиться.

Нежелание арабских государств продолжать переговоры по ЗСОМУ на условиях США и Израиля вполне объяснимо, учитывая, что ни одно обещание, данное с 1995 г., не было сдержано и гарантий успеха по-прежнему нет. Тем не менее переговоры должны продолжаться, но без участия Тель-Авива они не будут иметь смысла, и прямой арабо-израильский диалог должен быть продолжен. Со своей стороны Соединенные Штаты и Израиль должны понять, что запас терпения арабских стран не бесконечен. А если конференция по ЗСОМУ будет созвана без участия Тель-Авива, это только подольет масла в огонь региональных противоречий и усилит международное давление на Израиль, чего обе страны предпочли бы избежать.

Что касается ядерного разоружения, страны, входящие в Гуманитарную инициативу, должны четко определиться с целями и выбрать реалистичные пути их достижения. Пока введение в обиход *гуманитарной* терминологии и обсуждение новых данных о последствиях применения ядерного оружия едва ли перевешивают продвижение ядерного разоружения среди приоритетов группы. Гуманитарной инициативе удалось привлечь дополнительное внимание к важности статьи VI Договора, она смогла стать рупором большинства стран ДНЯО по вопросам ядерного разоружения. Но если объединение хочет оставаться значимым, его участникам придется заняться тяжелой дипломатической работой, чтобы дополнить массовую поддержку повесткой, приемлемой для обсуждения всеми членами ДНЯО. Государства, обладающие ядерным оружием, не согласятся на принятие конвенции о его запрещении в обозримом будущем. И здесь отсутствие у Гуманитарной инициативы серьезных альтернативных предложений в области разоружения на ближайшую и среднесрочную перспективу негативно влияет на ход обзорного процесса ДНЯО.

В свою очередь государства, обладающие ядерным оружием, не должны сходу отрицать *гуманитарный* подход. Основной посыл Гуманитарной инициативы заключается в том, что ядерная война вызовет катастрофические последствия. Ядерные государства понимают это значительно лучше, чем большинство неядерных стран. Осознание недопустимости ядерной войны легло в основу стратегии ядерного сдерживания и стало одной из причин, по которой за последние 70 лет ядерное оружие ни разу не применялось. Более того, ни одна ядерная держава не отрицает необходимость разоружения. С точки зрения *ядерной пятерки*, разоружение — важный и сложный процесс, который должен осуществляться поэтапно, без ущерба для безопасности всех участвующих в нем стран. Открытый диалог по возможным шагам в области разоружения и условиям их реализации между ядерными и неядерными государствами увеличит прозрачность обзорного процесса, укрепит ДНЯО и режим ядерного нераспространения.

Государства — члены ДНЯО должны продолжать диалог по самым острым вопросам. ОК 2020 г. станет юбилейной — с момента вступления ДНЯО в силу прой-

дет 50 лет. Менее известен тот факт, что, если бы в 1995 г. страны — участницы предпочли бы бессрочному характеру ДНЯО простое продление еще на 25 лет, в 2020 г. нас ждала бы еще одна конференция по продлению Договора с открытым финалом.

К счастью, сегодня нет необходимости беспокоиться о том, что из-за процедурных вопросов или позиции одной страны весь Договор перестанет существовать. Государства — члены ДНЯО, освобожденные от этой угрозы, должны работать вместе ради достижения общей цели — сделать мир безопаснее для всех его жителей. Договор, подписанный почти полвека назад, все еще отвечает поставленной задаче. 🐘

Примечания

- 1 Баклицкий Андрей. На пути к Обзорной конференции ДНЯО: иллюзорная легкость третьего Препюма не может предвещать чудес. *Индекс Безопасности*. № 3 (110). Стр. 11–20.
- 2 Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by Ambassador Dell Higgie. 20 октября 2014 г. http://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/1com/1com14/statements/20Oct_NewZealand.pdf (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 3 ДНЯО обогнал Конвенцию о запрещении химического оружия, в которой участвуют 190 стран. <http://www.opcw.org/about-opcw/> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 4 Совместное выступление государств — участников Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, на общих дебатах Обзорной конференции 2015 г. государств — сторон Договора о нераспространении ядерного оружия. г. Нью-Йорк, 27 апреля 2015 г. http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/centralasia_ru.pdf (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 5 Statement by the People’s Republic of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the United States of America to the 2015 Treaty on the Non-proliferation of Nuclear Weapons Review Conference, 30 апреля 2015 г. <http://statements.unmeetings.org/media2/4658065/uk-r5.pdf> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 6 Осуществление Резолюции 1995 г. и результаты 2010 г. по Ближнему Востоку. Рабочий документ, представленный Бахрейном от имени Группы арабских государств. 22 апреля, 2015 г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/113/98/PDF/N1511398.pdf?OpenElement> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 7 Выступление и.о. руководителя делегации Российской Федерации на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия М. И. Ульянова во Втором вспомогательном органе Конференции, Нью-Йорк, 14 мая 2015 г. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/77C845031092B0C43257E470044D346 (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 8 Report of Main Committee I: Chairman’s Draft on Substantive Elements. 8 мая, 2015. <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/documents/MCI-CRP3.pdf> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 9 Subsidiary Body 1: Draft substantive elements. 8 мая, 2015. <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/documents/SBI-CRP1.pdf> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 10 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Draft Final Document. P. 22. May 21, 2015, <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/documents/DraftFinalDocument.pdf> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 11 Joseph S. Nye Jr., NPT: The Logic of Inequality, *Foreign Policy*, No. 59 (Summer, 1985), P. 123–131, <http://www.jstor.org/stable/1148604> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 12 United Nations General Assembly Resolution 3263. Establishment of Nuclear-Weapon-Free Zone in the Region of the Middle East. 9 декабря, 1974 г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/738/65/IMG/NR073865.pdf?OpenElement> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 13 Михаил Ульянов: Обзорная конференция подтвердила значимость ДНЯО. *РИА Новости*. 01.06.15 <http://ria.ru/interview/20150601/1067514136.html> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).

Э
И
Л
А
Н
А

- 14 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Draft Final Document. P. 22. May 21, 2015, <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/documents/DraftFinalDocument.pdf> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
 - 15 Например, 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Subsidiary Body 1: Draft substantive elements. May 8, 2015. Para. 17 <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/revcon2015/documents/SBI-CRP1.pdf> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
 - 16 Remarks at the Conclusion of the 2015 Nuclear Nonproliferation Treaty Review Conference. Rose Gottemoeller, undersecretary of state for arms control and international security, May 22, 2015, <http://www.state.gov/t/us/2015/242778.htm> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- i* Гуманитарное обязательство (первоначально Австрийское обязательство) *заклеймить, запретить и ликвидировать ядерное оружие*. См. "Pledge presented at the Vienna Conference on the Humanitarian Impact of Nuclear Weapons" by Austrian Deputy Foreign Minister Michael Linhart. 9 декабря 2014 г.

Олег Демидов

СВЯЗАННЫЕ ОДНИМ БЛОКЧЕЙНОМ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ

В 2008 г. некто под псевдонимом Сатоши Накамото опубликовал в интернете статью с описанием протокола и принципа работы платежной системы в виде одноранговой сети¹. В 2009 г. этот же источник выложил в Сеть открытый код готовой к использованию программы-клиента. Так началась история криптовалют, первой главой которой и стал изобретенный таинственным господином Накамото биткойн (Bitcoin, BTC).

Биткойн — не только первая, но и наиболее распространенная сегодня криптовалюта, на долю которой приходится более 90% капитализации всех криптовалют в мире. Однако в тени биткойна продолжается развитие других криптовалют, известных как альткойны (Dogecoin, Litecoin, Stellar, Nxt и пр.) — сегодня их насчитывается более пятисот. Все это множество объединяют общие архитектурные принципы и программные решения.

С точки зрения технической архитектуры биткойн, как и другие криптовалюты, является так называемой пиринговой системой, или сетью равноправных участников. Наряду с пиринговым взаимодействием фундаментальной концепцией, лежащей в основе всех криптовалют, является блокчейн. По сути блокчейн представляет собой распределенную базу данных, особенность которой в том, что список записей в ней не прерывается, а последовательно пополняется, при этом новые записи привязываются к старым и подтверждаются за счет криптографических алгоритмов. В результате изменение записей в полученной цепочке невозможно как для внешних субъектов, так и для операторов узлов такого хранилища. Для биткойна блокчейн реализован в виде распределенного аналога гроссбуха (ledger), в котором регистрируются все новые транзакции с биткойном, после чего их изменение или отмена становятся невозможными.

Для работы такой системы не нужен центральный банк, который бы регулировал транзакции и объем циркулирующей валюты. Когда между двумя сторонами происходит транзакция, для нее создается соответствующее математическое вычислительное задание, которое рассылается по сети компьютеров. Транзакция считается завершенной, когда компьютеры сети решают данное задание, а тот конкретный компьютер (а точнее, узел сети), который завершил вычисление, получает вознаграждение в виде определенной суммы в биткойнах.

А
Н
А
Л
И
З

Теоретически допустимый объем эмиссии биткоинов ограничен, так как следует формуле убывающей геометрической прогрессии; как следствие, независимо от роста вычислительных мощностей, обеспечивающих эмиссию, она прекратится, когда будет выпущен 21 млн биткоинов. По прогнозам это может произойти в районе 2140 г. По состоянию на 3 июля 2015 г. было эмитировано 14 341 850 биткоинов, или порядка 67% от возможного объема.

В мае 2015 г. количество ежедневных транзакций устойчиво превышало 100 тыс. По мере увеличения количества завершенных транзакций растет и сложность вычислительных заданий, а значит, и их ресурсоемкость — объем вычислительных компьютерных мощностей, требуемый для решения каждого нового блока транзакций. На заре существования биткоина в 2010–2011 гг. решение новых блоков транзакций имело низкую ресурсоемкость: биткоины можно было эмитировать или на профессиональном жаргоне *майнить*, даже на обычном ноутбуке. Однако ресурсоемкость майнинга неуклонно росла и уже к 2012 г. вышла далеко за пределы возможностей пользовательских устройств. В настоящее время для обработки транзакций в биткоинах и эмиссии новых валют задействуются огромные вычислительные центры, использующие специальное аппаратное обеспечение. Такие центры называются майнинговыми фермами, они представляют отдельную нишу в рамках биткоин-индустрии. Наибольшее количество крупных ферм сосредоточено в США, Гонконге и КНР.

Несмотря на бурное развитие и большую популярность криптовалют в кругах ИТ-активистов и продвинутых пользователей (так называемое финтех-сообщество), их использование сопряжено с рядом рисков, обусловленных их технологической архитектурой и правовым статусом.

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ КРИПТОВАЛЮТ

Проблемы и риски, связанные с использованием криптовалют, условно можно поделить на три категории. Первая — уязвимости безопасности самой системы блокчейна и построенной на ней инфраструктуры услуг, включая сервисы-посредники, такие, как криптовалютные биржи и торговые платформы, сервисы электронных кошельков и пр. Эксплуатация этих уязвимостей обуславливает риски, прежде всего связанные с возможностью потери контроля над криптовалютными счетами и кошельками, для самих участников криптовалютной экосистемы.

Один из таких рисков связан с так называемой *Атакой 51%*, возможность которой заложена в архитектуре самого блокчейна. Если у согласованно действующей группы лиц под контролем окажется хотя бы 51% вычислительных мощностей, обеспечивающих процесс верификации логов транзакций в блокчейне (т. е. эмиссии биткоина), такая группа сможет не подтверждать чужие блоки транзакций, подтверждая только собственные, а значит, получать все вновь эмитируемые биткоины и блокировать по своему усмотрению любые транзакции. Однако сегодня ресурсоемкость решения хэш-функции и эмиссии новых биткоинов такова, что для *Атаки 51%* не хватит суммарных вычислительных мощностей ТОП-500 мировых суперкомпьютеров. Заговор владельцев крупнейших майнинговых пулов на практике крайне маловероятен: индустрия майнинга давно стала слишком глобальной и диверсифицированной, а крупных пулов насчитываются многие десятки.

Более актуальной проблемой для самих участников экосистемы является взлом криптовалютных кошельков, торговых площадок и платформ сервисов-посредников с целью хищения активов в криптовалютах. Одним из самых известных инцидентов стал взлом японской биткоин-биржи *Mt.Gox*, которая до декабря 2013 г. была крупнейшей в мире по объему транзакций. В феврале 2014 г. обнаружилось, что в течение нескольких предыдущих лет с этой биржи были тайно похищены биткоины на более чем 460 млн долл. США. Инцидент с *Mt.Gox* серьезно подорвал доверие к биткоин-биржам, а также способствовал потере японской площадкой лидерства по объему торгов. В феврале 2015 г. порядка 19 тыс. биткоинов на сумму 5,1 млн долл. США было похищено с электронных кошельков биткоин-биржи *Bitstamp* в результате взлома ее системы. Наученные опытом подобных инцидентов многие провайдеры биткоин-кошельков стали предлагать клиентам хранение криптовалютных активов на внешних жестких дисках (HDD, SSD), не подключенных к интернету (так называемая система *холодных кошельков*).

Однако и использование *холодных кошельков* не дает гарантии безопасности: в феврале 2015 г. в результате атаки было похищено 7170 биткоинов с *холодных кошельков* китайской биткоин-биржи *BTER*². Развитие рынка вредоносных программ, ориентированных на сегмент криптовалют, комментировали эксперты *Лаборатории Касперского (ЛК)* в 2014 г. Отмечалась тенденция к распространению вредоносного ПО двух типов: для взлома и хищения криптовалютного файла-кошелька и для тайной установки на зараженных устройствах приложений для майнинга биткоина. По оценке *ЛК*, за 2013 г. число атак с целью завладеть биткоин-активами выросло более чем в 2 раза — до 8,3 млн инцидентов³.

Вторая группа рисков, связанных с использованием криптовалют, имеет финансовую природу. В первую очередь речь идет об их высокой волатильности. Поскольку биткоин не был признан официальным платежным средством где-либо в мире, не существует его официального курса по отношению к другим национальным валютам. Курс определяет рынок в ходе торгов на виртуальных биткоин-биржах и обменных площадках. По состоянию на 3 июля 2015 г. курс ведущей мировой криптовалюты составлял 257 долл. США/1 BTC, а ее суммарная капитализация — 3,651 млрд долл. США. Хотя математическая модель, лежащая в основе технологии биткоина, делает его дефляционной валютой, на курс криптовалюты влияет множество внешних факторов, включая риски запретительного государственного регулирования. Один из примеров — решение китайского Центробанка в декабре 2013 г. ужесточить оборот криптовалют на территории страны, в том числе ввести запрет для банков на работу с биткоин-биржами, которое привело к обвалу курса биткоина. В начале декабря 2013 г. курс криптовалюты достиг исторического максимума в 1214 долл. США/1 BTC, но после решения китайских властей к 18 декабря он упал почти втрое — до 458 долл. США/1 BTC. Банковская инструкция КНР в сочетании с рядом внешних факторов уронила глобальную капитализацию биткоина на несколько миллиардов долларов США за пару недель⁴. Вместе с тем высокая волатильность никогда не отпугивала от биткоина критическую массу рыночных игроков. Криптовалюты возникли и развивались как высокорисковый инструмент, востребованный специфическим сообществом.

Третья группа рисков и угроз включает использование криптовалют в противозаконных целях, в том числе для торговли криминальными услугами, отмывания денег и финансирования терроризма. Особенности криптовалют при проведении

операций с ними позволяют избегать некоторых форм контроля, использующихся для транзакций с обычными деньгами. Поскольку операции с тем же биткоином, как правило, анонимны, невозможно проследить, не является ли отправитель и получатель средств одним и тем же лицом. Также трудно определить, участвуют ли в транзакции две или три стороны, и какая операция проводится на самом деле: обмен биткоинов на реальную валюту или платеж одной стороны в адрес другой. Кроме того, в силу отсутствия централизованного регистра транзакций государственным регуляторам трудно проследить происхождение средств на счетах владельцев биткоинов.

Особую проблему представляет активный симбиоз индустрии криптовалют с так называемым *теневым интернетом* (Darknet, Shadow Internet) — системой анонимных коммуникаций, основанных на использовании специального ПО поверх обычного интернета. Яркий пример — использование биткоина для расчетов между пользователями площадок TOR (The Onion Router — *луковичный маршрутизатор*)⁵. TOR представляет собой систему прокси-серверов, позволяющую устанавливать защищенное сетевое соединение, реализованное в виде анонимной сети виртуальных туннелей, обеспечивающих зашифрованную передачу данных. В начале 1990-х гг. TOR был разработан в Исследовательской лаборатории ВМС США, но с 2002 г. он рассекречен и развивается усилиями сообщества энтузиастов при поддержке различных организаций, включая Electronic Frontier Foundation, Минобороны, Госдепартамент и Национальный исследовательский фонд США. TOR предлагает пользователям почти полную анонимность в интернете и возможность коммуникации на доступных только внутри своей сети ресурсах, организованных по принципу квазидоменов (например, квазидомен .ONION) и недоступных из обычного интернета. Развитие теневых площадок TOR в 2010–2013 гг. сопровождалось активным ростом популярности биткоина как средства расчетов в сделках, заключаемых на таких площадках. В результате возникла *безопасная гавань*, поначалу не замеченная правоохранительными органами ни одной страны, в которой биткоин использовался в том числе для оплаты огромного количества криминальных услуг, включая торговлю наркотиками, оружием, экстремистской литературой, услуг по запугиванию, шантажу и похищению людей.

Особый масштаб приобрела деятельность размещенной в TOR виртуальной площадки Silk Road (*Шелковый путь*). Ресурс, созданный в 2011 г., работал как глобальный черный рынок, который в качестве брокерской площадки сводил поставщиков и покупателей криминальных услуг. Площадкой Silk Road пользовались несколько тысяч наркоторговцев и других криминальных дельцов, предлагавших товары и услуги более чем 100 тыс. покупателей. Основным средством расчетов на Silk Road выступал биткоин. За время работы ресурса в 2011–2013 гг. суммарный оборот превысил 9,5 млн биткоинов (1,2 млрд долл. США), включая более 600 тыс. биткоинов, выплаченных в качестве комиссий самой площадке по ставке от 8 до 15% за транзакцию. Платежная система Silk Road работала в качестве внутреннего биткоин-банка, аккаунт в котором имел каждый пользователь. Считается, что через ресурс были отмыты несколько сотен миллионов долларов США. В 2013 г. ФБР США закрыло Silk Road, изъяв из его системы 173991 биткоинов и арестовав его владельца Росса Ульбрихта⁶. Однако уже в октябре 2013 г. в TOR возник ресурс Silk Road 2.0, попытавшийся повторить успех предшественника. Проблема симбиоза криптовалют с TOR и *теневым интернетом* для торговли

криминальными услугами и совершения незаконных сделок остро стоит не только для США. По состоянию на июнь 2015 г. через TOR активно действовал ресурс Russian Anonymous Marketplace (RAMP), торгующий наркотиками и ориентированный на российских клиентов.

Случаи, подобные истории с Silk Road, вынуждают многие правительства занимать крайне настороженную позицию по отношению к криптовалютам и не допускать их легализации. Это толкает участников криптовалютной экосистемы все дальше в теневой сектор и стимулирует их искать решения, обеспечивающие максимальную защиту от правоохранительных органов. Например, провайдер биткоин-кошельков Dark Wallet строит свою бизнес-стратегию на полностью анонимном проведении транзакций. Такая тенденция серьезно подрывает возможности широкой легализации того же биткоина и толкает криптовалютное сообщество на противостояние с властями.

Проблемы использования криптовалют в противозаконных целях привлекли внимание государств и международных организаций. Австралия, Россия, Сингапур, США, Швейцария и другие страны уже выступали с заявлениями по поводу рисков использования криптовалют для различных противозаконных целей. В июне 2015 г. первый доклад о виртуальных валютах опубликовала⁷ межправительственная Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), разработчик стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (ОД/ФТ). Членами ФАТФ являются 34 страны, включая Россию. Изложенные в докладе рекомендации, такие, как необходимость идентификации посредников в сделках с виртуальными валютами, могут способствовать дальнейшему развитию национальных политик и международного сотрудничества в этой сфере.

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В МИРЕ

В силу недавнего появления технологии блокчейна и ее чрезвычайно быстрого развития международная практика регулирования криптовалют находится в начальной стадии. Во многих государствах до сих пор не выработана какая-либо внятная позиция по криптовалютам и их использованию бизнесом и гражданами. В странах, где такая работа ведется, чаще всего позиции правительства начинают формулировать центральные банки либо иные финансовые регуляторы.

В целом, по состоянию на конец 2014 г., в мировом масштабе преобладала тенденция к легализации криптовалют. Как минимум 28 государств и территорий к началу 2015 г. признали возможность ведения деятельности с использованием криптовалют на своей территории⁸. Некоторые государства и территории (КНР, Тайвань и Исландия) существенно ограничили оборот криптовалют, но не ввели полного запрета. К началу 2015 г. лишь шесть государств полностью запретили оборот криптовалют: Бангладеш, Боливия, Эквадор, Кыргызстан, Таиланд и Вьетнам. Однако полный запрет на криптовалюты порой оказывается относительным, так как правительства не слишком активно следят за его соблюдением. Например, по состоянию на июнь 2015 г. сообщалось о наличии в Бишкеке и Бангкоке биткоин-терминалов.

Характерные черты регулирования криптовалют на данном этапе — мозаичность и разнородность страновых подходов и отсутствие типовых моделей. В международных структурах выработка позиций по работе с криптовалютами в целом идет даже медленнее, чем на страновом уровне. Ни Всемирный банк, ни Международный валютный фонд по состоянию на июнь 2015 г. не выработали никаких целевых рекомендаций по криптовалютам. Наиболее активную позицию по поводу криптовалют пока занимает упомянутая выше ФАТФ со своим списком рекомендаций, изложенным в докладе от 15 июня 2015 г. Появление первой межгосударственной политики регулирования криптовалют также возможно на площадке ФАТФ — в июне 2015 г. три ведущие экономики мира, США, КНР и Япония обратились в Группу с проектом общей концепции, направленной на предотвращение рисков в сфере ОД/ФТ, связанных с использованием криптовалют⁹. В случае одобрения концепции появится шанс на ее принятие всеми странами — членами ФАТФ.

Евросоюз предпочитает не опережать свои страны-члены в разработке политик регулирования криптовалют, ограничиваясь отслеживанием состояния отрасли и оценкой рисков. В декабре 2013 г. европейский банковский регулятор European Banking Authority (EBA) выпустил предупреждение о рисках операций с виртуальными валютами. В октябре 2012 г. Центробанк ЕС опубликовал доклад, в котором рассматривалось соответствие криптовалют критериям Директивы об электронных деньгах от 2009 г.¹⁰. Регулятор отметил, что под действие Директивы подпадают только платежные средства, которые эмитируются после получения оплаты, коими криптовалюты не являются¹¹. В новом издании доклада за март 2015 г. также не содержалось обязывающих заключений и рекомендаций.

Европейские государства вырабатывают собственные подходы к регулированию криптовалют. В Германии Федеральное управление финансового надзора (BaFin) классифицировало биткоины как *частные деньги*, выпускаемые частными эмитентами и не являющиеся официальной валютой. Продажа биткоинов облагается НДС, с прибыли от операций с биткоинами взимается подоходный налог. В Норвегии налоговый регулятор признал криптовалюты разновидностью капитального имущества, при продаже которого юрлицами взимается налог на прибыль по ставке 25%. Криптовалюты в стране также облагаются налогом на прирост капитала¹². В Великобритании Королевская налоговая и таможенная служба рассматривает биткоины как специальные торгуемые ваучеры, сделки с которыми подлежат обложению НДС по ставкам от 10 до 20%. Общим трендом в регулировании виртуальных валют в Европе можно считать разве что отсутствие государств, которые пытались бы их запретить.

США

Регулирование в Соединенных Штатах осуществляется в соответствии с принципом федерализма, вследствие чего в разных штатах в отношении криптовалют действуют различные нормы и практики. На федеральном уровне специального законодательства по криптовалютам не принято. В ноябре 2013 г. в Сенате прошли слушания по виртуальным валютам¹³, в ходе которых были высказаны опасения, что эти инструменты могут облегчить продажу оружия, распространение детской порнографии и оплату услуг наемных убийц. Однако председатель ФРС США Бен Бернанке в своем письме, направленном Сенату, отметил, что виртуальные валю-

ты могут способствовать появлению более безопасных и эффективных платежных систем, а ФРС «не обязательно напрямую уполномочена контролировать и регулировать [связанные с криптовалютами] инновации» и компании, которые выводят их на рынок¹⁴. По итогам слушаний законодательных инициатив в отношении биткоина не последовало.

На уровне штатов лидером в сфере регулирования криптовалют пока остается штат Нью-Йорк. В июле 2014 г. Департамент финансовых услуг штата (NYDFS) опубликовал проект лицензионных и регуляторных требований (так называемый BitLicense) к организациям, ведущим операции с криптовалютами¹⁵. Точные сроки принятия этих требований неизвестны. В рамках первого раунда обсуждения концепции была озвучена идея обязательного декларирования имен и физических адресов владельцев криптовалютных счетов. Было также предложено организовать ежеквартальный аудит организаций, ведущих бизнес с криптовалютами. В предложенном законодательстве упор был сделан на защиту потребителей и учет данных об отправителях и получателях криптовалютных платежей. Новая версия законодательных инициатив (*BitLicense 2.0*) была опубликована в феврале 2015 г.¹⁶ и освободила некоторые виды криптовалютных бизнесов от лицензионных требований. Основное изменение по сравнению с предыдущей версией состоит в том, что компании будут обязаны получать и хранить информацию только о собственных клиентах, а не об обеих сторонах каждой криптовалютной транзакции.

Примеру Нью-Йорка последовали штаты Вермонт и Калифорния, которые ввели требования по лицензированию банкоматов и терминалов, предлагающих услуги по обмену биткоинов. Вермонт даже принял закон, позволяющий гражданам платить налоги в биткоинах. Вместе с тем ряд штатов требует, чтобы связанные с криптовалютами интернет-ресурсы и онлайн-площадки четко информировали пользователей о рисках, связанных с использованием таких инструментов. В Коннектикуте Палата представителей в мае 2015 г. приняла закон, который обязывает компании, подающих заявку в Банковский департамент штата на лицензию на проведение денежных переводов, указывать, планируют ли они работать с виртуальными валютами¹⁷.

В США биткоин понемногу становится обычным инструментом сбора средств на политические кампании. В феврале 2015 г. первое рассмотрение в Сенате штата Теннесси прошел законопроект, позволяющий кандидатам на выборные должности принимать пожертвования в цифровых валютах¹⁸. В мае 2015 г. Федеральная избирательная комиссия США разрешила оргкомитетам политических движений принимать пожертвования в криптовалютах с рядом ограничений (лимит в 100 долл. США от одного жертвователя в течение одного избирательного цикла)¹⁹. О намерении принимать пожертвования в биткоинах в апреле 2015 г. уже объявил один из участников президентской гонки в США — сенатор Рэнд Пол из Кентукки²⁰.

Многообещающие процессы происходят в частном секторе США, пока не испытывающем серьезных ограничений со стороны властей. Начиная с 2015 г. проекты, связанные с криптовалютами, начали привлекать серьезные инвестиции с *Уолл-стрит*. В январе Нью-Йоркская фондовая биржа вложила 75 млн долл. США в площадку по обмену биткоинов *Coinbase*, а в мае включила в свою систему индексов индекс биткоина (NYXBТ)²¹. В начале 2015 г. инвестиционный банк *Goldman Sachs* профинансировал биткоин-стартап *Circle Internet Financial* на 50 млн долл. США²²,

а биткоин-биржа *ItBit* сингапурского происхождения привлекла в Штатах инвестиции на 25 млн долл. США и подала запрос на получение банковской лицензии в штате Нью-Йорк. В мае компания получила от NYDFS разрешение на предоставление своих услуг на территории штата²³.

Другая магистральная тенденция в США — расширение круга крупных ИТ-компаний, принимающих криптовалюты к оплате. В июле 2014 г. крупнейшей корпорацией, принимающей к оплате биткоины, стал ИТ-гигант *Dell*. С сентября 2014 г. платежи в биткоинах на территории США начал принимать *PayPal*. В декабре 2014 г. оплата в биткоинах стала доступна для американских клиентов в ряде онлайн-магазинов корпорации *Microsoft* (*Windows*, *Windows Phone*, *Xbox Games*, *Xbox Music* и *Xbox Video*). Принимать к оплате биткоин в 2014 г. начали и некоторые крупные американские ритейлеры, включая *Overstock* и *Newegg*. Дальнейшее развитие этого тренда может привести к тому, что биткоин в Штатах окончательно выйдет за рамки узконишевого платежного инструмента.

Сингапур

В азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) передовые практики регулирования криптовалют формирует Сингапур. В декабре 2013 г. денежно-кредитное управление страны (*Monetary Authority of Singapore — MAS*) в электронном письме частной брокерской компании *Coin Republic* заявило, что не намерено ограничивать право частных организаций принимать биткоины в качестве средства оплаты услуг и товаров²⁴. До этого сингапурские чиновники заявляли об отсутствии намерения жестко регулировать оборот криптовалют в стране. В сентябре 2013 г. представители *MAS* предупреждали бизнес о рисках использования виртуальных валют, включая их высокую волатильность и отсутствие гарантий возмещения потерь в случае прекращения оборота биткоина²⁵.

Уже в январе 2014 г. налоговая служба Сингапура (*Inland Revenue Authority of Singapore, IRAS*) пояснила принципы налогообложения виртуальных валют²⁶. По мнению регулятора, для целей обложения сингапурской разновидностью НДС — налогом на товары и услуги (*Goods and Services Tax, GST*) — виртуальные валюты не рассматриваются в качестве *денег, валют или товаров*²⁷. Транзакции с виртуальными валютами причисляются к категории *оказание услуг* (*supply of services*)²⁸, а сделки, в которых криптовалюты используются для оплаты товаров и услуг, признаются бартерными сделками²⁹.

Такая квалификация не позволяет вывести биткоин из-под обложения GST, который не уплачивается лишь с экспорта товаров и международных услуг, продажи и аренды жилищной собственности и большей части финансовых услуг. В трактовке налогового ведомства Сингапура сделки с виртуальными валютами между сингапурскими субъектами подлежат налогообложению по стандартной ставке в 7%. Однако в случаях, когда в сделке с расчетами в биткоинах хотя бы одна из сторон — нерезидент, транзакции считаются совершенными за пределами Сингапура и налог с них не взимается. В случае расчета биткоинами при импорте товаров применяются те же налоговые правила и исключения, что и для обычных валют. Любопытны введенные регулятором правила расчетов в криптовалютах за виртуальные же товары и услуги — например, в онлайн-играх и виртуальных сообществах, а также за внутренние покупки в приложениях (*in-app purchases*). Пока полученные в таких сделках

виртуальные валюты не конвертируются в реальные активы, сделки рассматриваются в качестве аренды и не подлежат обложению *GST*.

Что касается подоходного налога (*Income Tax*), для компаний, ведущих торговлю виртуальными валютами, доход, полученный, например, в биткойнах, облагается подоходным налогом по стандартной ставке. Однако если портфель криптовалют является частью инвестиционных вложений компании, доходы от его продажи рассматриваются как капитал и не облагаются налогом.

В течение 2014 г. внимание госорганов во многом сместилось на регулирование посредников в обороте виртуальных валют как части национальной политики по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (ОД/ФТ). В заявлении MAS от 13 марта 2014 г. отмечалось, что транзакции с использованием криптовалют в силу анонимности участников и посредников особо подвержены рискам ОД/ФТ³⁰. В этой связи было объявлено о том, что Сингапур одной из первых стран в мире введет регулирование в отношении участников транзакций с виртуальными валютами³¹. Такое регулирование должно обязать посредников (операторов биткоин-бирж, владельцев биткоин-банкоматов) идентифицировать своих клиентов и сообщать о подозрительных сделках.

По итогам 2014 г. активизация государственного регулирования никак не помешала островному государству стать одним из ключевых региональных центров и рынков биткоин-бизнеса. В феврале 2014 г. сингапурские компании *Tembusu Terminals* и *Numoni* запустили первые в Азии биткоин-банкоматы. Сегодня в Сингапуре уже не менее восьми таких устройств, позволяющих обменивать криптовалюту на наличные либо покупать биткойны с помощью электронных кошельков на смартфонах³². Появился целый ряд нишевых стартапов, которые растут за пределы Сингапура. 10 июня упомянутая *Tembusu Systems* объявила о запуске собственной защищенной системы финансовых транзакций на основе блокчейна — *TRUST*³³, которая позволяет осуществлять транзакции с использованием разных типов платежных средств, как фиатных, так и цифровых валют. В январе 2015 г. сервис привлек инвестиций на 1,12 млн сингапурских долларов и планирует продвигать свою платформу в регионе АТР³⁴.

В марте 2014 г. сингапурская *Numoni Pte Ltd.* установила первый биткоин-банкомат в Малайзии. Стартап *CoinPip* получил финансирование из Кремниевой долины и продвигает в Индии, Китае, Индонезии, на Филиппинах и на Тайване систему международных денежных онлайн-переводов на основе блокчейна в течение 48 часов с комиссией 2%³⁵. Торговая биткоин-площадка *itBit*, которая была основана в Сингапуре в 2010 г., привлекла 5,5 млн долл. США в 2013 г., а в мае 2015 г. вышла со своими услугами на американский рынок³⁶. Денежный поток, создаваемый в этих нишах, исчисляется десятками миллионов долларов в год, а интерес к блокчейну начинают проявлять крупные игроки. Весной 2014 г. сингапурский государственный инвестиционный фонд *Temasek Holdings* (объем инвестиционного портфеля 215 млрд сингапурских долларов) провел корпоративный эксперимент по обучению персонала использованию биткоин-кошельков³⁷. При этом законы не запрещают фонду вкладываться в биткойны и другие блокчейн-сервисы. Такие инвестиции могли бы вывести рынок услуг на основе блокчейна на новый уровень в Сингапуре и, возможно, во всем АТР. Биткоин-бум также сделал Сингапур центром различных тренингов, семинаров и биткоин-конференций, участие

в которых принимает не только бизнес, но и научно-образовательное сообщество. В ноябре 2014 г. *Сингапурский университет менеджмента (SMU)* организовал первую Конференцию по криптовалютам³⁸.

На сегодня модель регулирования криптовалют в Сингапуре хотя и далека от завершения, но по региональным и мировым меркам выглядит сбалансированной и комплексной. Успешный опыт сингапурского бизнеса в сфере криптовалют определяется не только политикой налоговых и финансовых регуляторов, но и в целом крайне передовой и эффективной экосистемой электронного государства, созданной в стране. Однако некоторые наработки государственных регуляторов вполне могут представлять интерес и за пределами Сингапура. В частности интересен регуляторный принцип *биткоин — не (псевдо) валюта, а услуга*, который может быть проработан применительно к правовым системам других государств. Логике сингапурского налогового ведомства следует Австралия. 20 августа 2014 г. *Австралийское налоговое управление (Australian Tax Office)* выпустило разъяснения, согласно которым криптовалюты не являются ни деньгами, ни иностранной валютой, а транзакции с ними считаются бартерными сделками³⁹.

Китай

5 декабря 2013 г. центробанк КНР объявил, что считает биткоин виртуальным товаром, не являющимся законной валютой. Вскоре центробанк совместно с четырьмя другими министерствами и государственными комиссиями опубликовал инструкцию № 289⁴⁰, которая запретила банкам и финансовым организациям КНР конвертировать криптовалюту в юани и рекомендовала торговым компаниям не принимать биткоины к оплате, ссылаясь на риски в сфере ОД/ФТ. Кроме того, центробанк обязал все биткоин-компании пройти регистрацию в Министерстве информационных технологий. Нововведения должны были ударить прежде всего по шанхайской биткоин-бирже *BTC China*, на тот момент одной из крупнейших в мире, наряду с японской *Mt. Gox* и европейской *Bitstamp*. На начало декабря ежедневный оборот биржи достигал 100 тыс. биткоинов (около 50 млн долл. США) и составлял до 30% глобального обмена биткоинов⁴¹. В действительности, как отмечалось выше, инициативы властей КНР повлекли обвал курса самой криптовалюты.

Однако ужесточение правил не убило китайский криптовалютный сектор благодаря оставленным лазейкам. Во-первых, транзакции между физическими лицами по-прежнему легальны. Во-вторых, в 2014 г. правительство не спешило душить китайские биткоин-площадки, вопреки своим же инструкциям. По данным отчета инвестбанка *Goldman Sachs*, в конце 2014 г. 80% от мирового объема сделок по обмену биткоина на законные валюты проводилось с использованием китайского юаня. В начале 2014 г. этот показатель составлял порядка 50%⁴². Впрочем, такой результат частично может быть обусловлен падением курса юаня к доллару США в 2014 г., побудившим китайских граждан активнее использовать биткоин для валютно-обменных операций.

Будущее бурно растущей биткоин-отрасли в Китае зависит от дальнейших решений регуляторов. Но чем дальше, тем большие потери повлечет за собой тотальный запрет оборота криптовалют, так как финансовые потоки китайских биткоин-бирж, торговых площадок, криптовалютных стартапов и других участников рынка растут каждый месяц. Сотни миллионов юаней, которые генерирует сектор в настоящее

время, — капля в море для экономики КНР, но в условиях нарастающего замедления темпов роста ВВП и исчерпания традиционных драйверов развития и эта малость может оказаться ценной, тем более что потенциальная емкость биткоин-рынка в стране на многие порядки выше.

Криптовалюты в России: на запретительной развилке

В России подход федеральных регуляторов к использованию криптовалют до последнего времени развивался в запретительном русле. При этом в стране растет полутеневой биткоин-бизнес, а интерес к криптовалютам присутствует у ряда крупных игроков, включая ведущие банки. Отличительная черта государственной политики в сфере криптовалют в России состоит в том, что ее курс складывается из позиций ряда федеральных ведомств (Центробанк, Минфин, Росфинмониторинг, Минэкономразвития, Генеральная прокуратура), среди которых нет единства. На расстановку сил влияют банковский сектор (Сбербанк) и инициативы законодательной ветви власти (Госдума, Совет Федерации), а позиции регуляторов могут резко меняться за короткое время. Поэтому коридор возможностей для лоббирования интересов биткоин-индустрии и бизнеса в России шире, чем кажется на фоне последних запретительных инициатив.

В январе 2014 г. российский Центробанк впервые озвучил свою позицию по регулированию использования виртуальных валют с учетом рисков ОД/ФТ. В пресс-релизе регулятора со ссылкой на статью 27 ФЗ-86 о Центробанке сообщалось о полном запрете «выпуска на территории РФ денежных суррогатов». Услуги юридических лиц по обмену *виртуальных валют* на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) предписывалось классифицировать как *потенциальную вовлеченность* в деятельность по ОД/ФТ⁴³. Месяцем позже Центробанк провел совместное заседание с Генпрокуратурой РФ по вопросам криптовалют⁴⁴. В последовавшем пресс-релизе Генпрокуратуры биткоин был раскритикован как спекулятивный и высокорисковый инструмент; были анонсированы «конкретные совместные действия Банка России и правоохранительных органов по предотвращению возможных правонарушений в сфере денежного обращения в России».

Однако уже в июле 2014 г. первый зампред Центробанка Георгий Лунтовский, выступая на Международном банковском конгрессе в Санкт-Петербурге, озвучил иную установку. По его словам, Центробанк является сторонником «аккуратного подхода к биткоинам», и отвергать криптовалюты не следует, так как «за ними, возможно, будущее»⁴⁵. Чиновник отметил, что Центробанк отслеживает развитие сектора виртуальных валют совместно с Банком международных расчетов и определится с подходом к их регулированию после консультаций с правительством.

Намек Центробанка на разворот в сторону либерализации подхода к регулированию криптовалют по времени почти совпал с запретительными инициативами других федеральных ведомств. В октябре 2014 г. был опубликован проект федерального закона о внесении поправок в ряд нормативных актов РФ, разработанный Минфином РФ (так называемый *законопроект о денежных суррогатах*). В проекте ФЗ не использовались понятия *биткоин*, *криптовалюта*, *виртуальная валюта*, однако с точки зрения регулятора все эти инструменты подпадали под определение денежных суррогатов (ДС). Законопроект полностью запрещал эмиссию ДС на территории России и осуществление операций с ними. Предлагалось ввести

ответственность за противозаконные действия четырех видов, включая эмиссию ДС, создание и распространение программного обеспечения для их эмиссии, распространение информации, позволяющей вести эмиссию ДС и осуществлять операции с их использованием и, собственно, осуществление операций с ДС⁴⁶. Размер штрафа для юридических лиц мог составлять от 500 тыс. до 1 млн рублей, для граждан и должностных лиц суммы были на порядок ниже (до 50 тыс. руб. и 100 тыс. руб. соответственно).

Законопроект встретил критические отзывы как в экспертном сообществе, так и частном секторе, прежде всего из-за нечеткого определения ДС, которое может применяться к весьма широкому кругу используемых на рынке инструментов⁴⁷. В отзывах на законопроект представители *МТС* и *Мегафона* отметили, что это определение рискует сделать невозможным проведение маркетинговых кампаний с использованием бонусов и премиальных баллов для активных клиентов, а также пополнение счетов мобильных абонентов картами оплаты. А по мнению отраслевой ассоциации *Национальный платежный совет*, принятие законопроекта могло поставить вне закона и бонусы клиентов, оплачивающих покупки пластиковыми картами⁴⁸. По отзывам экспертов, размытое определение ставит под удар даже такие типы сделок, как бартер, расчеты в векселях и иных ценных бумагах. В результате возможный *сопутствующий ущерб* вполне легальным бизнесам, не связанным с криптовалютами, стал причиной того, что законопроект Минфина раскритиковало Министерство экономического развития⁴⁹. В заключении по законопроекту Минэкономразвития указало, что предлагаемое Минфином регулирование «способствует созданию правовых барьеров для реализации маркетинговых программ субъектов предпринимательства»⁵⁰. В результате законопроект не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу.

В декабре 2014 г. сообщалось о разработке депутатами *Справедливой России* собственного варианта законопроекта, запрещающего криптовалюты как «ставящие под угрозу финансовую стабильность и финансовый суверенитет России»⁵¹.

В феврале 2015 г. в интернете был опубликован новый вариант законопроекта Минфина, в котором сохранилось прежнее определение ДС и меры ответственности за незаконные действия с ними. Единственным отличием стал абзац, который выводит из-под понятия ДС подарочные сертификаты, бонусные карты и бонусы на пластиковых платежных картах, авиамилы и прочие инструменты, «используемые в целях стимулирования приобретения товаров, работ, услуг»⁵². По состоянию на 1 июля 2015 г. законопроект не был рассмотрен Госдумой, хотя ранее замминистра финансов РФ Алексей Моисеев сообщал о возможности принятия закона в этом году⁵³.

Второй спорный момент в законопроекте связан с попыткой ввести запрет на распространение информации, связанной с криптовалютами и их эмиссией. Предлагая поправки в тексты закона о Центробанке РФ (86-ФЗ) и 149-ФЗ *Об информации, информационных технологиях и о защите информации*, Минфин, по сути, расширяет перечень категорий запрещенного в Рунете контента за счет ресурсов, работающих с криптовалютами либо распространяющих информацию о них.

Блокирование таких ресурсов вскоре после публикации законопроекта Минфина действительно началось, хотя и без какой-либо формальной привязки к нему. 13 января 2015 г. Роскомнадзор внес в Единый реестр запрещенной информации

ряд биткоин-сайтов (Bitcoin.org, Bitcoin.it и BTCsec.com), а также биткоин-биржу *Indacoin*, ссылаясь на решение Невьянского городского суда Свердловской области, которое, в свою очередь, отсылает к статье 27 86-ФЗ⁵⁴. Кроме того, российская прокуратура еще в апреле 2014 г. начала запрашивать у юридических лиц разъяснения по факту размещения в интернете информации «о приеме к оплате криптовалюты Bitcoin»⁵⁵.

Появление таких прецедентов означает, что развитие регуляторного подхода к криптовалютам в России выходит на некую развилку. Практика взысканий с бизнеса на основании общих норм (таких, как 86-ФЗ), не учитывающих особенности криптовалют, может быть уместна какое-то недолгое время, но не работает на перспективу. Актуальными видятся конкретизация, развитие и уточнение существующей правовой базы, прежде всего для того, чтобы бизнес понимал правила игры и не нес убытки из-за неспособности ориентироваться в них. Пока лишь одно юрлицо в России подверглось денежным взысканиям в связи с использованием биткоина. В январе 2014 г. новгородский *KillFish Bar* был оштрафован за несоблюдение правил применения контрольно-кассовой техники при реализации биткоина⁵⁶. Но в ситуации правовой неопределенности этот список может существенно пополниться.

Итак, исходя из озвученных позиций Минфина, Генпрокуратуры, отдельных фракций в Госдуме, а также Росфинмониторинга⁵⁷ и Роскомнадзора, к июню 2015 г. в России, казалось бы, сложились предпосылки для полного запрещения криптовалют уже в ближайшие месяцы.

На этом фоне неожиданной выглядела новость о том, что на середину июня было запланировано совещание по теме регулирования криптовалют, организатором которого выступил Центробанк РФ, а среди участников значились ключевые игроки российского финансового рынка. По данным СМИ⁵⁸, к проведению совещания Центробанк подтолкнули изменения в его подходе, произошедшие в течение 2014 г. Новая концепция банковского регулятора может допускать легализацию криптовалют и их ограниченное использование, например, для расчетов между физическими лицами.

Нужно отметить, что либеральная часть спектра мнений по регулированию криптовалют все же представлена в России. Против запрета биткоина публично высказывался Герман Греф, председатель правления Сбербанка, учредителем и основным акционером которого является Центробанк⁵⁹. В марте 2015 г. интерес к проектам, связанным с биткоином, выразил фонд венчурных инвестиций *SBT Venture Capital*, значительная часть капитала которого обеспечена Сбербанком⁶⁰. Эксперты российского банковского сектора и ИТ-отрасли (банк *БКФ*, компания *Digital Security*)⁶¹ высказывались в пользу легализации биткоина при условии его надлежащего регулирования и идентификации посредников в сделках. Идею легализации криптовалют поддерживают и общественные движения, включая *Пиратскую партию России*, при участии которой в Москве в апреле 2015 г. была организована первая в России *Биткоин-конференция*⁶². Наконец, как показали отзывы на законопроект Минфина, против излишне жесткого регулирования ниши ДС выступает ряд крупных компаний, бизнес-модель которых включает предоставление клиентам различных электронных бонусов.

Но при этом в России отсутствует консолидированное лобби индустрии криптовалют. Одна из причин (и, согласно правилу замкнутого круга, следствий) — относительно слабое развитие этой индустрии в стране. В ряде ключевых сегментов биткоин-экосистемы Россия почти не представлена:

- В списке крупнейших майнинговых пулов на июнь 2015 г. отсутствуют российские пулы⁶³. Вообще, майнинг в России на удивление не развит, хотя пока он не попал в поле зрения федеральных регуляторов.
- На территории страны нет биткоин-терминалов, которых в мире насчитывается уже более 420⁶⁴.
- В сегменте криптовалютных виртуальных бирж российские площадки также не попадают в число крупнейших, хотя некоторые крупные биржи поддерживают русскоязычные интерфейсы. Также после запретительных нововведений 2014 г. ряд криптовалютных стартапов российского происхождения (*InterMoneyExchange Corp*, *ALFAcoins*) предпочли оформить регистрацию за рубежом⁶⁵.

Одной из немногих ниш экосистемы криптовалют, в которой Россия довольно активна, являются информационные интернет-ресурсы о криптовалютах; также развивается ниша тематических мероприятий, конференций и семинаров. Однако оба этих сегмента вторичны по отношению к самой криптовалютной индустрии.

Слабое развитие криптовалютного бизнеса в стране логично вытекает из запретительных тенденций регулирования последних полутора-двух лет. Проблема в том, что отсутствие активного лобби биткоин-индустрии вкупе с малым объемом национального криптовалютного рынка может способствовать укоренению среди регуляторов точки зрения, что цена вопроса в случае запрещения криптовалют в России невелика, и бизнес не понесет чувствительных убытков в случае выбора запретительной политики. Хотя на первый взгляд такая логика убедительна, ее следует дополнить, высветив *подводную часть айсберга* — тот спектр возможностей, которые предлагает развитие технологии блокчейна в ближайшем будущем, и потенциальную выгоду для самого государства от их реализации.

БЛОКЧЕЙН ВСЕМОГУЩИЙ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРИПТОВАЛЮТ

Характерная особенность позиции регуляторов в России — акцент на функцию криптовалют как неконтролируемого аналога/субститута официальных денег. При таком взгляде на проблему за бортом могут оказаться альтернативные подходы, бизнес-модели и возможности использования технологии блокчейна.

Во-первых, речь может идти о моделях, в которых активную роль играет само государство как посредник в экосистеме трейдинга и обмена криптовалют. В частности российские эксперты уже озвучивали гипотетическую возможность создания в России государственной биткоин-биржи. Такой шаг помог бы решить проблему с идентификацией посредников в сделках с использованием биткоина как одной из мер ПОД/ФТ. Появление централизованной легальной биржи также могло бы способствовать консолидации российской биткоин-отрасли и дать зеленый свет

к инвестированию в сегмент криптовалют крупным корпоративным игрокам типа Сбербанка.

Более перспективную идею, позволяющую государству самому включиться в сегмент криптовалютной экономики, весной 2015 г. предложил банк Англии. В аналитической записке регулятора рассматриваются теоретические перспективы эмиссии собственных криптовалют национальными центробанками⁶⁶. При этом упоминаются возможности ввода в оборот двух типов инструментов: первый из них — аналог обычной валюты, доступной как банкам, так и неограниченно широкому кругу субъектов, включая граждан.

Но еще интереснее вторая стратегия — использование блокчейна для создания системы межбанковских расчетов нового поколения. По сути, речь может идти о создании альтернативы глобальной системе межбанковских расчетов SWIFT, часто критикуемой за технологический консерватизм и использование устаревших решений и протоколов. Любопытно, что в России с 2014 г. принимаются меры по созданию собственной системы межбанковских расчетов на случай возникновения угрозы отключения страны от SWIFT по политическим мотивам⁶⁷. Стоит отметить, что отключение децентрализованной системы расчетов, построенной на основе блокчейна, видится не менее трудновыполнимым, чем вывод из строя системы биткоина. При этом за счет меньшей централизации контроля такая система может быть более устойчива к политическим рискам на международном рынке межбанковских услуг.

Еще одна идея, порожденная в рамках совместного проекта *IBM* и *Samsung*, радикально расширяет представление о перспективах глобального применения решений на основе технологии блокчейна. Два высокотехнологичных гиганта объединили усилия для совместного продвижения услуг и решений на рынке *интернета вещей (IoT)*. Весной 2015 г. на сайте *IBM* был опубликован документ, описывающий концепцию новой технологической платформы — *ADEPT (Autonomous Decentralized Peer-To-Peer Telemetry)*⁶⁸, ориентированной для продвижения услуг IoT и основанной на интеграции трех программных решений:

- *TeleHash* — децентрализованный и защищенный пиринговый (P2P) протокол для обмена данными и передачи сообщений, первый прототип которого возник в 2010 г., а в данный момент используется спецификация конца 2014 г. В рамках концепции подтверждения безопасности данные и сообщения, передаваемые с использованием протокола, подтверждаются и заверяются третьей стороной; при этом передача коммуникация является одноранговой, модель *клиент-сервер* не используется.
- *BitTorrent* — популярный пиринговый (P2P) сетевой протокол, созданный в 2001 г. и реализовавший концепцию кооперативного обмена файлами через взаимодействие клиентов-источников (*seeders and leeches*).
- *Ethereum*⁶⁹ — самый инновационный компонент архитектуры *ADEPT* — основанная на блокчейне виртуальная машина и набор сервисов Web 3.0, дающий пользователям возможность работать с программной средой умных контрактов (*smart contracts*), развивая и наполняя ее контентом по своему усмотрению за счет поддержки контрактного программирования. *Ethereum* представляет собой новый этап развития идеи криптовалюты: встроенный сетевой компо-

нент Ether обеспечивает функцию платежа в транзакциях по исполнению контрактов. Однако сами программируемые в среде *Ethereum* умные контракты не ограничиваются передачей аналога меры стоимости. Содержание контрактов формируют пользователи, что делает возможным идею цифрового оформления сделок с недвижимостью, децентрализованного цифрового плебисцита, заказа услуг. Встроенный функционал криптовалюты используется лишь для совершения и подтверждения транзакций, но их предмет и назначение гораздо шире. Проект *Ethereum* находится в активной фазе разработки, однако его уже называют основой будущей экосистемы *Bitcoin 2.0*. Такая система делает возможной цифровые аналоги любых контрактных сделок, совершаемых в обществе.

Используя сочетание этих программных решений и платформ, *IBM* и *Samsung* планируют разработать глобальную экосистему умных объектов (прежде всего продукции в нише бытовой электроники). Такие объекты, типа стиральной машины *Samsung W9000*, будут оснащены программно-аппаратным обеспечением, включающим стек *ADEPT* из *Telehash*, *BitTorrent* и *Ethereum*, а также функцией выхода в интернет. Собственно *ADEPT* должна представлять собой распределенную сеть — блокчейн *2.0* на основе *Ethereum*. Входящие в нее умные устройства смогут, имея доступ в интернет, обмениваться между собой данными и формировать единую глобальную непрерывную цепочку записей-транзакций по аналогии с блокчейном биткойна. Отличие блокчейна *ADEPT* состоит в том, что содержание и типы записей в ней будут определяться теми контрактами, которые будут заключать между собой узлы сети. Для стиральной машины, например, первый контракт будет сформирован при ее покупке и будет содержать данные о производителе, гарантийном обслуживании, технических характеристиках. В процессе работы устройство сможет само формировать и заключать контракты на закупку порошка (с магазином, который также будет подключен к *ADEPT*), диагностировать у себя поломку, определять, подпадает ли она под условия гарантийного ремонта и формировать заказ на ремонт отдельным контрактом, обращаясь к узлу гарантийной службы в *ADEPT*. Записи всех транзакций будут храниться в едином глобальном дереве, подобно общему блокчейну транзакций с биткойном. Оплата контрактов, которые подразумевают передачу меры стоимости (заказ порошка, платного ремонта, скачивание обновлений режима работы), будет осуществляться через встроенный функционал, аналогичный биткойн-кошельку (*Ether*). Каждый узел *ADEPT* в простом устройстве типа пылесоса, телевизора или смартфона не сможет хранить всю копию глобального дерева контрактов, поэтому разработчики ввели три класса одноранговых пиров с разным объемом ресурсов памяти, набором функций и уровнем доступа к полной копии дерева контрактов *ADEPT*. Слабые и ограниченные по функциям пиры в простых устройствах смогут обращаться к более ресурсообеспеченным узлам *ADEPT* и запрашивать необходимую информацию у них, включая данные из глобального блокчейна.

IBM и *Samsung* хотят продвигать *ADEPT* на глобальный рынок устройств интернета вещей как открытый децентрализованный стандарт, которым сможет воспользоваться любой вендор. Таким образом, два гиганта хотят подорвать формирующийся в нише *IoT* рынок проприетарных корпоративных стандартов (когда, например, умная стиральная машина марки *Bosch* сможет общаться только с ПО и в сети, которую использует сама компания *Bosch*). Кроме того,

производители бытовой техники, автомобилей и прочих товаров-кандидатов на роль *умных* объектов часто привлекают сторонние ИТ-компании для разработки ПО для своей умной продукции. Поэтому проект *IBM* и *Samsung* нацелен и на подрыв подобных альянсов — при наличии открытого стандарта любой производитель техники сможет сам внедрять его в свою продукцию, либо поручать эту задачу любому ИТ-интегратору.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На данном этапе будущее проектов, подобных *ADEPT*, предсказать невозможно. Но чтобы оценить масштаб задумки *IBM* и *Samsung*, нужно представлять потенциальный объем глобального рынка *интернета вещей*. По имеющимся прогнозам, к 2020 г. к Сети будут подключены до 50 млрд устройств, причем большинство из них будут именно *умными объектами IoT*. Еще через 10 лет речь может идти о триллионах устройств в Сети, и 99% из них будут функционировать в режиме межмашинного взаимодействия, т. е. практически без участия человека. Потенциальный вклад отраслей экономики, испытывающих на себе эффекты роста *интернета вещей*, в глобальный ВВП до 2035 г. может составить 10–15 трлн долл. США. Для сравнения: объем ВВП России — около 2,5 трлн долл. США.

Предвидеть, какую долю подобных глобальных рынков займут решения на основе технологии блокчейна, чрезвычайно сложно. Но не вызывает сомнений, что возможности их использования должны тщательно рассматриваться и не сбрасываться со счетов, когда речь заходит о выборе регуляторной парадигмы. Максимально внятно и полно донести до регуляторов эти возможности — задача прежде всего бизнеса и экспертного сообщества. Ужесточение государственной политики может быть эффективно реализовано на любом этапе развития рынка, как показал опыт регулирования Рунета в 2012–2014 г. При этом высокотехнологичные рынки и отрасли тем больше способны реагировать на смену подхода государственных регуляторов конструктивно и гибко, чем более зрелыми, развитыми и легализованными они являются. Но если временное окно возможностей для развития рынка будет упущено вследствие неоптимально выбранной модели регулирования, наверстать его в ИТ-нишах может быть крайне сложно. В нише технологий на основе блокчейна окно для России пока открыто. 🐘

Примечания

- 1 См. оригинал документа: Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System, Satoshi Nakamoto, Google Drive, <<https://drive.google.com/file/d/0B7olwqaAZzRTYzE0cU9vdFhXbU0/edit>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 2 BTER Claims \$1.75 Million in Bitcoin Stolen in Cold Wallet Hack, CoinDesk, Stan Higgins, February 15, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/bter-bitcoin-stolen-cold-wallet-hack/>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 3 Финансовые киберугрозы в 2013 г. Часть 2: вредоносное ПО, Securelist, Лаборатория Касперского, 9 апреля 2014, <<https://securelist.ru/analysis/ksb/19178/finansovye-kiberugrozy-v-2013-godu-chast-2-vredonosnoe-po>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 4 Банк Китая обвалил курс Bitcoin, Coinside.ru, 17 декабря 2013, <<http://www.coinside.ru/2013/12/17/bank-kitaya-obvalil-kurs-bitcoin>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 5 См. подробнее: TORProject website, <<https://www.torproject.org/about/overview.html.en>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.

- 6 В июне 2015 г. Ульбрихт Росс был приговорен к пожизненному заключению в США. См. подробнее: Silk Road Creator Ross Ulbricht Sentenced to Life in Prison, Wired, Andy Greenberg, May 29, 2015, <<http://www.wired.com/2015/05/silk-road-creator-ross-ulbricht-sentenced-life-prison/>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 7 FATF REPORT. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks, June 2014, FATF Website, <<http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 8 См.: Regulation of Bitcoin in Selected Jurisdictions, January 2014 Report, Library of Congress, <<http://www.loc.gov/law/help/bitcoin-survey>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 9 Japan discusses common rules for virtual money with U.S. and China, Agencia EFE, 12 Jun 2015, <<http://www.efe.com/efe/english/business/japan-discusses-common-rules-for-virtual-money-with-and-china/50000265-2638035>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 10 DIRECTIVE 2009/110/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC (Text with EEA relevance), <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:267:0007:0017:EN:PDF>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 11 Bitcoins (Part 2 of 3): Legal Status, Punch Philips Law, November 23 2014, <<http://www.punchphilipslaw.com/blog/2014/11/23/bitcoins-part-2-of-3>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 12 Norway: Bitcoins Are Capital Property, Not Currency, Says Norwegian Tax Authority, Library of Congress, December 11, 2013, <http://www.loc.gov/lawweb/servlet/lloc_news?disp3_l205403782_text>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 13 Beyond Silk Road: Potential Risks, Threats, and Promises of Virtual Currencies U.S. Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs, November 18, 2013, <<http://www.hsgac.senate.gov/hearings/beyond-silk-road-potential-risks-threats-and-promises-of-virtual-currencies>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 14 Ben Bernanke's letter to Congress: Bitcoin and other virtual currencies "may hold long-term promise", Quartz, <<http://qz.com/148399/ben-bernanke-bitcoin-may-hold-long-term-promise>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 15 New York Proposes Special Bitcoin Regulation, But Won't Say Why, CATO Institute, Jim Harper, February 26, 2015, <<http://www.cato.org/blog/new-york-proposes-special-bitcoin-regulation-wont-say-why>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 16 Там же.
- 17 Connecticut Bill Seeks Additional Requirements for Bitcoin MSBs, CoinDesk, Stan Higgins, May 7, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/connecticut-bill-seeks-additional-requirements-for-bitcoin-msbs>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 18 Tennessee Bill Aims to Clarify Bitcoin Campaign Donation Rules, CoinDesk, Pete Rizzo, February 20, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/tennessee-bill-bitcoin-campaign-donations/>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 19 U.S. election panel approves bitcoin donations to political committees, Reuters, May 8, 2014, <<http://www.reuters.com/article/2014/05/09/us-usa-elections-bitcoin-idUSBREA4801020140509>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 20 In Accepting Bitcoin, Rand Paul Raises Money and Questions, Eric Lichtblau, The New York Times, April 9, 2015, <http://www.nytimes.com/2015/04/10/us/politics/in-accepting-bitcoin-rand-paul-raises-money-and-questions.html?_r=0>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 21 New York Stock Exchange Launches Bitcoin Price Index, Yessi Bello Perez, CoinDesk, May 19, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/new-york-stock-exchange-launches-bitcoin-price-index>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 22 Circle Raises \$50 Million With Goldman Sachs Support, Emily Spaven, CoinDesk, April 30, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/circle-raises-50-million-with-goldman-sachs-support>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 23 ItBit Nets \$25 Million, Launches NYDFS-Approved Bitcoin Exchange, Stan Higgins, CoinDesk, May 7, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/itbit-25-million-series-a>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 24 Singapore government decides not to interfere with Bitcoin, Terence Lee, TechinAsia, December 23, 2013, <<https://www.techinasia.com/singapore-government-decides-interfere-bitcoin>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 25 Bitcoin users beware: MAS, Irene Tha, The Straits Times, September 22, 2013, <<http://business.asiaone.com/news/bitcoin-users-beware-mas>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.

- 26 Singapore Tax Authorities (IRAS) Recognize Bitcoin and Gives Guidance, David Moskowitz, CoinRepublic, January 8, 2014, <<http://coinrepublic.com/singapore-tax-authorities-iras-recognize-bitcoin-and-gives-guidance>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 27 Singaporean Tax Authorities Have Issued Guidance On Bitcoin-Related Sales And Earnings, Liz Tay, Business Insider Australia, January 9, 2014, <<http://www.businessinsider.com.au/singaporean-tax-authorities-have-issued-guidance-on-bitcoin-related-sales-and-earnings-2014-1>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 28 GST Specific business sectors, Inland Revenue Authority of Singapore, <<https://www.iras.gov.sg/IRASHome/GST/GST-registered-businesses/Specific-business-sectors/e-Commerce/#title5>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 29 Там же.
- 30 MAS to Regulate Virtual Currency Intermediaries for Money Laundering and Terrorist Financing Risks, Monetary Authority of Singapore, <<http://www.mas.gov.sg/News-and-Publications/Media-Releases/2014/MAS-to-Regulate-Virtual-Currency-Intermediaries-for-Money-Laundering-and-Terrorist-Financing-Risks.aspx>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 31 Там же.
- 32 Bitcoin ATM Map, CoinDesk, <<http://www.CoinDesk.com/bitcoin-atm-map>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 33 Tembusu Systems to Begin Implementation of Cryptocurrency Payments in June, Nikhil Gupta, NewsBTC, May 28, 2015, <<http://www.newsbtc.com/2015/05/28/tembusu-systems-to-begin-implementation-of-cryptocurrency-payments-in-june>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 34 Там же.
- 35 CoinPip Launches New Service with International Direct Payments in 48 Hours or Less, CoinDesk, June 17, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/press-releases/coinpip-launches-new-service-with-international-direct-payments-in-48-hours-or-less>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 36 Bitcoin Around the Globe: Singapore, Antony Lewis, itBitBlog, February 10, 2015, <<https://www.itbit.com/blog/bitcoin-around-the-globe-singapore>>, также см.: itBit, Our story, <https://www.itbit.com/h/our-story?_hssc=57227381.6.1435836529277&_hstc=57227381.07045979d5d45d88403c121949152283.1435701037005.1435701037005.1435836529277.2&hsCtaTracking=971b5c0f-89ca-4f69-b65e-632ce5c7c4a56%7C8bb0f562-2ea0-44b6-8745-8a7dfa2cca3c>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 37 Temasek launches office in New York City, Neo Chai Chin, Today, June 27, 2014, <<http://www.todayonline.com/singapore/temasek-launches-office-new-york-city>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 38 Inaugural CAIA-SKBI Cryptocurrency Conference 2014, Singapore Management University, November 4, 2014, <<http://www.smu.edu.sg/events/2014/11/04/cryptocurrency-conference>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 39 Tax treatment of crypto-currencies in Australia — specifically bitcoin, Australian Taxation Office, <<https://www.ato.gov.au/General/Gen/Tax-treatment-of-crypto-currencies-in-Australia---specifically-bitcoin>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 40 См.: The People’s Bank of China and Five Associated Ministries Notice: “Prevention of Risks Associated with Bitcoin”, BTCChina Exchange, <<https://vip.btcchina.com/page/bocnotice2013>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 41 2013 Bitcoin Trading Volume: The Winners and Losers, Garrick Hileman, CoinDesk, December 24, 2013, <<http://www.CoinDesk.com/2013-bitcoin-trading-volume-winners-losers>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 42 Bitcoin still gaining currency in China, Financial Times, March 1, 2015, <<http://www.ft.com/intl/fastft/289502/bitcoin-still-gaining-currency-china>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 43 Информация об использовании при совершении сделок виртуальных валют, в частности Биткойн, Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Пресс-служба, 27 января 2014 г., <http://www.cbr.ru/press/pr.aspx?file=27012014_1825052.htm>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 44 Центробанк может признать биткойны, Анастасия Алексеевских. *Известия*, 11 июня 2015 г., <<http://izvestia.ru/news/587599>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 45 Там же.
- 46 Нам запретят даже говорить о криптовалютах? Темуч, Habrahabr, 11 февраля 2015 г., <<http://habrahabr.ru/post/250337>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 47 В законопроекте Минфина приводилось следующее определение денежных суррогатов: «Объекты имущественных прав, в том числе в электронном виде, используемые в качестве средства платежа и (или) обмена и непосредственно не предусмотренные федеральным законом».

А
Н
А
Л
И
З

- 48 Минэкономразвития раскритиковало законопроект о запрете биткоинов, Ирина Юзбекова, Игорь Агапов. *РБК Исследования*, 26 декабря 2014 г., <http://top.rbc.ru/technology_and_media/26/12/2014/549d7fe89a7947847db1c19b>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 49 МЭР выступило против запрета подарочных карт и сертификатов, Татьяна Зыкова. *Российская газета*, 27 декабря 2014 г., <<http://www.rg.ru/2014/12/27/karti-site.html>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 50 Отрицательное решение Минэкономразвития по инициативе Минфина запретить криптовалюты, *Bitcoin Security*, русскоязычный информационный сайт о криптовалюте Bitcoin, <<http://bits.media/news/otritsatelnoe-reshenie-minekonomrazvitiya-po-initiative-minfina-zapretit-kriptovalyuty/>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 51 За использование виртуальных валют хотят штрафовать на 1 млн рублей, Александра Баязитова. *Известия*, 11 декабря 2014 г., <<http://izvestia.ru/news/580558#ixzz3ekerVW6Y>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 52 Новая версия закона о запрете криптовалют, *polym0rph*, *Bitcoin Security*, Русскоязычный информационный сайт о криптовалюте Bitcoin, 8 февраля 2015 г., <<https://forum.bits.media/index.php?topic/11396-novaia-versiia-zakona-o-zaprete-kriptovalyut/>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 53 Минфин: В этом году в России все-таки запретят биткоин, *ForkLog*, 20 марта 2015 г., <<http://forklog.com/minfin-v-etom-godu-v-rossii-vse-taki-zapretyat-bitkoin/>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 54 В мае 2015 г. прокурор Невьяновского суда отказался от требований по блокировке сайта *bitcoinconf.ru*. См. подробнее: Маленькая победа для нас, но большой шаг для человечества, *Bitcoin Conference Russia*, <<http://bitcoinconf.moscow.ru/article/malenkaya-pobeda-dlya-nas-no-bolshoy-shag-dlya-chelovechestva>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 55 Как в России преследуют бизнесы, имеющие дело с Bitcoin, *sapp*, *Habrahabr*, 22 апреля 2014 г., <<http://habrahabr.ru/post/220447>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 56 За использование виртуальных валют... *Известия*, <<http://izvestia.ru/news/580558>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 57 См. позицию ведомства по вопросам криптовалют: Информационное сообщение «Об использовании криптовалют», Федеральная служба по финансовому надзору, 6 февраля 2014 г., <<http://www.fedsfm.ru/news/957>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 58 Центробанк может признать... *Известия*, <<http://izvestia.ru/news/587599>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 59 ЦБ против виртуальной валюты, Михаил Оверченко, Мари Месропян, Юрий Нехайчук, *Ведомости*, 27 декабря 2014 г., <<http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/01/27/cb-predosteregaet-ot-ispolzovaniya-virtualnyh-valyut-v-tom>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 60 Sberbank-Backed FinTech Investment Fund Sees Blockchain Potential, *Pete Rizzo*, *CoinDesk*, March 25, 2015, <<http://www.CoinDesk.com/sberbank-blockchain-investments>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 61 Центробанк может признать... *Известия*, <<http://izvestia.ru/news/587599>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 62 О конференции, *Bitcoin Conference Russia*, <http://bitcoinconf.moscow.ru#about_conference>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 63 См.: Comparison of mining pools, *Bitcoin wiki*, <https://en.bitcoin.it/wiki/Comparison_of_mining_pools>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 64 См.: Comparison of mining pools, *Bitcoin wiki*, <https://en.bitcoin.it/wiki/Comparison_of_mining_pools>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 65 Russia's Startups Seek Refuge Abroad Under Threat of Bitcoin Ban, *Pete Rizzo*, *CoinDesk*, October 9, 2014, <<http://www.CoinDesk.com/russias-bitcoin-startups-abroad-bitcoin-prohibition>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 66 OneBankResearch Agenda. Discussion Paper, *Bank of England*, February 2015, <<http://www.bankofengland.co.uk/research/Documents/onebank/discussion.pdf>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 67 ЦБ к маю 2015 г. завершит работу по созданию российского аналога SWIFT. *РИА Новости*, 11 ноября 2014 г., <<http://ria.ru/economy/20141111/1032763464.html>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 68 В настоящее время копия документа доступна по адресу: Full text of «IBM ADEPT Practitioner Perspective — Pre Publication Draft — 7 Jan 2015.pdf (PDFy mirror), *Archive.org website*, <https://archive.org/stream/pdfy-esMcC00dKmdo53-_/IBM%20ADEPT%20Practitioner%20Perspective%20-%20Pre%20Publication%20Draft%20-%207%20Jan%202015_djvu.txt>, последнее посещение 3 июля 2015 г.
- 69 См. описание проекта: Ethereum ÐEV: What are we doing? *Gavin Wood*, *Ethereum Blog*, December 17, 2014, <<https://blog.ethereum.org/2014/12/17/ethereum-d%CE%BEv>>, последнее посещение 3 июля 2015 г.

Дмитрий Ковчегин

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ, НАЧИНАЮЩИХ РАЗВИТИЕ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Несмотря на сомнения в целесообразности развития атомной энергетики, усилившиеся после аварии на АЭС *Фукусима*, к настоящему моменту значительное число стран, не обладающих атомной энергетикой, либо уже приступило к ее развитию, либо заявило о намерении сделать это в ближайшем будущем. Список *новичков* включает страны, сильно различающиеся по уровню научно-технического развития, финансовым возможностям и опыту обращения с ядерными материалами и установками, необходимыми для обеспечения безопасного функционирования атомной энергетики. В этот список входят такие страны, как Бангладеш, Белоруссия, Вьетнам, Казахстан, ОАЭ, Турция и др.

Одним из ключевых элементов безопасного функционирования атомной энергетики является физическая ядерная безопасность (ФЯБ). Согласно определению МАГАТЭ, обеспечение ФЯБ заключается в предотвращении и обнаружении хищения, саботажа (диверсии), несанкционированного доступа, незаконной передачи или других злоумышленных действий в отношении ядерных материалов (ЯМ) и других радиоактивных веществ, связанных с ними установок, пунктов хранения ЯМ, а также реагировании на такие действия.

С учетом всего спектра существующих угроз обеспечение ФЯБ должно рассматриваться странами-новичками в качестве одной из основных обязанностей, возникающих при приобретении ядерных установок и материалов. ФЯБ в первую очередь обеспечивается за счет применения мер физической защиты (ФЗ), а также надлежащего учета и контроля (УК) ЯМ.

ФЗ¹ включает в себя комплекс технических и организационных мер, реализуемых на ядерном объекте, а также взаимодействие органов государственной власти, имеющих подконтрольные ядерные объекты, правоохранительных органов, спецслужб, а также других ведомств, имеющих отношение к обращению с ЯМ.

Под учетом ЯМ понимается определение их количества, а также составление, регистрация и ведение учетных и отчетных документов. Контроль ЯМ подразумевает контроль наличия и перемещения ЯМ, включая контроль доступа к ЯМ, оборудованию и информации, наблюдение за ЯМ, проверку санкционированного размещения и перемещения ЯМ².

В качестве основных источников экспертизы, необходимой для обеспечения надлежащего уровня ФЗ и УК ЯМ, страны-новички в первую очередь могут использовать рекомендации МАГАТЭ, обратиться за содействием к странам — экспортерам ядерных установок, материалов, сопутствующих технологий и оборудования, а также задействовать международные механизмы оценки состояния ФЗ и УК, которые позволяют получить отзывы и рекомендации о дальнейшем развитии систем ФЗ и УК.

В рамках данной статьи рассматриваются существующие международные требования к ФЗ и УК, и на их основе определяются меры, реализация которых на национальном уровне обеспечивала бы странам-новичкам минимально необходимый уровень ФЯБ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обязательство по обеспечению ФЗ и УК ЯМ установлено резолюцией 1540 Совета Безопасности ООН, принятой в 2004 г., которая предусматривает установление надлежащего национального контроля над ядерным оружием и относящимися к нему материалами в целях предотвращения их незаконного оборота. В соответствии со статьей 3 резолюции страны-участники обязаны разрабатывать и осуществлять надлежащие эффективные меры по обеспечению учета и сохранности ЯМ, а также их ФЗ.

Фундаментальные требования по обеспечению ФЗ установлены Конвенцией о физической защите ядерных материалов. В соответствии с поправками к Конвенции каждое государство-участник создает, вводит и поддерживает надлежащий режим ФЗ, применимый к ЯМ и ядерным установкам, с целью защиты от кражи при использовании, хранении и перевозке, обеспечения обнаружения и возвращения пропавшего или украденного ЯМ, защиты ЯМ и ядерных установок от саботажа и смягчения или сведения к минимуму радиологических последствий саботажа. Для достижения данных целей государство-участник должно создать и поддерживать законодательную и регулируемую основу для организации управления ФЗ, назначить компетентный орган, несущий ответственность за реализацию законодательной и регулирующей основы, и принять другие надлежащие меры, необходимые для ФЗ ЯМ и ядерных установок. Стоит, впрочем, отметить, что изначальная редакция конвенции, принятая в 1980 г., распространяется только на ЯМ, находящиеся в международной перевозке. Поправки, одобренные в 2005 г., распространяют действие конвенции на ЯМ и ядерные установки, находящиеся во внутреннем пользовании государств-членов. Однако до настоящего момента поправки не вступили в силу по причине недостаточного количества ратифицировавших их государств-членов.

В области УК ЯМ не существует документа, аналогичного Конвенции о физической защите. Однако некоторые требования к обеспечению УК ЯМ установлены в соглашениях о гарантиях, заключаемых МАГАТЭ с государствами в соответствии с требованиями статьи 3 Договора о нераспространении ядерного оружия. В соответствии со статьей 7 типового Соглашения о гарантиях, государство создает и ведет систему УК всего ЯМ, подлежащего гарантиям. Статья 32 типового Соглашения также устанавливает базовые требования к государственной системе УК ЯМ.

Детальные рекомендации по ФЗ ЯМ и установок, обеспечивающие соответствие обязательным требованиям Конвенции о физической защите ядерных материа-

лов, представлены в документах МАГАТЭ. В частности следует обратить внимание на следующие документы:

Цель и основные элементы государственного режима физической ядерной безопасности (Основы), серия изданий МАГАТЭ по физической ядерной безопасности, публикация № 20. Документ предназначен для использования политиками, законодателями, компетентными органами, другими государственными институтами и чиновниками при установлении, реализации и поддержании долгосрочной эффективности режима ФЯБ государства. Документ основан на синтезе положений многих международных соглашений, которые определяют правовые рамки в области ядерной безопасности, опыте государств — членов МАГАТЭ в создании и поддержании их национальных режимов ядерной безопасности, а также опыте МАГАТЭ в области ядерной безопасности и гарантий.

Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (Рекомендации), серия изданий МАГАТЭ по физической ядерной безопасности, публикация № 13 (INFCIRC/225/Редакция 5). Документ содержит свод рекомендуемых требований, который обеспечивает достижение целей и реализацию элементов, определенных в *Основах*, и, по сути, является стандартом, определяющим основные требования, которые реализуются в национальных законодательствах и нормативно-правовых документах государств — членов МАГАТЭ. Многие эксперты полагают, что установленные *Рекомендациями* требования недостаточно жесткие, но в отсутствие согласия о более строгих требованиях это единственный общепризнанный стандарт, положения которого не оспариваются.

Существует также ряд документов МАГАТЭ, содержащих рекомендации по конкретным элементам систем ФЗ ЯМ.

Для детализации требований по УК ЯМ может быть использована публикация № 15 Серии услуг МАГАТЭ *Справочник по учету ядерного материала*, в которой приводятся рекомендации по внедрению государственных систем УК.

Эти документы задают базовые критерии оценки состояния национальных систем ФЗ и УК ЯМ, включая системы защиты конкретных ядерных объектов.

ТРЕБОВАНИЯ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На основе рекомендаций МАГАТЭ могут быть сформулированы следующие требования к национальным системам ФЗ и УК ЯМ для государств-новичков, включая требования к мерам, реализуемым на национальном уровне, а также к мерам, которые должны быть осуществлены на каждом конкретном объекте, работающем с ЯМ³.

Требования к национальной системе

ФЗ и УК ЯМ должны быть определены в качестве **обязательного условия деятельности по обращению с ЯМ и эксплуатацией ядерных установок**⁴. Национальное законодательство должно устанавливать обеспечение ФЗ и УК ЯМ в качестве обязательного условия деятельности по обращению с ЯМ и эксплуатации ядерных установок. Должны быть определены ЯМ и специальные неядерные материалы, включая их вид, форму и пороговые количественные характеристики, под-

лежащие УК, а также материалы и объекты, подлежащие ФЗ. Список материалов и объектов, подлежащих ФЗ и УК, должен соответствовать рекомендациям МАГАТЭ.

Также должна быть закреплена **ответственность оператора за обеспечение УК ЯМ, а также ФЗ ЯМ и ядерных объектов**. Необходимо определить механизмы проверки способности оператора обеспечить ФЗ и УК при обращении с ЯМ и прекращения деятельности в случае невозможности обеспечения ФЗ и УК (лицензирование, инспекции и санкции).

Должна быть определена **ответственность за обеспечение ФЗ и УК ЯМ на национальном уровне**: ответственность ведомств, их полномочия и взаимодействия⁵. Национальное законодательство должно определять ответственность ведомств за обеспечение ФЗ и УК ЯМ. Должны быть определены ведомства, непосредственно отвечающие за управление и координацию деятельности в области ФЗ и УК ЯМ и выступающие в качестве компетентного органа по этим вопросам на международном уровне. Также должны быть определены ведомства, не имеющие непосредственных обязанностей, имеющих отношение к обращению с ЯМ, но чья деятельность важна для обеспечения ядерной безопасности, например правоохранительные органы, ведомства, обеспечивающие вооруженную охрану, или ведомства, участвующие в реагировании при чрезвычайных ситуациях. Необходимо определить полномочия этих ведомств применительно к вопросам ФЯБ, а также порядок их взаимодействия при решении поставленных задач.

Должен быть **определен регулирующий орган**, функционально, организационно и финансово независимый от ведомств и организаций, управляющих обращением с ЯМ, осуществляющих обращение с ними или предоставляющих услуги, имеющие отношение к ФЯБ, например разработку систем ФЗ ЯМ и объектов. В полномочия этого регулирующего органа должны входить установление обязательных требований, проверка соответствия этим обязательным требованиям как на этапе лицензирования, так и на этапе эксплуатации, а также применение санкций за нарушение обязательных требований⁶.

Должна быть **создана законодательная и нормативно-правовая база** обеспечения ФЗ и УК⁷. Существующая в государстве правовая система должна обеспечивать разработку законодательных и нормативно-правовых актов, устанавливающих требования по ФЗ и УК ЯМ, а также определение пробелов в нормативно-правовом регулировании, разработку новых и пересмотр существующих нормативно-правовых актов. Необходимо разрабатывать основополагающие законодательные и нормативно-правовые акты, регулирующие обеспечение ФЗ и УК ЯМ. Установленные требования должны быть доступны для любой организации, осуществляющей деятельность, требующую обеспечения ФЗ и УК, или оказывающей соответствующие услуги. Также должна существовать система рекомендательных документов (руководств, стандартов, методических рекомендаций и т. п.), издаваемых в помощь операторам для поддержки их соответствия обязательным требованиям.

Должны быть **определены наказания, включая уголовные**, за нарушение требований ФЗ и УК, а также за несанкционированные действия в отношении ЯМ и установок⁸. Национальное законодательство должно устанавливать наказания, включая при необходимости уголовные, за нарушение требований ФЗ и УК, а также за несанкционированные действия в отношении ЯМ и установок. Установленные наказания должны соответствовать существующим международным соглашениям.

ям в этой области (Конвенция о физической защите ядерного материала, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма). Существующая в стране правоприменительная система должна обеспечивать идентификацию и преследование нарушителей.

Должно **осуществляться категорирование ЯМ и объектов** с целью установления **дифференцированных требований** к их ФЗ и УК в зависимости от привлекательности и категории последствий несанкционированных действий в их отношении, а также установлены категории ЯМ, объектов и последствий несанкционированных действий⁹.

Должна быть **создана система реагирования в случае несанкционированных действий в отношении ЯМ и объектов** и чрезвычайных ситуациях, включая действия правоохранительных органов по обнаружению и возврату ЯМ, а также действия по смягчению и нейтрализации последствий несанкционированных действий в отношении ЯМ и ядерного оружия. Должны быть определены ведомства, ответственные за реагирование, их обязанности и порядок взаимодействия¹⁰.

Должен быть **создан национальный регистр ЯМ**, содержащий информацию обо всех подлежащих учету ЯМ, находящихся в стране, независимо от формы собственности на них. Также необходимо создать систему и определить требования к периодичности и содержанию отчетности, направляемой операторами, осуществляющими обращение с ЯМ, в национальный регистр. Система отчетности в государстве должна быть совместима с требованиями, предъявляемыми к отчетности в рамках соглашений о гарантиях с МАГАТЭ¹¹.

К ЯМ в государстве, не являющемся государством, обладающим ядерным оружием, в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия **должны применяться гарантии МАГАТЭ**¹². Применение всеобъемлющих гарантий в соответствии с INFCIRC/153 считается минимальным стандартом, тогда как применение дополнительного протокола в соответствии с INFCIRC/540 считается наилучшей практикой.

Государство должно являться **участником международных режимов**, имеющих отношение к ФЯБ, включая Конвенцию о физической защите ядерного материала, резолюцию 1540 СБ ООН и Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма, и выполнять все их требования. В частности государства должны предоставлять национальный отчет в рамках резолюции 1540 СБ ООН.

Требования к эксплуатирующей организации

Национальные нормативные документы должны устанавливать **требование по оценке угроз** (анализу уязвимости). Результаты анализа уязвимости используются для определения требований к системе ФЗ ядерного объекта. Необходимо устанавливать минимальные требования по частоте проведения периодического анализа уязвимости, а также случаи, когда анализ уязвимости проводится независимо от времени, прошедшего после проведения предыдущего анализа уязвимости¹³.

Национальные нормативные документы должны устанавливать **требование по оценке эффективности системы ФЗ**. В случае, если оценка выявила недостаточную эффективность системы, предпринимаются корректирующие и компенси-

рующие меры, достаточность которых должна быть подтверждена внеочередной оценкой эффективности¹⁴.

Должна быть обеспечена **долгосрочная работоспособность систем ФЗ и УК ЯМ**¹⁵. Эксплуатирующая организация должна реализовывать меры, направленные на обеспечение долгосрочной работоспособности систем ФЗ и УК ЯМ. Эти меры, в частности, включают следующее:

- организацию и планирование деятельности по ФЗ и УК ЯМ, включая определение ответственности подразделений и должностных лиц и взаимодействий, необходимых для осуществления деятельности по ФЗ и УК ЯМ;
- разработку процедур и инструкций, определяющий порядок осуществления работ по ФЗ и УК ЯМ;
- управление кадрами и подготовку персонала;
- техническое обслуживание, ремонт и метрологическое обеспечение оборудования;
- оценку затрат на функционирование систем ФЗ и УК ЯМ;
- проверку функционирования и анализ состояния систем ФЗ и УК ЯМ;
- управление конфигурацией систем ФЗ и УК ЯМ.

Нормативные документы должны обязывать эксплуатирующие организации **определить зоны баланса материалов на ядерном объекте для целей УК ЯМ** и устанавливают требования к зонам баланса материалов¹⁶.

Нормативные документы должны **требовать учета ЯМ на основе измерений**. К системам измерений должны быть определены требования, включая требования к точности измерений, использующихся для учета ЯМ¹⁷.

Нормативные документы должны **устанавливать требования к оценке расхождения данных отправителя и получателя при передачах ЯМ между организациями**, а также к порядку устранения разногласий при превышении расхождением пороговой величины, которая может свидетельствовать об утрате ЯМ¹⁸.

Нормативными документами должны быть установлены **требования по проведению физической инвентаризации ЯМ**. Также необходимо установить требования по частоте физической инвентаризации в зависимости от категории ЯМ, использующегося на объекте, случаи, когда требуется проведение внеочередной физической инвентаризации, требования к организации и порядку проведения физической инвентаризации, а также требования по действиям, которые предпринимаются в случаях, когда величина полученной инвентарной разницы превышает пороговое значение, которое может свидетельствовать об утрате ЯМ¹⁹.

Нормативными документами должно быть установлено **требование к порядку оценки неизмеримых технологических потерь и отложений ЯМ** в технологическом оборудовании²⁰.

Нормативными требованиями должно быть установлено **требование о поддержании на ядерном объекте системы учетной и отчетной документации**, показывающей для каждой зоны баланса материалов инвентарное количество ЯМ, находящегося в данной зоне баланса материалов, и изменения в этом инвен-

тарном количестве, включая поступление в ЗБМ и передачи из нее. Кроме этого, необходимо установить требования по форме и частоте отчетности, направляемой с ядерного объекта в национальный регистр ЯМ, таким образом, чтобы данные отчетных документов объекта позволяли государству выполнять свои обязательства в рамках соглашения о гарантиях с МАГАТЭ²¹.

Нормативными документами должны быть установлены **требования по ФЗ и УК ЯМ и ядерных объектов в зависимости от их категории**. В частности необходимо определить требования по ФЗ ЯМ 1-й, 2-й и 3-й категорий, включая применяемые проектные решения, физические барьеры, технические средства и организационные меры, и установить требование по частоте физической инвентаризации и применению средств контроля доступа в зависимости от категории ЯМ²².

Нормативные документы должны устанавливать **требование о том, что ЯМ и объекты** должны быть обеспечены **вооруженной охраной**. Также важно устанавливать требования к организации охраны, порядку ее взаимодействия с ядерным объектом и внешними силами реагирования в штатной и чрезвычайной ситуациях²³.

Нормативные документы должны устанавливать **требования к ФЗ ЯМ при транспортировке**, которые соответствуют минимальным требованиям, рекомендованным МАГАТЭ. В частности требуется проведение анализа уязвимости и оценки эффективности, обеспечение вооруженной охраны при перевозках ЯМ высших категорий, а также координация действий отправителя, получателя и национальных компетентных органов, участвующих в обеспечении мер ФЗ при транспортировке²⁴.

Нормативные документы должны устанавливать **требование о том, чтобы эксплуатирующая организация проводила самооценку состояния ФЗ и УК ЯМ** с целью оценки качества их функционирования и соответствия требованиям регулирующих документов. При обнаружении недостатков должны применяться компенсирующие и корректирующие меры, выполнение которых должно отслеживаться. Данная самооценка проводится в дополнение к инспекциям, которые проводятся органом управления или регулирующим органом. Ее целью является не выявление нарушений, за которыми следует применение санкций, а поддержание постоянного процесса усовершенствований и улучшений²⁵.

СОДЕЙСТВИЕ ПОВЫШЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ЭКСПОРТА ЯДЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАТЕРИАЛОВ

Основным, а в большинстве случаев и единственным, источником ЯМ и технологий, необходимых для развития атомной энергетики для стран-новичков, является импорт из стран-экспортеров с развитой ядерной энергетикой, промышленностью и ядерным топливным циклом. Это создает дополнительные возможности для улучшения состояния ФЯБ в странах-новичках.

В соответствии с *Руководящими принципами ядерного экспорта (INFCIRC/254/Rev.12)* необходимым условием экспорта ЯМ и технологий является применение мер ФЗ для предотвращения несанкционированного использования и обращения с ЯМ. Применяемые меры ФЗ должны согласовываться с рекомендациями МАГАТЭ, сформулированными в документе INFCIRC/225. Другим необходимым

условием экспорта является наличие действующего соглашения с МАГАТЭ, требующего применения гарантий ко всему исходному и специальному расщепляющемуся материалу в текущей и будущей мирной деятельности государства-получателя, что создает предпосылки создания национальной системы учета и контроля ЯМ.

Требования *Руководящих принципов ядерного экспорта* находят отражение в национальных законодательствах стран-экспортеров. В частности в России утвержденное Правительством *Положение об экспорте и импорте ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий* требует, чтобы экспорт осуществлялся только при наличии заверений страны-получателя о применении гарантий МАГАТЭ и обеспечении мер ФЗ на уровнях не ниже уровней, рекомендованных МАГАТЭ.

Дополнительно к обязательствам, налагаемым на страны-получатели странами-экспортерами в соответствии с *Руководящими принципами ядерного экспорта*, некоторые страны-экспортеры включают мероприятия, направленные на создание возможностей по обеспечению ФЗ и УК в странах-получателях, в расширенный пакет услуг, сопровождающий поставку основного набора технологий, оборудования и ЯМ. Положения о соответствующей поддержке входят во все соглашения России о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии с другими странами.

В качестве примера можно привести сотрудничество России с Турцией. Помимо собственно сооружения АЭС Аккую Россия оказывает поддержку в создании национальной инфраструктуры обеспечения ФЗ и УК. Список нормативных документов, который предполагается использовать в качестве основы для лицензирования АЭС Аккую и определяет требования, соответствие которым будет проверяться при лицензировании, содержит большое число российских документов, определяющих требования к ФЗ и УК ЯМ, включая следующие ключевые документы:

- *Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов*, утвержденные Постановлением Правительства № 456 от 19.07.2007;
- Федеральные нормы и правила НП-030-05 *Основные правила учета и контроля ядерных материалов*;
- Федеральные нормы и правила НП-083-07 *Требования к системам физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов*.

При проверке на соответствие этим требованиям на стадии лицензирования впоследствии они включаются в условия действия выданной лицензии, и ядерный объект обязан им соответствовать на этапе эксплуатации.

МЕХАНИЗМЫ ПРОВЕРКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ, УЧЕТА И КОНТРОЛЯ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Механизмы проверки обеспечения ФЗ и УК ЯМ в настоящее время ограничены. В области ФЗ обязательных механизмов проверок не существует. В области УК

косвенная оценка может осуществляться посредством инспекций в рамках соглашений о гарантиях МАГАТЭ с государствами-членами.

Конвенция о физической защите ядерных материалов не предусматривает никаких механизмов проверок. В соответствии с конвенцией реализация мер ФЗ является областью ведения национальных законодательств и компетентных органов государств-членов.

Наиболее тщательным и хорошо себя зарекомендовавшим механизмом оценки состояния систем ФЗ ЯМ и установок является Международная консультативная группа МАГАТЭ по физической защите (International Physical Protection Advisory Service — IPPAS). В рамках IPPAS оценка производится по запросу государства, заинтересованного в оценке. Оценку проводит группа экспертов, созываемая МАГАТЭ, на основе исходной информации, предоставляемой оцениваемым государством. Оценке подлежат следующие основные элементы:

- организация работ по мерам ФЗ на национальном уровне;
- законодательство и нормативно-правовая база в области ФЗ;
- лицензирование и инспекции;
- взаимодействие с другими организациями и подразделениями;
- реализация мер ФЗ на конкретных объектах.

Критерии, на соответствие которым осуществляется оценка, определены Конвенцией о физической защите ядерных материалов, включая поправки, а также рекомендательными документами МАГАТЭ, в частности упомянутым выше документом INFCIRC/225/Редакция 5 *Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок*.

Итоговый отчет по результатам оценки — закрытый документ, но он может публиковаться по инициативе оцениваемой страны. На основании оценки оцениваемое государство не ранжируется относительно других. По результатам оценки группа экспертов готовит рекомендации и предложения, реализация которых может быть проверена в ходе повторной оценки некоторое время спустя.

По спектру охватываемых вопросов, а также по результатам, получаемым в результате оценки, IPPAS является наиболее эффективным инструментом, который может быть использован для усовершенствования состояния ФЯБ. Однако в настоящий момент у IPPAS есть ряд недостатков, которые значительно снижают его эффективность. Во-первых, это добровольность миссий, проводимых по запросу заинтересованных государств, и необязательность выполнения их рекомендаций. Во-вторых, миссии IPPAS не включают вопросы УК ЯМ, являющихся вторым важным элементом ФЯБ.

Целью применения гарантий, включая инспекции в рамках Соглашений о гарантиях, является удостоверение того, что не имело места никакого переключения ЯМ с мирного использования на производство ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Таким образом, формально при инспекциях не оценивается состояние систем УК ЯМ в государствах, с которыми заключены соглашения о гарантиях, и их ядерных объектов. Тем не менее в соответствии со статьей 7 типового соглашения о гарантиях Агентство при проведении проверки надлежшим

образом учитывает техническую эффективность системы государства. Таким образом, эффективность системы УК ЯМ косвенно оценивается при инспекциях, а положительное заключение по их результатам свидетельствует о надлежащем состоянии системы УК ЯМ.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- С учетом всего спектра существующих угроз обеспечение ФЯБ должно рассматриваться странами-новичками в качестве одной из основных обязанностей, возникающих при приобретении ядерных установок и материалов.
- В качестве основных источников экспертизы, необходимой для обеспечения надлежащего уровня ФЗ и УК ЯМ, страны-новички в первую очередь могут использовать рекомендации МАГАТЭ, содействие стран-экспортеров ядерных установок и материалов и сопутствующих технологий и оборудования, а также международные механизмы оценки состояния ФЗ и УК, которые могут быть использованы для получения обратной связи и рекомендации о дальнейшем развитии систем ФЗ и УК.
- Система принятых на международном уровне требований и рекомендаций в области ФЗ и УК ЯМ закрывает весь спектр мер, обеспечивающих ФЯБ. Существующие документы определяют базовые критерии, относительно которых оценивается состояние национальных систем ФЗ и УК ЯМ, включая состояние систем конкретных ядерных объектов.
- Механизмы реализации и проверки выполнения данных требований и рекомендаций пока не обеспечивают их единообразной реализации во всем спектре потенциальных стран-новичков.
- Механизмы контроля экспорта ЯМ и технологий предоставляют дополнительную возможность, которая может быть использована для улучшения состояния ФЯБ в странах-новичках. Руководящие принципы ядерного экспорта устанавливают требование по обеспечению ФЗ в странах-получателях на уровнях, установленных рекомендациями МАГАТЭ, а также требуют применения гарантий, которые создают предпосылки для развития национальной системы УК ЯМ.

К рассмотрению могут быть предложены следующие рекомендации, направленные на обеспечение соответствующего уровня ФЯБ в странах, вступающих на путь развития атомной энергетики:

- Объем оценки, проводимой МАГАТЭ в рамках IPPAS, может быть расширен для включения вопросов УК ЯМ. Это позволит проводить детальную оценку состояния национальной системы УК ЯМ, чего не происходит при реализации соглашений о гарантиях, и предоставлять заинтересованным государствам рекомендации по необходимым улучшениям.
- Страны-экспортеры должны поощряться включать содействие по улучшению ФЯБ в рамки соглашений о поставках ядерных установок и материалов, а также сопутствующего оборудования и технологий.

- Страны, находящиеся на начальных стадиях развития атомной энергетики, должны поощряться приглашать миссии IPPAS для проведения расширенной оценки, включающей как вопросы ФЗ, так и вопросы УК ЯМ, а принятие национального плана по реализации рекомендации миссии IPPAS может быть рекомендовано в качестве одного из элементов программы создания национальной инфраструктуры, необходимой для развития атомной энергетики в соответствии с рекомендациями МАГАТЭ.

Примечания

- 1 Физическая защита. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. Под редакцией А. В. Хлопкова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
- 2 Учет и контроль ядерных материалов. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. Под редакцией А. В. Хлопкова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
- 3 Список требований, изложенных в данной статье, формально не закреплен ни в одном из документов. Они сформулированы автором статьи на основе имеющихся обязательных и рекомендательных документов.
- 4 Основополагающий принцип E: Ответственность обладателей лицензий, Статьи 1.12, 3.12, 3.13, 3.23–3.26, таблица 1 раздела 4, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5). Статьи 7, 112, Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153).
- 5 Статья 3.8, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 6 Основополагающий принцип D: Компетентный орган, Статьи 3.18–3.20, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 7 Основополагающий принцип D: Компетентный орган, Статьи 3.18–3.20, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 8 Статьи 3.15–3.16, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5). Статья 3.5, Цели и существенные элементы государственного режима физической ядерной безопасности (IAEA Nuclear Security Series #20, Objectives and Essential Elements of a State's Nuclear Security Regime).
- 9 Статьи 3.43–3.44, 4.5–4.8, 5.4–5.8, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 10 Основополагающий принцип K: Планы чрезвычайных мер, Статьи 3.58–3.60, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 11 Раздел 4.4, Справочник по учету ядерных материалов (Nuclear Material Accounting Handbook, IAEA Services Series #15).
- 12 Статья 3, Договор о нераспространении ядерного оружия.
- 13 Статьи 3.34–3.40, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 14 Статьи 3.39, 4.35, 5.15, 5.16, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 15 Статьи 3.27, 3.29, 3.57, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 16 Статьи 32, 110, Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153). Статьи 2.3.3, 4.5.7, Справочник по учету ядерных материалов (Nuclear Material Accounting Handbook, IAEA Services Series #15).
- 17 Статья 32 a–b), Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153). Статья 4.5.9 и раздел 5.2, Справочник по учету ядерных материалов (Nuclear Material Accounting Handbook, IAEA Services Series #15).

А
Н
А
Л
И
З

- 18 Статья 32 с), Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153). Статьи 2.4.3, 4.5.12, Справочник по учету ядерных материалов (Nuclear Material Accounting Handbook, IAEA Services Series #15).
- 19 Статья 32 d), Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153). Статьи 2.3.10, 4.5.11 и раздел 5.4, Справочник по учету ядерных материалов (Nuclear Material Accounting Handbook, IAEA Services Series #15).
- 20 Статья 32 е), Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153).
- 21 Статья 32 е), Структура и содержание соглашений между Агентством и государствами, требуемых в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия (INFCIRC/153). Раздел 5.3, Справочник по учету ядерных материалов (Nuclear Material Accounting Handbook, IAEA Services Series #15).
- 22 Статья 3.14, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 23 В документах МАГАТЭ отсутствуют рекомендации относительно обязательного присутствия вооруженной охраны на ядерном объекте. Тем не менее авторы считают это важным требованием, необходимым для достижения целей ФЯБ.
- 24 Раздел 6, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).
- 25 Раздел 6, Рекомендации по физической ядерной безопасности, касающиеся физической защиты ядерных материалов и ядерных установок (INFCIRC/225/Revision 5).

Алексей Лукацкий

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОЧНИКА КИБЕРАТАК

В 5.42 по тихоокеанскому времени сержант военно-воздушных сил США Томас Блейк случайно фиксирует подготовку к пуску баллистической ракеты с территории Китайской Народной Республики. Бывший морпех, только что вышедший в отставку и по стечению обстоятельств оказавшийся на о. Хайнань в сопровождении несовершеннолетней племянницы стремительно проникает на засекреченный китайский объект, пробирается в шахту с ядерными ракетами и с помощью перочинного ножа и курса квантовой физики, со скуки пролистанного в самолете, обезвреживает боеголовку за 7 секунд до старта, в очередной раз спасая мир от глобальной катастрофы. Таким мог бы быть сценарий фильма, посвященного ядерному терроризму и доблестным американским спецслужбам, бойцы которых в одиночку обезвреживают пару сотен китайских экстремистов, решивших развязать третью мировую войну. Но мы живем не в павильонах Голливуда, и я с трудом представляю себе, чтобы желающие развязать глобальный конфликт, если такие найдутся, пошли по этому сценарию. Гораздо более правдоподобным кажется апокалипсис, в котором угроза уничтожения человечества придет из киберпространства. Но если киберинцидент случится, как определить, кто за ним стоит? Ведь даже в реальной жизни установить виновного в преступлении бывает очень непросто.

А
Н
А
Л
И
З

ЗАЧЕМ НАМ НУЖНА АТРИБУЦИЯ И ЧТО ОНА В СЕБЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧАТЬ

Когда мы имеем дело с миром материальным, в котором присутствуют ядерные боеголовки, воинские формирования, эскадрильи самолетов, боевые группы кораблей, не составляет большого труда определить, кто за ними стоит. Вряд ли стоит ожидать, что авианосная ударная группировка может быть создана олигархом, а шахты с ядерным оружием прорыты любителями. С киберугрозами дело обстоит с точностью до наоборот.

Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время по заказу НАТО ведется работа над второй редакцией Таллинского руководства¹ по применению международного права при ведении кибервойн, еще в первой версии которого обосновывалась возможность физического ответа на кибернападение. Очевидно, что в такой ситуации как никогда важна правильная атрибуция источника киберугроз. Ошибочная идентификация может привести к развязыванию войны (локальной, региональной или глобальной) или, наоборот, привести к тому, что будет упущено время, необхо-

димое для подготовки к отражению агрессии. Неспособность установить истинного виновника и, тем более, заказчиков, не позволит в полной мере задействовать имеющиеся в распоряжении каждого государства дипломатические, политические и юридические рычаги.

Поэтому атрибуция нужна не только для того, чтобы понять, кто действует против нас, но и чтобы выстроить оборонительную стратегию и спланировать защитные действия. Один вариант, если мы имеем дело с нарушителем, за которым стоит государство; если же угроза реализована негосударственным *актором*, то и ответные действия должны быть другие. Не на техническом уровне — тут механизмы защиты будут практически одинаковыми (если не рассматривать возможность бомбардировок в ответ на сканирование сети), а на дипломатическом и правовом, и именно от атрибуции будет зависеть набор шагов, которые предпримет государство. В конце концов риск обнаружения и правильной атрибуции может стать сдерживающим фактором для, как минимум, государственных *акторов*.

Говоря об атрибуции, надо заранее понять, насколько точно мы хотим ответить на вопрос *кто нас атакует*, до какого уровня детализации пойти. Таллинское руководство не особо глубоко погружается в детали и просто ищет основания для применения традиционных вооружений против кибернападений, поэтому атрибуция в нем ограничивается определением государства, с территории которого фиксируется кибератака. Однако в условиях, когда любой желающий с любым гражданством может арендовать интернет-сервер в любой стране, ограничиваться только определением местоположения источника атаки было бы некорректно.

Идентификация узла, с которого осуществляется воздействие в киберпространстве, необходима, чтобы понять, принадлежит этот узел частному лицу или организации, какой интернет-провайдер выделил IP-адреса для данного узла (возможно, этот провайдер замечен и в других кибератаках), физическое местоположение данного узла (которое зачастую можно определить), настройки узла, вплоть до используемой операционной системы и приложений, по которым можно попробовать определить языковую или национальную принадлежность атакующего, и т. д.

Идеально, если в рамках атрибуции можно будет сделать вывод о мотивах совершаемых действий, что поможет провести грань между государственными и частными целями совершения кибернападений. Однако определение мотивации — это уже высший пилотаж в области атрибуции спецопераций в киберпространстве. Только техническими средствами решить эту задачу невозможно.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИМЕРЫ АТРИБУЦИИ КИБЕРУГРОЗ

Истории с атрибуцией атак встречаются еще на заре формирования отрасли информационной безопасности, но на новый уровень эта тема вышла в 2010 г., когда на комплексе по обогащению урана в иранском Натанзе был обнаружен вредоносный код, позже получивший название *Stuxnet*². Именно тогда специалисты всерьез задумались о том, как идентифицировать силы, стоящие за данным вредоносным кодом. Ведь вирус находился на изолированном от интернета объекте; более того, заражение произошло как минимум за год до начала официального расследования. Иначе говоря, отследить его реального автора ни по интернет-активности, ни по записям журнала прохода на территорию объекта не представлялось возможным. В процессе расследования было высказано предположение

о том, что автором *Stuxnet* являются спецслужбы США и Израиля, что косвенно было подтверждено как разоблачениями Э. Сноудена, так и рядом других публикаций последнего времени. Однако прямых доказательств, которые могли бы быть проанализированы независимыми экспертами, так и не было представлено, что понятно, учитывая специфику объекта и самой ситуации.

И до, и после *Stuxnet* бездоказательные заявления об атаках со стороны различных государств делались в рамках конфликтов в Северной Осетии, Югославии, Украине, Ливии, Сирии и т.п. Но масла в огонь подлила американская компания *Mandiant*, позже купленная *FireEye*³, также американской. За последнее время *FireEye* выпустила несколько отчетов, в которых подробно исследуются различные кибершпионские и хакерские кампании, например, действия китайской хакерской группы *APT1* (в качестве одного из атрибутов называлось время максимальной активности, совпадающее с часовым поясом Шанхая), российской хакерской группы *APT28*, иранской группы *Ajax Security Team*, взлом *Sony Pictures Entertainment*.

Помимо *FireEye* аналогичные исследования проводились компаниями:

- *Cylance*⁴, которая изучала кампанию иранских хакеров *Cleaver* (нож мясника);
- *Partners*, которая раскрыла операцию *Newscaster* (телекомментатор), также исходившую из Ирана;
- *Лабораторией Касперского*, которая раскрыла кампании *Маска*⁵ и *Красный октябрь*;
- *Group-IB*⁶, нашедшей след *Исламского государства* в атаках на многие российские организации;
- *BAE Systems*, исследовавшая атаки на украинские компьютеры и нашедшая на них *русские* отпечатки;
- *Check Point*, раскрывшая ливанскую хакерскую группу *Volatile Cedar* (*Летучий кедр*);
- *Taia*⁷ *Global*, которая вопреки распространенному мнению, что компанию *Sony* взломали хакеры из Северной Кореи, *доказала*, что *Sony* все-таки атаковали из России.

Во всех случаях для атрибуции использовались различные обоснования. Например, в марте 2014 г. американская *BAE Systems* обнаружила на украинских компьютерах следы проникновения *хорошо подготовленных профессионалов*, использующих вредоносное ПО *Snake*⁸ (*Змея*) из часового пояса, в котором находится Москва (почему была названа Москва, а не, например, Йемен, Ирак, Мадагаскар или Эфиопия, находящиеся в том же часовом поясе?). Позже тот же вредоносный код был найден на нескольких компьютерах бельгийского МИДа. Затем *русский след* был обнаружен финской компанией *F-Secure* во вредоносном коде *BlackEnergy*, а там подоспел и отчет *FireEye* про хакерскую группу *APT28*, действующую из Москвы и пишущую вредоносные программы в рабочее время по Москве. Видимо, это проявление классических для иностранцев стереотипов: Россия — это Москва и одна страна — один часовой пояс.

В случае с атаками ИГ на российские ресурсы атрибуция была достаточно простой: группировки *Cyber Caliphate*, *Team System Dz*, *FallaGa Team* и *Global Islamic Caliphate* массово взламывали интернет-ресурсы с хорошей посещаемостью, на которых размещали свои лозунги и мгновенно публиковали информацию об этом в социальных сетях *Twitter* и *Facebook*. По этому сценарию действовала и *Сирийская электронная армия*. Примерно также идентифицировались и действия *КиберБеркута*, который

не скрываясь публиковал данные о своих *подвигах* на своем сайте, что облегчало поиск виновных. Самый простой способ атрибуции кибернападений — добровольное признание в содеянном авторов атаки. При условии, правда, что учетные записи или ресурсы, на которых размещаются признания (*Twitter, Facebook*, сайт и т. п.), действительно принадлежат им, а не просто взломаны кем-то другим.

DDoS-атаки Ирана против финансовых институтов США (операция *Ababil*⁹) и топливно-энергетических компаний Катара и Саудовской Аравии в конце 2012 — начале 2013 гг. были идентифицированы по регистрации используемых для атаки IP-адресов.

Операция иранских хакеров *Нож мясника* была атрибутирована сразу по ряду параметров. Во-первых, в рамках операции использовались персидские имена хакеров, а во-вторых, домены, IP-адреса и инфраструктура, используемые в рамках атаки, были зарегистрированы в Иране. Также и действия ливанского *Летучего кедра* были идентифицированы по нескольким параметрам: командным серверам, расположенным на площадке ливанской хостинговой компании, по DNS-запросам, которые вели в Ливан, и адресам электронной почты, на которые были зарегистрированы некоторые домены и которые были связаны с ливанскими политическими активистами. Очевидно, чем больше различных параметров используется для атрибуции, тем она точнее.

Конфуз случился в истории с проникновением в сеть компании *Sony* в ноябре 2014 г., которое и послужило причиной очередного витка серьезного внимания США к теме кибербезопасности и разработки целого пакета нормативных актов, направленных на усиление борьбы с хакерами. США практически сразу обвинили в атаке на *Sony* северокорейских хакеров, которые предупреждали, что за выпуском в прокат фильма *Интервью* про северокорейского лидера Ким Чен Ына последуют ответные действия. И хотя *после* не значит *вследствие*, американские власти поспешили назвать виновника всех бед, попутно введя против Северной Кореи очередные санкции. И снова доказательства участия в деле корейских злоумышленников добывала *FireEye*. Однако американская корпорация *Taia Global* поставила под сомнение выводы *FireEye* о северокорейском следе, представив доказательства, что за атаками на *Sony* стоят россияне. Финальный аккорд в этой истории пока так и не прозвучал.

ПОЧЕМУ ВСЕ ТАК ПЛОХО С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ИСТОЧНИКА КИБЕРУГРОЗ?

Можно выделить несколько групп факторов, которые мешают адекватному и однозначному определению источников спецопераций в киберпространстве: геополитические, правовые, технические, экономические и психологические.

Геополитическая ситуация

Киберактивность военного назначения сегодня превратилась в инструмент геополитической борьбы. Что может быть проще, чем обвинить то или иное государство в агрессии только на том основании, что с его территории зафиксирована кибератака? И, как мы неоднократно наблюдали за последнее время, отдельные страны и блоки стран активно используют этот прием. Кто взломал Пентагон? Русские хакеры. Кто взломал Белый дом и получил доступ к переписке Барака Обамы? Русские хакеры! Кто взломал лабораторию в Лос-Аламосе, занимающуюся разработками

ядерного оружия? Опять русские хакеры! Так и формируется имидж всемогущего, но почему-то неуловимого русского хакера, который ломает все, что попадет ему под клавиатуру. Правда, Россия тоже не отстает, регулярно заявляя об атаках, идущих с территории Украины или Грузии (в зависимости от напряженности во взаимоотношениях с тем или иным бывшим *партнером* по Советскому Союзу). Недавно стало известно, что Россию активно атакуют представители *Исламского государства*, выбравшего наше государство в качестве очередной жертвы.

Желание связать конкретную атаку с конкретным государством, не разбираясь в реальных источниках и причинах, вполне объяснимо — это удобный прием в геополитической борьбе, особенно если нужно быстро создать образ врага. Да и подпитывать его несложно: достаточно на очередной пресс-конференции вскользь упомянуть про *русский, исламский, украинский* след, и журналисты сами раздуют вокруг этого заявления *киберпожар*.

Отдельно стоит упомянуть, что идентификация источника в сложной атаке, проходящей через несколько государственных границ и континентов, требует активного взаимодействия представителей государств, не только находящихся в разных юрисдикциях, но иногда и агрессивно, даже враждебно по отношению друг к другу настроенных. Можно ли быть уверенным, что такое сотрудничество будет налажено? Далеко не всегда. Например, не так давно на конференции *Positive Hack Days* в Москве представители ФСБ заявили, что в настоящий момент большая часть хакерской активности, направленной против России, идет с территории Украины, но нормально взаимодействовать с украинскими спецслужбами не удается по вполне понятным причинам. Хотя иногда наблюдается и обратная картина. Например, во время подготовки и проведения зимних Олимпийских игр в Сочи американские и российские спецслужбы достаточно активно взаимодействовали в рамках обеспечения безопасности игр. И это несмотря на уже произошедшее охлаждение дипломатических отношений, заморозку отдельных контактов и приостановление ряда рабочих групп.

А
Н
А
Л
И
З

Неразбериха в международном праве

Новый порядок мироустройства, а вместе с ним и принципы обеспечения международной безопасности, сформировавшиеся по итогам Ялтинской и Потсдамской конференций, строились на двух ключевых понятиях — *война* и *агрессор*, которые в современном мире морально устарели. Согласно общепринятой теории, субъектами войны и агрессорами признаются целые государства: Ирак, Ливия, Сирия, Россия, Саудовская Аравия, США. А что делать с незаконными вооруженными формированиями, например, в ДНР и ЛНР? А с международными террористическими организациями, такими как *Аль-Каида*, *Исламское государство*? А иные негосударственные *акторы*, которые могут осуществлять те или иные спецоперации, несущие не меньшую угрозу, чем иные государства? Как квалифицировать действия, осуществляемые киберанархистами и иными группами с приставкой *кибер-*: *Anonymous*, *LulzSec*, *КиберСотня*, *КиберБеркут*? Это агрессия или нет? Действуют такие киберанархисты самостоятельно или они направляются и финансируются государственными структурами, желающими снять с себя ответственность и переложить ее на якобы неуправляемых хакеров? Таллинское руководство отвечает на эти вопросы утвердительно, приравнивая всех, кто действует с территории какого-либо государства, к самому государству.

По сути, мы находимся на пороге нового технологического уклада, который требует серьезного пересмотра всей системы международного права и расширения ее сферы охвата для регулирования информационных технологий. Сегодня в международном праве зафиксированы основные принципы взаимодействия именно государств и именно в *материальных* пространствах: наземном, воздушном, морском, космическом. И только отношения в киберпространстве остаются практически нерегулируемыми. До сих пор не существует даже общепринятого определения киберпространства. Нелюбовь представителей российских властей к приставке *кибер* — это отдельная тема. Правда, так нелюбимый МИДом термин *кибербезопасность* активно используется многими российскими организациями, включая госкорпорации. Знаете ли вы, сколько раз ООН образовывала и расформировывала специальные комиссии, которые должны были определиться с более привычным для нас термином *терроризм*? Более 30. А утвержденного термина до сих пор нет. Так чего же мы хотим в отношении термина *киберпространство*?

Особую соль всему этому придает отсутствие в киберпространстве географической привязки, что отличает его от театров ведения традиционных военных операций. В качестве примера достаточно взять эту статью, которая, не выходя за пределы моего компьютера, успела попутешествовать по миру: я начинал ее писать в Киеве, продолжил в самолете над Тихим океаном, в Челябинске, а закончил уже в Сочи. Что же считать местом создания этого *нематериального материала*? Ровно так же все обстоит и с кибератаками. Почему-то их источником считается компьютер, с которых зафиксировано обращение к атакуемым ресурсам. А ведь он может быть только последним в цепочке, насчитывающей 2, 5, 10 узлов. А как трактовать ситуацию, когда атака действительно осуществлялась с компьютера, например, в России, но он был взломан и использован как промежуточная площадка? Будет ли владелец взломанного компьютера, сам жертва, нести ответственность за действия, о которых он даже не подозревает?

Интернет-анархия

Не будем лукавить, интернету до сих пор присуща определенная анархия. Отсутствие четких определений, общепринятых правил и стандартов по мониторингу, учету и обмену трафиком, постоянные разговоры о *privacy* — все это не способствует созданию среды, в которой можно было бы однозначно проследить за каждым сетевым пакетом или сессией. А высокие скорости передачи данных приводят к тому, что они хранятся очень непродолжительное время, за которое сложно отследить злоумышленника.

Технические сложности

Технические причины лежат в основе невозможности простого определения источника атак в киберпространстве, причем независимо от формы их реализации — в виде DDoS-атак, путем проникновения через защитные препоны, в виде рассылок вредоносного кода через электронную почту или путем заражения сайтов и флешек, через которые вредоносное ПО попадает во внутреннюю сеть предприятия.

В 1960–1970-е гг., когда создавались протоколы, положившие начало современному интернету, никто не задумывался о необходимости однозначной идентифи-

кации всей цепочки передачи пакетов данных из точки А в точку Б. Более того, сама по себе технология работы интернета подразумевает децентрализацию и распределенность. И то, что устраивало всех последние 40 лет, сейчас стало играть с нами дурную шутку. Как определить реального автора пришедшего мне на компьютер сетевого пакета, если технически возможно изменить адрес отправителя? Текущая, четвертая, версия протокола IP в принципе не подразумевает однозначной идентификации и аутентификации инициатора соединения (хотя разговоры об интернет-паспортах и идентификации всех, кто входит в интернет, ведутся давно). Правда, это не мешает официальным лицам и представителям военных структур заявлять об идентификации источника атаки.

Но отсутствие в текущей версии протокола IPv4 необходимых атрибутов для определения местоположения источника атаки — не единственное препятствие. Никто не может помешать злоумышленнику, желающему скрыть свое истинное местоположение, использовать любой имеющийся в интернете прокси-сервер (сервер-посредник) или анонимайзер. В случае реализации атаки через них мы увидим в качестве адреса источника атаки не реальный адрес злоумышленника, а адрес сервера-посредника. Как быть в таком случае? А ведь такие сервера во множестве разбросаны по разным национальным сегментам интернета. Находясь в Пекине, я могу реализовать атаку через посредника в Москве, Гаване, Рейкьявике или Гонолулу.

Ситуация усугубляется тем, что я могу арендовать специальные сервера (так называемый abuse-устойчивый хостинг), которые будут целенаправленно скрывать мой истинный адрес. И таких промежуточных серверов может быть много — 2, 5, 10, 100. В такой ситуации атака обладает динамически меняющимися пространственными характеристиками, что коренным образом отличает ее от обычных наступательных вооружений. Может ли ядерная боеголовка динамически менять свое местоположение? Да, но очень медленно, если возить ее на специальном автотранспорте или поезде. Но и в этом случае ее географические координаты ограничены границами одного государства, в крайнем случае блока. Для кибератаки поменять за несколько минут или даже секунд географическую привязку и числиться на разных континентах в порядке вещей.

Аналогичная ситуация возникает, и если подняться выше по так называемому стеку интернет-протоколов и посмотреть на электронную почту, которая может содержать угрозы или реальный вредоносный код. Идентифицировать настоящего отправителя почты, если он того не желает, практически невозможно. Для этого надо пройти по цепочке всех узлов, через которое проходило почтовое сообщение и которые могут находиться в разных странах и юрисдикциях.

Отдельный вопрос с файлами и вредоносным программным обеспечением. В них нет печати и, как правило, не стоит подпись автора, который желал бы оставить след в истории. Поэтому исследователям приходится просматривать огромные объемы информации в поисках *зерен правды*, позволяющих с определенной долей вероятности определиться с источником атаки. Например, в рамках расследования операции *Нож мясника* компания *CyLapse* собрала и изучила свыше 8 Гб данных, 80 000 файлов, журналы регистрации на узлах жертв и т.п. И только после этого она смогла заявить об иранском следе, и то с оговорками. Однако технический анализ так и не смог дать ответ на вопрос, стояло за этой операцией государство или это была частная инициатива.

Бизнес превыше всего

Какая задача стоит перед коммерческим предприятием, которое подверглось кибернападению? Долго и мучительно собирать доказательства или быстро вернуться в рабочее состояние и продолжить прерванные операции? Почему ИТ-директора многих коммерческих и государственных организаций любят подменять термин *информационная безопасность* термином *непрерывность бизнеса*? Да потому что задача любой организации будь то министерство, электростанция, система управления вооружениями, банк, — обеспечить непрерывное функционирование и бесперебойность работы всех своих сервисов. А если и произошел какой-то сбой, надо как можно скорее перегрузить сервер, переустановить операционную систему, переключиться на резервный канал. Мало кого интересует полноценное расследование с атрибуцией, которое может и не принести ожидаемого результата, поэтому концепция современной защиты заключается в улучшении защитных киберстен, отражении атак и их локализации, если они все-таки проникли в сеть предприятия. Задачу расследования и атрибуции мало кто перед собой ставит. И это я еще не рассматриваю ситуацию, когда организации сознательно мешают расследованию, не желая, чтобы их связывали с кибератаками или обвиняли в слабой защищенности, которая и послужила причиной успешного проникновения.

Психология и отсутствие компетенций

В психологии известен факт, что непонятное часто вызывает опасение и неприятие, не надо забывать и о некоторой инертности госаппарата, поэтому естественно, что новые понятия и технологии входят в официальный дискурс с некоторой задержкой. Достаточно посмотреть на текст действующей военной доктрины РФ, и мы увидим, что используемые в ней термины *военный конфликт*, *локальная война*, *региональная война*, *крупномасштабная война* не применимы в киберпространстве.

Кроме того, в большинстве государств (и тут Россия не исключение) на высших должностях находятся люди, привыкшие оперировать понятиями, традиционно используемыми в описания наземных, воздушных, морских или космических пространств, но не применимыми к киберпространству. Отсюда постоянные ляпы, допускаемые даже в самых новых документах по рассматриваемой теме. Те, кто могли бы объяснить ошибочность такого подхода, не допускаются к разработке этих документов. А если их и допускают, то к мнению этих *безусых младенцев* не всегда прислушиваются.

Есть и другая составляющая данной проблемы. Достаточно вспомнить, какой путь прошли мировые державы, вырабатывая основы ядерного сдерживания. Доверие доверием, но не стоит забывать про *доверяй, но проверяй*. Дипломатические контакты, многостороннее сотрудничество, дорожные карты, выработанные процессы и процедуры позволили если не гарантировать, то с высокой степенью уверенностью утверждать, что то или иное государство не проводит (или, наоборот, проводит) ядерные испытания, а также сокращает стратегические наступательные вооружения (договоры СНВ I, РСМД и т. д.). Хотя в последнее время что российские, что американские дипломаты регулярно утверждают, что противоположная сторона нарушает взятые на себя обязательства. И непонятно, есть у них реальные доказательства или мы имеем дело просто с геополитической риторикой. В международной информационной безопасности, история которой насчиты-

вает всего чуть больше 20 лет, такого опыта нет. Более того, иногда складывается впечатление, что отдельные государства специально не идут навстречу, чтобы скрывать свой потенциал в этой сфере.

КАК МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ УЧАСТНИКОВ СПЕЦОПЕРАЦИЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Хорошо, с проблемами мы разобрались. Но как же все-таки *Group-IB*, *Лаборатория Касперского*, *Cisco*, *CyLance*, *Taia* и другие проводят свои расследования и делают выводы об источнике атак? Обычно в качестве доказательств используются следующие индикаторы (признаки):

Место регистрации IP-адресов и доменов, участвующих в атаке или представляющих инфраструктуру для реализации атаки. При этом анализируется не только страна регистрации, но и сопутствующая информация, которая может быть получена с помощью сервиса WHOIS: ФИО владельца домена или IP-адреса, его контакты. Все это позволяет при превышении определенного порогового значения сделать вывод о стране, которая *стоит за кибернападением*. Если же злоумышленник не очень квалифицированный, можно идентифицировать и физическое место расположения источника атаки. Правда, это может оказаться интернет-кафе или библиотека, но даже такая *точность* лучше, чем просто *стрелять в белый свет, как в копеечку*, даже не пытаясь установить физическое местонахождение инициатора кибератаки.

Трассировка атаки до ее источника или хотя бы локализация области, в которой источник находится. Такой функционал есть у многих маршрутизаторов, на которых построен интернет. Помимо механизма *Traceback*, использующегося на сетевом оборудовании, для идентификации злоумышленников могут быть использованы фильтрация трафика на интерфейсах маршрутизатора (*ingress filtering*), протокол ICMP для возврата отброшенного на жертву трафика обратно его инициатору. Например, в случае шпионской кампании *Лунный лабиринт (Moonlight Maze¹⁰)*, направленной против ВПК США, НАСА и ряда американских государственных структур, отследить организаторов удалось именно путем анализа обратного маршрута до серверов, зарегистрированных в России (правда, связь с государственными структурами так и не была установлена). Аналогичный метод, правда, в более сложном варианте, позволил сделать вывод о том, что за хакерской кампанией *Аврора*, в рамках которой были атакованы многие технологические компании США (например, *Google*, *Juniper*, *McAfee*, *Adobe* и т. п.), стоит Китай.

Временные параметры. Как показали ранее приведенные примеры, нередко исследователи анализируют время создания вредоносного кода, время начала операции в киберпространстве или время наибольшей активности. Пусть и с оговорками, но эта информация может служить основой дальнейшего анализа. И хотя она не укажет на конкретного нарушителя, она позволит сузить число стран, которые могли бы быть причастны к анализируемой ситуации.

Анализ программного кода, в котором могут быть найдены комментарии, ссылки на сайты, домены, IP-адреса, которые участвуют в атаке. Анализ функциональности программного кода позволяет сузить число возможных нарушителей. Например, анализ кода *Stuxnet* показал, что для его создания надо было не только знать, как работают центрифуги IR-1 в Натанзе, но и иметь стенд для проверки работоспособности вредоносного кода, который позже вывел из строя большое количе-

ство центрифуг по обогащению урана. Но многие ли *акторы* способны приобрести центрифуги для тестирования? Это позволило существенно снизить число возможных нападавших, а дополнительные сведения позволили даже назвать государства, которые стояли за разработкой *Stuxnet*, — США и Израиль.

Помимо изучения фрагментов кода, отдельные исследователи пытаются даже **изучать почерк программистов и определять по нему школу программирования**: американская, русская, китайская и т. п. Хотя пока это скорее из области фантастики и плохо формализуемо. Однако уже сейчас известны отдельные работы в части автоматизации и алгоритмизации процесса определения почерка программиста для дальнейшего использования этой информации в расследовании и атрибуции.

С анализом почерка тесно связана и лингвистика, а точнее **стилометрия**, которая **позволяет определить стилистику языка в тех же самых комментариях или сопутствующих текстах**. Известно, что то, в какой стране родился человек, в какой культуре рос, в какой языковой среде воспитывался, определяет его стиль письма, который можно выделить и зафиксировать. Например, выросший в России или Советском Союзе человек, позже уехавший в Великобританию или США, никогда не будет говорить на языке так же, как коренной англичанин или американец. Эти различия позволили, например, специалистам компании *Taia Global* сделать вывод о том, что за атаками на *Sony* стоят не северокорейские, а русские хакеры. Аналогично эксперты *Лаборатории Касперского* предположили, что за шпионской кампанией *Маска* стоят испаноговорящие хакеры. Причиной такого вывода послужило использование в коде испанских слов и сленга, которые никогда не используется англоговорящей аудиторией.

Обманные системы или honepot/honeynet — популярный в свое время инструмент, интерес к которому со временем поулег, а сейчас возвращается вновь. Идея проста: в сети запускается фальшивый, подставной узел, который злоумышленник атакует, оставляя следы своей несанкционированной активности, — вот ее-то и изучают эксперты.

Еще один метод — **оперативная разработка**. Он мало чем отличается от того, что мы знаем из боевиков или детективов. Внедренные агенты, *стукачи*, *сочувствующие* и другие источники информации позволяют идентифицировать или хотя бы сузить спектр возможных акторов, стоящих за той или иной атакой. Хороший пример — Эдвард Сноуден, который успел рассказать немало интересного о деятельности спецслужб, в которых ему довелось служить.

Анализ активности на форумах и в социальных сетях. Именно так в 2007 г. была выяснена причастность молодежного движения *Наши* к атакам на ряд эстонских ресурсов. Однако связь *Наших* с российскими властными структурами в данном конфликте так и не была подтверждена. Аналогичным образом после публикации ролика на *YouTube* иранской хакерской группировки *Izz ad-Din al-Qassam Cyber Fighters* была доказана роль иранских хакеров (но не самого государства) в атаках на американские банки. Наконец, Сирийская электронная армия регулярно берет на себя ответственность за атаки на отдельные американские ресурсы. Например, именно они заявили о взломе учетной записи в *Твиттере* агентства *Associated Press*¹¹, в котором написали о взрыве в Белом Доме и ранении Барака Обамы. Анализ активности хакеров и оперативная разработка — единственные методы определения мотивов кибератаки. Ни анализ IP-адресов, ни лингвистика не дают возможности ответить на вопрос *почему*, ограничиваясь только ответом на вопрос *кто*.

В отдельных случаях автора **можно идентифицировать постфактум по его действиям**. Речь идет не только о том, что он осознанно или случайно делится фактом своего участия в атаке в социальных сетях. Например, в случае вторжения в интернет-банк, кражи денег и перевода их на подставные или реальные счета, наблюдая за владельцем счета, можно выйти и на тех, кто стоит за ним или кто его нанял. Также украденная информация может появиться на аукционах и биржах, публичных и закрытых. Дальше следователи могут вступить в переговоры с продавцом и провести его атрибуцию или получить важную информацию для дальнейшей атрибуции кибернападения.

Из всего вышесказанного следует, что универсального и 100-процентного метода не существует. Более того, далеко не всегда техническими методами можно ограничиться. Например, когда в 2012 г. стало известно об атаке вредоносного кода *Gauss* на ливанские банки, многие эксперты задавались вопросом *а зачем это было нужно?* Неужели нет более лакомых кусков, чем ливанские банки? И, поскольку технические методы не помогли провести правильную атрибуцию, пришлось использовать косвенные признаки. Например, по анализу функций кода *Gauss* исследователи предположили, что он направлен на изучение счетов организации *Хезболла*, которая таким образом отмывала деньги, что и интересовало тех, кто стоял за атакой на финансовые институты Ливана. А, учитывая, что *Хезболла* признана террористической организацией в ограниченном числе стран (в частности в США и Израиле), спектр возможных инициаторов был сужен до пары государств.

Наверное, только полная перестройка архитектуры интернета помогла бы решить эту проблему с технической стороны. Но это недостижимая, а может быть, и вредная мечта. Остается только совершенствовать указанные технические рецепты, обильно сдабривая их правовыми и дипломатическими приправами, позволяющими с большей уверенностью утверждать, что правильная атрибуция инициаторов спецопераций в киберпространстве возможна. Неслучайно из американской разведки вышел широко используемый в расследовании киберпреступлений термин *OSINT (open source intelligence)*, т.е. поиск, сбор и анализ информации, полученной из открытых источников. Сегодня без активного развития и использования инструментов *OSINT* сложно эффективно заниматься атрибуцией спецопераций в киберпространстве, а эта техника требует высокой квалификации лиц, которые участвуют в определении источника кибернападения. Это могут быть как сотрудники служб информационной безопасности государственных органов и критически важных объектов, так и представители правоохранительных и силовых структур, уполномоченных проводить оперативно-розыскную деятельность в киберпространстве.

Определенным подспорьем в атрибуции кибератак может служить так называемая *Q-модель*¹², разработанная Томасом Ридом и Беном Бухананом из Королевского колледжа Лондона и позволяющая взглянуть на процесс идентификации акторов в киберпространстве как бы с высоты птичьего полета. Множество наводящих вопросов помогают правильно сформулировать задачу расследования и более оперативно найти виновника, стоящего за той или иной атакой.

ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ, ИЛИ ЧТО ДАЛЬШЕ?

Допустим, мы смогли определить источник кибератаки. Но что делать дальше? Вспомним историю с атаками типа *отказ в обслуживании (DoS)* на эстонские интернет-ресурсы и взломы веб-сайтов этого прибалтийского государства. Как

член НАТО Эстония обратилась к Североатлантическому альянсу за помощью. Но Альянс не смог ничем помочь — ни отреагировать на эти атаки, ни сформулировать позицию, является ли такое *нападение* в киберпространстве угрозой для членов Альянса. И что это было — спланированное нападение или действия патристически настроенной молодежи? Именно эти события послужили определенным толчком к созданию Таллинского руководства, которое оправдывало бы применение традиционных и понятных для НАТО вооружений в ответ на кибератаки. В настоящее время готовится вторая редакция этого руководства, которая должна найти еще больше оснований для уравнивания физических и кибернападений. Но мало кто может ответить на вопрос «А что дальше?».

Как из журнала регистрации сетевого оборудования и средств защиты сделать вывод об умысле? Умысел подразумевает осознание опасности деяния лицом, которое его совершает. И если в рамках атрибуции атак мы смогли определить лицо и даже собрать доказательства, неоспоримо доказывающие, что именно оно стояло за атакой в киберпространстве, этого недостаточно для начала каких-либо юридических разбирательств, особенно таких, которые могут повлечь за собой серьезные последствия вплоть до вооруженного противодействия. Вспомним 2003 г., когда на атомной электростанции в США появился вредоносный код, занесенный на флешке, что привело к выходу системы управления из строя и отключению электростанции с последующим веерным отключением каскада электростанций на всем восточном побережье. Результат — многочасовое отключение электричества у сотен тысяч американцев. Что это было? Случайность или целенаправленное воздействие? Был ли в этом злой умысел? А если был, то чей — сотрудника АЭС, подрядчика, террористической группировки *Аль-Каида*, китайского правительства? Спустя 11 лет, в декабре 2014 г., была проведена атака на южнокорейскую атомную корпорацию KHNP¹³. Если судить по тем действиям, что были зафиксированы специалистами атакованной АЭС, имела место целенаправленная атака (корейцы называют ее террористической). Но авторство кибернападения опять остается неизвестным.

Допустим, проведя атрибуцию какой-либо атаки, мы смогли обнаружить, что *актором* у нас является физическое лицо, совершающее свои действия с целью наживы, вандализма или просто по идеологическим мотивам. Методов правовой защиты жертвы существует немало. Можно обратиться в правоохранительные органы, можно подать иск в суд, можно выписать ордер на арест. Следователи и эксперты проведут расследование, возможно, изымут компьютерную технику и иные доказательства из квартиры подозреваемого и сделают вывод о том, что это именно он совершил деяние, квалифицируемое одной из статей Уголовного кодекса Российской Федерации. А судья посчитает, что арестованный хакер оступился, *не ведал, что творит* и отпустит, в лучшем случае оформив условный срок. Таковы российские реалии. За пределами России в зависимости от государства суды могут быть более продвинутыми в части признания отдельных физических лиц виновными в совершении компьютерных преступлений.

Проблемы начинаются, если преступник находится за пределами государства, в котором располагается жертва. В таких случаях американские власти иногда просто выкрадывают подозреваемого и предъявляют ему обвинение на своей территории, но такие варианты я не рассматриваю, так как они выходят за рамки правового поля. Остается только объявлять подозреваемого в международный розыск, оформлять запрос в *Интерпол* и просить его выдачи у государства, с которым заключены соответствующие договоры. И вот тут возникает вопрос, на который универсально-

го и сформировавшегося ответа пока нет. Что должно послужить доказательством в суде, чтобы он выдал соответствующий вердикт в отношении киберпреступника? В мире, насколько мне известно, нет примеров судебных разбирательств, в которых бы активно использовались доказательства, собранные в рамках атрибуции кибернападений. Даже в случае с террористами или финансовыми мошенниками ситуация с выдачей обстоит не так просто, что уж говорить о хакерах.

Если *актором* у нас является отдельная компания, то ситуация с ней по части процедуры схожа с той, что применима к физическим лицам. Но тут прецедентов нет вообще, даже в рамках локального законодательства. Я не помню случаев, чтобы какую-либо компанию или ее руководство осудили за компьютерные преступления. В мире, возможно, такие ситуации и имели место, но и их я тоже не припомню.

Можно предположить какой ответ ожидается в отношении террористической группировки или хакерской группировки, даже если прошла их успешная атрибуция. Многие из них известны не один год (даже десятилетия), но продолжают существовать и творить свои черные дела. То же *Исламское государство*, которое стоит за многими последними шумевшими атаками и даже открыто признает их. Вспомним, что ООН до сих пор не смогло прийти к согласию по выработке термина *терроризм*. Как можно привлечь *Исламское государство* к ответственности за кибернападения?

А теперь попробуем представить себе, что *актором* является государство. Есть ли шансы довести такого рода инциденты до некоего логического конца? Инцидент со *Stuxnet* был зафиксирован 5 лет назад — и что? Иран обратился в какой-нибудь международный суд, чтобы обвинить США или Израиль в совершении нападения на ядерный объект? Американцы постоянно обвиняют Китай в совершении кибератак на свою инфраструктуру, но это не мешает обеим сторонам усиливать экономическое взаимодействие.

Почему так происходит? Мне кажется, тому несколько причин, и все они носят правовой, экономический и политический характер. Во-первых, непонятно, какой суд должен рассматривать дела об атрибуции кибернападений и имеют ли необходимую квалификацию судьи существующих международных судов. ЕСПЧ? Постоянная палата третейского суда? Суд Евросоюза? Международный уголовный суд в Гааге? Или Международный суд ООН? Но все они используют при рассмотрении дел и вынесении решений международные конвенции и договора, международные обычаи, общие принципы права. Но ничего из перечисленного не применимо к киберпреступлениям.

Например, статья 51 Устава ООН говорит о праве на коллективную или индивидуальную самооборону в случае вооруженного нападения. Но считать ли кибератаку вооруженным нападением? Статья 2 Устава говорит о воздержании от угроз силового воздействия на территориальную неприкосновенность или политическую независимость. Но можно ли считать пересечение нескольких сетевых пакетов из одного сегмента интернета в другой нарушением территориальной целостности? А должен ли рассматриваться взлом веб-сайта и размещение на нем призывов к свержению действующей власти как угроза политической независимости? Статьи 41 и 42 допускают применение невооруженных мер воздействия на нарушителей решений Совета Безопасности, но среди них не упоминается киберпространство — все ограничивается воздушным и морским пространствами, а также сушей.

39-я статья Устава ООН постулирует мысль, что Совет Безопасности ООН определяет угрозы миру. Но за все время своего существования он так и не опреде-

лился с тем, что такое киберугрозы. Попытки одного из постоянных членов Совета Безопасности (речь идет о России) инициировать эту работу также не увенчались успехом. Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности, подготовленные странами ШОС и продвигаемые на уровне ООН, пока не приняты. Отдельные члены ООН препятствуют этим усилиям. Альтернативы в мире нет. Правоприменительной практики тоже. Видимо, именно поэтому авторы Таллинского руководства пытаются найти обоснование для применения уже существующих международных норм к киберпространству. Ведь надежд на выработку всеобщих правил немного, а угроза становится все реальной.

В КАЧЕСТВЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Атрибуция киберугроз — достаточно непростая задача, которая отличается от аналогичной в мире физическом тем, что, во-первых, мы не в состоянии идентифицировать нарушителя и установить его мотивацию только техническими методами. А во-вторых, спецоперации в киберпространстве часто реализуются сразу в нескольких юрисдикциях, а это требует взаимодействия и сотрудничества, не всегда возможного в текущей геополитической ситуации, когда отдельные государства не доверяют друг другу.

В таком небольшом материале достаточно сложно рассказать обо всех особенностях атрибуции киберугроз. Мы видим, что существуют объективные и субъективные сложности в правильном определении источника операций в киберпространстве. Мы понимаем, что в текущей геополитической ситуации очень часто тому или иному государству выгодно заявлять об атаках со стороны другого государства, даже не предъявляя серьезных доказательств. Мы понимаем, что существуют различные методы, позволяющие хотя бы определиться со страной, которая является источником киберугроз, но... К сожалению, пока у нас нет (исключая, быть может, оперативную разработку) методов, позволяющих провести четкую грань между атакой со стороны частного, негосударственного актора и нападением, за которым стоит держава, а значит, тема атрибуции киберугроз не закрыта и будет продолжена. 🕒

Примечания

- 1 Таллинское руководство — <https://ccdcoe.org/research.html>
- 2 Stuxnet — <https://en.wikipedia.org/wiki/Stuxnet>
- 3 FireEye — <https://www.fireeye.com/current-threats/threat-intelligence-reports.html>
- 4 Cylance — http://cylance.com/assets/Cleaver/Cylance_Operation_Cleaver_Report.pdf
- 5 Маска — <https://securelist.com/blog/research/58254/the-caretomask-apt-frequently-asked-questions/>
- 6 Group-IB — <http://www.group-ib.ru/index.php/7-novosti/1929-bolee-600-rossijskikh-internet-resursov-byli-atakovany-khakerami-terroristicheskoy-organizatsii-islamskoe-gosudarstvo-iraka-i-levanta>
- 7 Taia — http://taia.global/wp-content/uploads/2015/02/SPE-Russia-Connection_Final.pdf
- 8 Snake — http://info.baesystemsdetica.com/rs/baesystems/images/snake_whitepaper.pdf
- 9 Ababil — <http://tools.cisco.com/security/center/viewAlert.x?alertId=30207>
- 10 Moonlight Maze — https://www.academia.edu/6182336/MOONLIGHT_MAZE_The_beginning_of_a_new_era
- 11 Взлом Twitter Associated Press (стр. 23) — <http://www.usatoday.com/story/theoval/2013/04/23/obama-carney-associated-press-hack-white-house/2106757/>
- 12 Q-модель — <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01402390.2014.977382>
- 13 Атака на КНДР — <http://www.theguardian.com/world/2014/dec/22/south-korea-nuclear-power-cyber-attack-hack>

Юлия Свешникова

О ЗНАЧЕНИИ КУРДСКОГО ФАКТОРА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Говорить про курдский фактор как единую силу, однонаправленно воздействующую на политический ландшафт Ближнего Востока, было бы не совсем точно. Между курдскими группировками в четырех основных странах их расселения (Ираке, Иране, Турции, Сирии) по-прежнему существуют серьезные различия и фракционное деление, несмотря на, казалось бы, единую цель, или, в более романтических категориях, мечту о создании независимого Большого Курдистана. Поэтому рассматривать значение так называемого курдского фактора необходимо с учетом особенностей организации курдов в каждой конкретной стране, а также принимая в расчет последние события в регионе. В результате недавних изменений на Большом Ближнем Востоке у курдов появилась возможность вновь заявить о своих правах и усилить трансграничную координацию.

Готовность курдов бороться за самоопределение объясняется тем фактом, что сама возможность существования курдской нации с собственной идентичностью долгое время отрицалась правительствами государств, на территории которых они проживали¹. Недавние коррективы в *курдский вопрос* внесли гражданская война в Сирии и усиление радикальных исламистов на сирийско-иракской территории, где курды оказались на первой линии обороны. В новых условиях дискуссия о создании независимого Курдистана получила новый поворот.

В данной статье мы рассмотрим, насколько курды четырех стран их преимущественного расселения (Ирана, Ирака, Сирии и Турции) готовы к созданию независимого государства и в каких отношениях они находятся друг с другом в свете изменившейся обстановки на Ближнем Востоке.

ИРАКСКИЕ КУРДЫ: ИГ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КИРКУКА

После относительного затишья 4,5-миллионное население иракского Курдистана (20% населения страны) столкнулось с новой угрозой безопасности: оккупацией части территории страны террористической организацией *Исламское государство* (ИГ). Курдским отрядам *пешмерга* удалось отстоять стратегически важный город Киркук, бывший предметом многолетних притязаний Курдского регионального правительства (КРП, или KRG). Несмотря на утверждение курдских лиде-

А
Н
А
Л
И
З

ров о том, что включение Киркука в состав Курдистана — вопрос исключительно национальной идентичности², регион равно интересен и для курдов, и для правительства в Багдаде своими значительными нефтяными ресурсами. Центральное правительство Ирака и руководство соседних стран опасаются, что установление полного контроля над Киркуком станет тем последним шагом, после которого курды потребуют независимости иракского Курдистана. Поэтому даже несмотря на конституционно закрепленную процедуру определения статуса Киркука, референдум о его будущем так и не был санкционирован властями. С появлением угрозы ИГИЛ решение вопроса о статусе Киркука было отложено во имя объединения усилий курдов с центральным правительством, но сам город оказался под фактическим управлением курдов.

По совместным оценкам США и Ирака, 350 тыс. курдов, насильно переселенных или вынужденных бежать во время политики арабизации баасистского режима, вернулись в Киркук, где они довольно быстро заняли город и приступили к построению государственных институтов и развитию инфраструктуры³. При этом глава КРП Масуд Барзани заверил, что даже территориальный контроль над Киркуком не означает исключительного права курдов на его нефтяные ресурсы⁴. Тем временем большинство мест в законодательном собрании и основные должности в правительстве Киркука (включая министерство безопасности) заняли курды, КРП же платит зарплату киркукским госслужащим. Все партии в иракском Курдистане имеют единое мнение о стратегическом значении Киркука.

Киркук стал частью урегулирования давнего спора Эрбиля с Багдадом по поводу добычи и продажи нефти и полагающейся за это доли Курдистана в федеральном бюджете. Из 550 тыс. баррелей нефти, добываемых из месторождений, находящихся под курдским контролем, 300 тыс. приходится на окрестности Киркука. За транспортировку нефти по трубопроводу в Турцию и ее последующую передачу государственной компании *SOMO* для продажи Эрбиль, согласно договору от 2 декабря 2014 г., должен получать 17% федерального бюджета ежегодно и некоторые другие выплаты на содержание административного аппарата и вооруженных сил.

Договоренность, впрочем, не соблюдается, только за июнь 2015 г. курды самостоятельно продали 9 млн баррелей нефти за границу, и только 5 млн было передано фирме *SOMO* в турецком порту Джейхан. Такую политику Эрбиль мотивировал непоступлением обещанных средств из бюджета⁵.

В обоснование независимой политики Эрбиль также ссылался на задержки с поставками оружия от правительства в Багдаде⁶. И хотя правительства стран коалиции, сформированной для борьбы с ИГ, на законодательном уровне не санкционировали поставки вооружений и необходимых товаров непосредственно силами *пешмерга*, курды получили мощную дипломатическую поддержку и фактическую помощь, в том числе по подготовке военного персонала, от таких стран, как Голландия, Великобритания и США. Кроме того, им сошло с рук самоуправство в нефтяных делах.

Иракские курды планируют удерживать контроль над нефтеносным Киркуком даже после поражения ИГ. Более того, по некоторой информации, региональное правительство попытается взять под контроль и другие территории⁷. КРП

уже располагает достаточным опытом управления и соответствующими административными структурами. В то же время расширение территории предполагает большую ответственность и новые проблемы, которые могут встать перед руководством Курдистана.

Притязания иракских курдов на Киркук и широкую автономию в целом признают и США, чья нефтяная компания *Exxon Mobil* прочно обосновалась в Курдистане. Поэтому, учитывая давние американские предложения по переделу постколониальных границ, вряд ли США уступят разработку месторождений Багдаду и работающей по соглашению с правительством *British Petroleum*. Скорее, они будут поддерживать либо национализацию нефти курдами, либо фактический контроль курдов над территорией.

Что касается соседей Ирака, они всегда старались предотвратить любой шаг, который мог бы привести к созданию независимого Курдистана. Например, в 2006 г. Турция направила в иракский Курдистан солдат, как бы преследуя отряды Рабочей партии Курдистана (РПК, или РКК), Иран нанес удары по курдским деревням на севере Ирака под аналогичным предлогом активизации сепаратистов. На самом же деле и Иран, и Турция были обеспокоены консолидацией правительства Курдистана. Теперь в качестве шага по направлению к независимости Курдистана рассматривается официальный контроль над Киркуком.

С распространением ИГ у Анкары появился предлог для большего вмешательства в дела северного Курдистана (где и ранее присутствовал турецкий контингент численностью 1500–2000 чел.⁸): не только из-за укрывающейся там РПК, которая участвует в боях против ИГ, но и из-за необходимости сдерживания наступления самого ИГ. В частности в июне 2014 г. ИГ захватило в заложники 80 турецких граждан — сотрудников генконсульства в Мосуле, членов их семей и других лиц⁹. Для освобождения сотрудников консульства в сентябре того же года Турция провела операцию непосредственно на территории Мосула¹⁰, энергоресурсы которого давно представляют для нее интерес. Дополнительным основанием для присутствия Турции в иракском Курдистане являются опасения Анкары о приближении террористов к турецкой границе.

В целом Эрбиль удовлетворен широкой независимостью в рамках автономии и при положительном для курдов решении о статусе Киркука с большой вероятностью не стал бы фанатично бороться за создание отдельного государства. Это, однако, не означает, что правительство Масуда Барзани и его последователей прекратило бы попытки оказывать влияние на устремления курдов в соседних государствах.

ТУРЦИЯ И РПК

Положение курдского населения, составляющего 12–15 млн турецких граждан (23% населения), во многом определяется отношениями Анкары с РПК. А поскольку из-за гонений со стороны турецкого правительства члены РПК вынуждены были обосноваться в соседних Сирии и Ираке, турецкая политика в отношении партии затрагивала и события в соседних странах. Так, Турция всегда противостояла этническому федерализму в Ираке, в том числе чтобы ограничить претензии соб-

ственных курдов на автономизацию своей территории. Однако с принятием конституции Ирака 2005 г. Анкаре пришлось смириться с официальным признанием курдского регионального правительства.

С началом беспорядков на Ближнем Востоке, в частности гражданской войны в Сирии, в Турции стали более спокойно оценивать перспективу отделения иракского Курдистана, а накануне региональных потрясений турецкое руководство стало интенсивно налаживать связи с иракскими курдами. В 2014 г. два танкера с несколькими миллионами баррелей нефти, добытой на контролируемых курдами территориях, были доставлены в турецкий порт Джейхан для последующей перепродажи. Премьер-министру Ирака Нури аль-Малики, опирающемуся на силу курдских отрядов *пешмерга* в борьбе с ИГ, пришлось молча принять факт курдского самоуправления. Самостоятельный экспорт нефти иракским Курдистаном продолжился, несмотря на сопротивление ослабленного правительства в Багдаде, и даже сделка 2 декабря 2014 г. не пресекла самостоятельную продажу нефти курдами.

Со временем Турция пошла и на переговоры с РПК, заметив, что партия из вооруженного движения превратилась в настоящую гражданскую организацию, использующую легальные средства, например, участие в парламентской борьбе и правозащитную деятельность. Основатель Курдской народно-демократической партии Селахаттин Демирташ был одним из трех кандидатов на пост президента в 2014 г.¹¹. Тот факт, что партия получила 13% голосов на парламентских выборах в 2015 г., означает, что турецкому правительству не удастся игнорировать интересы курдов.

В Анкаре также осознали, что иракский Курдистан — подходящее место для инвестиций, поэтому ввели послабления для собственных курдов, постоянно перемещающихся через границу с РПК, сыгравшей не последнюю роль в защите Киркука от бойцов ИГ. В 2008 г. Турция направила в Эрбиль делегацию во главе с министром иностранных дел Ахметом Давутоглу¹². В Анкаре появилась идея, что в случае налаживания отношений с КРП собственно турецкие курды не будут активно стремиться к независимости, а если на территорию будет обеспечен приток инвестиций, а в будущем появится возможность независимости Курдистана, они предпочтут мирно переселиться в новое государство, избавив Турцию от своих притязаний. При этом из-за турецкой политики в иракском Курдистане, проводимой без привлечения центрального правительства, в отношениях Анкары и Багдада создалось напряжение. Багдад обвинил Турцию в попытке способствовать отделению Курдистана и провокации других государств на вмешательство в дела Ирака. Однако внимание Ирака на данный момент больше занято вопросом устранения ИГ, в борьбе с которым курды играют важную роль.

Позитив, однако, закончился, когда Турция попыталась использовать угрозу ИГ для уменьшения влияния курдов, установивших контроль над городами на севере Сирии, в приграничных районах. Так, Анкара гневно отреагировала на освобождение сирийского города Тель-Абьяд силами Партии демократического союза (ПДС, или PYD) под предлогом якобы имевших там место этнических чисток, хотя в стратегическом смысле захват города позволил отрезать столицу ИГ Ракку от важного пути поставок¹³.

Во многом политика турецкого правительства в отношении собственных курдов неразрывно связана с событиями, в которые вовлечены курды в соседних государствах, в частности в Ираке и Сирии, поэтому решение *курдского вопроса* в Турции находится под непосредственным влиянием широкого регионального контекста. При этом многочисленные турецкие курды все же предпочли бы решить вопросы своего статуса дипломатическим путем, учитывая их укрепившиеся позиции в парламенте.

СИРИЙСКИЕ КУРДЫ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ С НАЧАЛОМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

За последние десятилетия численность курдского населения в Сирии выросла в 5 раз и составляет 1–1,5 млн человек (9% населения), причем из них часть по-прежнему считаются правительством иностранными гражданами, а часть ограничены в правах. Особенность сирийских курдов заключается в том, что они расселены практически по всей территории страны, включая Дамаск и Алеппо, кроме того, баасистский режим предпринял попытки отделить их от курдов соседних стран арабским буфером.

Слабость гражданского общества в Сирии обусловлена в том числе низким уровнем развития курдских регионов и сильными племенными связями среди населения. Представители курдских благотворительных и других общественных организаций всегда были связаны с политическими партиями потому что националистическое движение оставалось основным фактором развития социальных, культурных и других проектов, осуществление которых без политической поддержки представляло собой определенные риски¹⁴. В прошлом сирийские курды рассматривались как отсталая масса населения, не способная к коллективным политическим действиям. Поддержки других политических групп они практически не получали из-за узкой ориентации в связи с национальной идентичностью. Однако после восстания 2004 г. в городе Камышлы курды появились на политической арене как более влиятельная сила, чем было принято думать.

Сирия также издавна была прибежищем для турецких курдов. В обмен на лояльность правительства Сирии РПК последние годы обеспечивала спокойствие собственно сирийских курдов. В то же время именно благодаря усилиям РПК курдская идентичность в Сирии была возрождена на одном уровне с арабской¹⁵. У Сирии были свои причины поддерживать РПК и Оджалана, в частности чтобы использовать их в качестве средства давления на Турцию в вопросах использования Евфрата и турецкого сотрудничества с Израилем¹⁶.

РПК помогала правительству в сдерживании наркотрафика и контрабанды оружия на границе. Таким образом, курды получили доступ к оружию, почувствовали силу и изменение в своем статусе, что подстегнуло их, особенно молодое поколение, к изменению социального порядка. Молодежь продвигала идеи гендерного равенства, что отличало ее от традиционной курдской элиты, придерживающейся консервативных племенных и религиозных устоев¹⁷. С началом гражданской войны курды почувствовали возможность заявить о своих правах¹⁸, став активным ее

участником. В 2013 г. некоторые из них присоединились к сирийской оппозиции, в то время как большая часть продолжила бороться с исламистами.

До некоторой степени курды были готовы к сирийскому кризису. В 2003 г. они создали Партию демократического союза (ПДС, или PYD), ставшую легальной версией РПК в Сирии, как платформу для борьбы за власть. С началом войны ПДС удалось получить контроль над курдскими территориями. Уход сирийской армии из курдских регионов в 2012 г. стал причиной их бескровного перехода в руки Партии демократического союза, которая создала на этих территориях органы управления и блокпосты, а также в январе 2014 г. провозгласила три автономные администрации в г. Джизре, Кобани и Африн. ПДС, родственной турецкой РПК, успешно удавалось противостоять и сирийской ячейке Демократической партии Курдистана (ДПК), являющейся инструментом влияния Масуда Барзани в Сирии. Установив контроль над северными территориями, курды заявили, что будут защищать свои города как от оппозиции, так и от правительственных сил. Барзани и его ДПК желали бы разделить власть над подконтрольными курдам территориям в Сирии, но из-за сближения с турецким правительством они не могут пойти на консолидацию усилий с сирийским фронтом РПК — ПДС.

Кроме того, противостояние курдов фронту *ан-Нусра* и силам ИГ было столь эффективным, что они смогли привлечь на свою сторону и некоторых арабов. Часть сирийских курдов также отказалась от бегства в Турцию и предпочла остаться, чтобы противостоять наступлению ИГ и других радикальных групп. Тем самым курды по сути заявили о себе как о серьезной силе в Сирии. Им также, по сути, удалось установить контроль над нефтеносными районами в приграничных с Турцией районах.

Тем временем Реджеп Тайип Эрдоган выступил с критикой Сирии по поводу фактического перехода севера и северо-востока страны под контроль РПК, в то время как Барзани лоббировал контроль курдов над Камышлы и другими территориями севера и северо-востока страны. Анкара на текущий момент готова поддерживать автономию иракского Курдистана, но обретение независимости сирийскими курдами — другое дело, поскольку после этого с большей долей вероятности курды начнут претендовать на часть турецкой территории.

Особым вызовом для курдов региона стали атаки ИГ на город Кобани. В сентябре 2014 г. курды обратились за международной помощью, КРП направило в Сирию военных советников. Изначально Турция разрешила поставки оружия в приграничные сирийские области через свою территорию, однако позже турецкие власти перекрыли границу, запретив переход собственных курдов, равно как и передачу военной помощи, несмотря на то что в то же время члены коалиции наносили бомбовые удары коалиции по позициям ИГ. Напряженность Анкары по поводу усиления в приграничных районах сирийских курдов, принадлежащих к родственной РПК ПДС, позволила правительству заблокировать по сути единственный путь получения помощи, учитывая, что силы ИГ фактически отрезали все другие пути, проходящие через соседние территории.

В то же время формирование независимой курдской власти и активность курдов в Сирии будут иметь последствия и вне подконтрольных им территорий.

Во-первых, их влияние сужает пространство деятельности фундаменталистов и открывает новые возможности для сторонников светской власти. Во-вторых, активность турецкой РПК в Сирии усилит их позиции и в переговорах с Анкарой, где они будут требовать дальнейшей либерализации политики центрального правительства. РПК уже заявили, что в случае попытки Турции вторгнуться в Сирию они будут воевать против Анкары на стороне курдов и поднимут восстание в курдских районах Турции.

Если позиции сирийских курдов продолжат укрепляться (в том числе с помощью РПК), они могут составить конкуренцию курдам Ирака в вопросе лидерства в Большом Курдистане. Если в результате гражданской войны курдам Сирии удастся добиться автономии, КРП потеряет исключительный статус, а отношение к ней станет более критическим. Поэтому власти иракского Курдистана постараются принять участие в определении судьбы сирийских курдов. Так, в июле 2012 г. Партия демократического союза и Курдский национальный совет (КНС, или КНС) в столице иракского Курдистана Эрбиле подписали соглашение о создании для управления подконтрольными территориями Высшего курдского комитета, включающего на данный момент 15 партий¹⁹. Барзани тем самым продемонстрировал, что имеет некоторое влияние и на сирийских курдов. Позиции КРП в Сирии также укрепились с появлением необходимости всесторонней поддержки защитников Кобани.

Ясность в положении сирийских курдов наступит после окончания войны с ИГ. С большой вероятностью, они будут стремиться удержать завоеванные позиции и потребуют признания реализации своих гражданских прав, ведь именно они составили опору правительства Башара Асада в борьбе с ИГ. При этом внутрикурдские политические противоречия не будут способствовать стремлению собственно сирийских курдов к созданию независимого Курдистана, особенно если им удастся удержать отвоеванные во время борьбы с ИГ позиции.

ИРАН: НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В КУРДСКИХ РЕГИОНАХ

В Иране положение курдов имеет свои особенности: в отличие от арабов и турок курды этнически ближе к иранцам, а на формирование их самосознания оказала влияние антишахская революция 1979 г. В то время как революция выдвинула на первый план исламистов, в иранском Курдистане функционировали левые и демократические партии. Через полгода после революции это противоречие вылилось в гражданскую войну с религиозным оттенком, идущую параллельно с войной ирано-иракской. Курды не приняли участия в референдуме 11 февраля 1979 г. о государственном устройстве Ирана, как и в реализации последующей политики Хомейни. Социальное расслоение и сильное левое движение также ослабили курдское национальное движение в Иране. К концу президентства Хатами (к 2004 г.), который не смог противостоять позиции традиционалистов по курдскому вопросу, участие курдов в государственном управлении было серьезно ограничено. Курдов и суннитов вообще (а большинство курдов исповедуют ислам суннитского толка) не назначают на руководящие посты, даже такие, как должность губернатора провинции Курдистан. Некоторые политически актив-

ные курды в Иране отчаялись добиться результатов и мигрировали в Ирак чтобы объединиться с местными соплеменниками.

При этом, несмотря на жесткую политику в отношении собственных курдов, Иран оказывал поддержку Барзани и Талабани и после революции 1979 г. как союзникам в противостоянии Саддаму Хуссейну, в связи с чем трагедия с применением химоружия 16–17 марта 1988 г. в Халабдже затронула не только иракцев, но и иранцев. Шахский режим тоже поддерживал Барзани для оказания давления на Ирак по поводу спора в отношении р. Шат эль-Араб и иранской провинции Хузестан. Иран принимал на своей территории курдских беженцев после неудачных восстаний в Ираке в 1975 и 1991 гг. Иран же, выступающий против независимого Курдистана, первым пришел на помощь иракским курдам в противостоянии с ИГ, предоставив оружие и отправив военных советников, а также разместил ограниченное число сил специального назначения в иракской провинции Дияла, исходя прежде всего из соображений своей безопасности и региона в целом.

Очевидно, что и иракские курды всегда старались поддерживать с Ираном политические и экономические отношения. Годовой объем торговли между Ираном и иракским Курдистаном за 2013 г. составил более 4 млрд долл.²⁰ и 6 млрд долл. за 2014 г.²¹. Стороны настроены на расширение связей, хотя Иран имеет конкурента в борьбе за этот рынок в лице Турции: половина иностранных компаний, зарегистрированных в иракском Курдистане — турецкие, а объем торговли между Анкарой и Эрбилем составляет 8 млрд долл., т. е. вдвое больше доли Тегерана, при этом акцент делается на больших инфраструктурных проектах²². Иран, со своей стороны, расширяет экономическое присутствие в иракском Курдистане, стремясь уравновесить влияние США.

В свою очередь, из Ирана в Ирак переместилась Партия за свободную жизнь Курдистана (ПСЖК, или РЈАК), аналогичная РПК, но ведущая борьбу против иранского правительства за автономию иранского Курдистана. Борьба Ирана с собственными курдами, в том числе в лице ПСЖК, и казни активистов несколько охлаждают оптимизм Эрбиля по поводу двустороннего сотрудничества и активизируют вооруженную борьбу курдских сил по обе стороны границы.

Хотя курдские политические партии официально запрещены, в Иране существуют различные по устремлениям группы курдов. Например, старейшая Демократическая партия иранского Курдистана (КДПИ, или КДРІ)²³ во главе с Мустафой Хеджри в период иранского ядерного кризиса выступала против военного вторжения США в Иран и внешних усилий по смене режима, в то время как вытесненная ПСЖК приветствовала военное вторжение США как средство смены режима в Иране.

Сторонники ПСЖК приняли активное участие в сопротивлении силам ИГ, присоединившись к курдам Ирака, что вызвало недовольство иранских властей²⁴. Очевидно, в Иране предпочитают сохранять статус-кво и не укреплять чувство солидарности курдов по разные стороны границы, особенно в текущей ситуации, когда курды играют очень важную роль в борьбе с ИГ.

Следует отметить, что, несмотря на призывы курдских партий отказаться от голосования, курды Ирана приняли активное участие в последних президентских выборах 2013 г. В надежде на перемены они оказали большую поддержку Хасану Рухани: за него проголосовало 70% населения иранского Курдистана²⁵. Иранские реформисты активно призывают к демократизации и признанию гражданских прав населения курдских территорий, что, по их мнению, поможет удержать регион в составе Ирана, погасить националистические настроения и радикализм салафитского толка. Даже при наличии скрытого и абстрактного представления о независимом Курдистане курды Ирана скорее настроены отстаивать свои права в рамках Исламской Республики, хотя перспективы этой борьбы пока не ясны. При жестком подавлении протестных настроений со стороны центрального правительства, отсутствии четкой организации и милитаризации, в отличие от значительно вооруженных курдов соседних стран иранские курды остаются наименее влиятельной силой среди курдских групп всех других стран.

ПЕРСПЕКТИВА СОЗДАНИЯ БОЛЬШОГО КУРДИСТАНА НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В результате событий так называемой *арабской весны*, роста фундаментализма и нестабильности на Ближнем Востоке курды почувствовали себя более самостоятельным *актором*. После массового убийства курдов группировками ИГ и *ан-Нусра* в Сирии (например, в мае 2012 г., августе 2013 г. и после активизации ИГ летом 2014 г.) курды из всех четырех стран сформировали независимую группу для расследования происшествия²⁶, потому что осознали, что на поддержку извне вряд ли стоит рассчитывать.

Самостоятельная мобилизация курдов в беспокойные для региона последние годы создала новую динамику и обнаружила новых *акторов* в самом курдском движении — молодежь и женщин. Эта особенность отличает курдов от населения стран региона, в частности арабов: у курдов женщины играют серьезную роль и в ополчении, и на более высоких постах в составе оппозиции, сражаясь плечом к плечу с мужчинами. Это касается не только сирийских курдов, активизировавшихся в связи с гражданской войной: в РПК всегда было много женщин, несмотря на то что они вышли из традиционного суннитского общества. Попыткам организации религиозно ориентированного государственного устройства большинство курдов предпочитает светское государство со свободой совести.

Для курдов вопрос стоит не столько в отделении от существующих государств, сколько в укреплении солидарности различных групп в пределах имеющихся границ. В Сирии и Турции курды предпочли отстаивать свои права в рамках своих государств, требуя определенной независимости и признания. 13% голосов, которые народно-демократическая партия набрала на парламентских выборах 2015 г. в Турции, позволили надеяться, что курдский вопрос будет решаться дипломатическим путем через взаимодействие с АКР. Попытки же в срочном порядке определиться, что делать курдам: стремиться к независимости или интегрироваться в существующих государствах, — скорее усилят нестабильность на Ближнем Востоке, нежели послужат борьбе курдов за свои этнонациональные интересы.

До появления ИГ призывы к созданию независимого государства в результате, например, разделения Ирака на три части были слышны чаще, однако теперь больше появляется заявлений о том, что иракские курды в общем согласны на конфедерацию.

Иракское КРП осознает, что турецкая РПК, скорее всего, будет претендовать на роль лидера и не желает после относительно мирного периода существования иракской автономии и потрясений, связанных с противостоянием ИГ, бороться за лидерство в новом Курдистане. У лидеров иракского Курдистана на данный момент достаточно политической автономии, и, главное, их экономическое положение достаточно стабильно, чтобы не иметь стимулов вступать в новую борьбу с неясным исходом. Поэтому, несмотря на солидарность курдов по отдельным вопросам и эмоциональную реакцию на национальные символы и памятные даты, они до сих пор разделены на множество политических групп, причем самые сильные из них считают свои претензии на лидерство в курдском мире наиболее обоснованными, как например, РПК и КРП, в котором доминирует ДПК Барзани.

Еще один аргумент против создания независимого Курдистана — отсутствие харизматичного лидера. За годы курдского управления в Ираке деятельность КРП, осложненная межпартийной борьбой и приобретшая авторитарные черты, не стала идеальным примером курдского представительства. В 2012 г. в Сулеймании и других иракских городах прошли протесты против властей Курдистана. Задуманный Оджаланом Союз общин Курдистана, основанный на идеях демократического конфедерализма и включающий всего несколько партий, в том числе турецкую РПК, иранскую ПСЖК и сирийскую Партию демократического союза, не способен представлять всех курдов, учитывая, что его немногочисленные участники фактически являются ветвями одной и той же РПК.

Разделение Ирака на три части не только противоречит интересам правительства, но и привело бы к созданию довольно слабых государств. Более того, отношения между ними были бы заведомо непростыми в связи с тем, что большие запасы нефти перешли бы под контроль курдов, а на территории нового суннитского государства был бы возможен рост экстремистских группировок.

Ближневосточные страны также не заинтересованы в создании независимого Курдистана, не считая, возможно, Турции, которая согласилась бы на образование нового государства, если это не затронет ее собственную территорию и предоставит возможность переселения турецких курдов, особенно радикальной части РПК, но на практике это нереально. В целом, создание независимого курдского государства из территорий четырех ближневосточных стран на данный момент остается, скорее, утопией, особенно с учетом того, что к этому не готовы ни региональные, ни международные игроки.

Вообще, курдская карта неоднократно разыгрывалась региональными и нерегиональными *актерами* в разных вариациях, в зависимости от текущих условий. Идея Большого Курдистана от Киркука до Средиземного моря генерировалась и в США, как следствие пересмотра постколониальных границ²⁷. РПК в этом случае предлагалась роль лидера нового государства, образовав-

шегося в результате разделения Ирака на три части и присоединения курдских территорий соседних стран. Однако несмотря на существование планов по переделу постколониальных границ, США скорее всего поддержат статус-кво, поскольку отделение курдских территорий на данный момент чревато нестабильностью, которая только усугубит всеобъемлющий ближневосточный кризис.

Особую роль в курдском вопросе играет Израиль. Во-первых, курды нуждаются в поддержке для противостояния внешним угрозам и вполне могут принять помощь Израиля, в то время как большинство арабских стран не могут открыто поддерживать связи с Тель-Авивом из-за официальной позиции правительств и общественного мнения. Во-вторых, курды, как и израильтяне, не чувствуют общности с народами региона, учитывая, что большинство из них — арабы. Образование еще одного государства в результате борьбы за самоопределение, имеющего связи с Израилем, помогло бы Тель-Авиву снизить давление со стороны Ирана и Сирии, которые к тому же понесут территориальные потери в результате отделения курдов. В-третьих, согласно радикально экспансионистской точке зрения, Курдистан является частью территории Большого Израиля, поэтому его отделение — первый шаг для реализации более широкого плана²⁸. При этом поддержка идеи независимого Курдистана для Израиля чревата двумя основными проблемами. Во-первых, возникновением напряженности в отношениях с Турцией, которая препятствует созданию Большого Курдистана, предполагающего присоединение к независимому государству части турецкой территории. Во-вторых, в случае отделения только Курдистана от остальной части Ирака, последний вместо союзника скорее станет серьезным противником, поскольку процентное соотношение шиитов и возможности Ирана влиять на его политику увеличатся. Не исключено, что Израиль обратит еще более пристальное внимание на курдский фактор в связи с возможным реформатированием Ближнего Востока после укрепления позиций Ирана.

Что касается России, несмотря на то что на ее территории проживает некоторое количество курдов, этот вопрос является достаточно отдаленным на фоне близлежащего украинского кризиса и центральноазиатских вызовов. В марте 2014 г. была начата добыча нефти на иракском месторождении *Западная Курна-2*, одном из крупнейших в мире, с участием российского *Лукойла* (доля в консорциуме — 75%)²⁹. Появление Большого Курдистана в качестве независимого игрока на рынке углеводородов, поставляющего нефть в Европу через Турцию, может снизить цену на углеводороды, что не отвечает интересам России. В то же время российская *Газпромнефть* имеет проекты по проведению разведочных работ как в иракской автономии на основании контракта с правительством Эрбиля, так и по разработке месторождений в качестве главы консорциума в районе г. Бадра по договору с центральным правительством³⁰. Наилучшая позиция для Москвы — поддерживать нейтральные отношения как с правительством в Багдаде, так и в Эрбиле, позволив региональным силам самостоятельно определить судьбу курдского вопроса. В отношении курдов в других государствах Россия должна формировать позицию исходя из своих долгосрочных интересов, но не вмешиваясь в национальный суверенитет этих государств. Однако позицию эту придется скорректировать, если формирование Большого

Курдистана начнется при поддержке США в целях установления контроля над нефтяными ресурсами региона, в разработке которых Россия имеет собственный интерес. На этом направлении уместна заблаговременная поддержка Россией иранских проектов в Курдистане, так как для Тегерана эта деятельность является в том числе попыткой поддержать баланс сил в регионе и ограничить влияние США.

Таким образом, притязания курдов во многом будет зависеть от исхода событий в Ираке и Сирии. Иран обеспокоен тем, что на исходе войны США, несмотря на принятие всеобъемлющего соглашения о ядерной программе, могут попытаться консолидировать антииранскую оппозицию с привлечением усиливших свои позиции курдов. Перед новым премьер-министром Ирака Хайдером Абади стоит сложная задача, поскольку часть территории распадающейся страны находится под контролем ИГ, а курды с их сепаратистскими настроениями распространили свое влияние за пределы Курдистана. В этой ситуации Абади потребуется включить в свой план национального диалога все возможные категории населения, особенно суннитские силы.

Проблемы могут возникнуть с децентрализацией районов, подконтрольных теперь курдам, и противостоянием этнических групп после поражения сил ИГ, например, курдов и арабских шиитских группировок на фоне неспособности центрального правительства восстановить контроль. Курды более лояльно проявили себя в сотрудничестве с шиитскими формированиями в районах, где их интересы не затрагивались непосредственно, например, в провинции Дияла. В ситуации же с Киркуком правительство автономии напрямую заявило об ограничении доступа шиитских отрядов в город.

Еще один вопрос заключается в том, что случится с оружием, которое сейчас интенсивно поставляется курдам для борьбы с ИГ. Не усилит ли опыт совместного противостояния террористам и защиты территорий традиционного расселения курдов чувства их национальной солидарности и решимости обратиться приобретенный опыт и оружие на борьбу за абсолютную независимость? Аналитические центры, например, *International Crisis Group* выразили беспокойство ростом финансовых возможностей иракских курдов, который может спровоцировать укрепление их вооруженных сил и привести к последующему отделению³¹. Вероятность этого по-прежнему не очень высока. Возможно, в переходный период по окончании войны эйфория от завоевания новых территорий и эмоции по поводу понесенных потерь дадут толчок распространению подобных идей, и этого следует опасаться, но по завершении постконфликтной стадии на первый план вновь выйдут межпартийные разногласия и поиск экономических и политических выгод. Здесь же надо учитывать возможную реакцию стран региона на отделение курдов. Если Ирак может пойти на такой отчаянный шаг во избежание новой кровопролитной войны, а Сирия — в попытке добиться послевоенного урегулирования и создать буфер с Турцией, то Иран определенно не согласится принять независимость собственных курдов и отчуждение части своей территории. Скорее всего курды потребуют большей автономии внутри уже существующих государств и признания своих гражданских прав и национальной идентичности. Речь идет в частности о курдах Турции и Сирии³², которые уже с началом войны заявили о своих правах на контролируемые территории. Такое развитие событий

либо побудит правительства четырех стран с курдским населением более внимательно прислушиваться к интересам своего курдского населения, либо заставит их вновь столкнуться с сепаратизмом удвоенной силы. Первый вариант в данной ситуации наиболее вероятен. 🐘

Примечания

- 1 Tejel J. Syria's Kurds. NY: Routledge, 2009. P. 118
- 2 نقش کردها در خاورمیانه از دید فاینشнал تایمز. شنوباس. 19 ژوئن 2014 (Роль курдов на Ближнем Востоке с точки зрения Нью-Таймз. 2014. 19 янв.). URL: <http://shnobas.ir/index.aspx?siteid=14&pageid=411&newsview=156483>.
- 3 Yildiz K. The Kurds in Iraq. L: Pluto Press, 2007. P. 210.
- 4 Ibid. P. 209.
- 5 Kurdpress. 2015. 30 June. URL: [http://www.kurdpress.com/Fa/NSite/FullStory/News/?Id=87001#Title='A2%CC4%20\(%CC%0C3'\(BG%205/H1%20E3*BD%20FA*%20.E%20'2%203H%CC%20%A9O1/G](http://www.kurdpress.com/Fa/NSite/FullStory/News/?Id=87001#Title='A2%CC4%20(%CC%0C3'(BG%205/H1%20E3*BD%20FA*%20.E%20'2%203H%CC%20%A9O1/G)
- 6 معادلات قومی — طایفه ای در عراق پس از حضور داعش. اطلاعات. 31 می 2015 (Этническое уравнение: междоусобные трения в Ираке с появлением ИГИЛ). URL: <http://www.ettelaat.com/etiran/?p=123833>.
- 7 نقش کردها در خاورمیانه از دید فاینشнал تایمز. شنوباس. 19 ژوئن 2014 (Роль курдов на Ближнем Востоке...) URL: <http://shnobas.ir/index.aspx?siteid=14&pageid=411&newsview=156483>.
- 8 Bhalla R. The Intrigue Lying Behind Iraq's Jihadist Uprising // Stratfor. 2014. 17 June. URL: http://www.stratfor.com/weekly/intrigue-lying-behind-iraqs-jihadist-uprising?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20140617&utm_term=Gweekly&utm_content=readmore#axzz3DAr140bk.
- 9 РИА Новости. 2014. 11 июня. URL: <http://ria.ru/world/20140611/1011691146.html>.
- 10 Интерфакс. 2014. 20 сент. URL: <http://www.interfax.ru/world/397751>.
- 11 РИА Новости. 2014. 10 авг. URL: <http://ria.ru/world/20140810/1019507717.html>.
- 12 محمدی، مظفر. مساله کرد در خاورمیانه بزرگ. پیشوند. 1 فوریه 2013 (Мохаммади, М. Курдский вопрос на Большом Ближнем Востоке. 2013. 1 февр.) URL: <http://pishvand.com/index.php/2014-08-28-21-21-15/794-2013-02-01-20-08-07>.
- 13 Rudaw. 2015. 22 June. URL: <http://rudaw.net/english/middleeast/22062015>.
- 14 Tejel J. Syria's Kurds. P. 110.
- 15 The Kurds: nation building in a fragmented homeland / Ofra Bengio (ed.). Austin: University of Texas Press, 2014. P. 221.
- 16 آینده خاورمیانه و نقش کردها در تحولات منطقه. شفقنا. 7 ژانویه 2013 (Будущее Ближнего Востока и роль курдов в развитии региональных событий. 2013. 7 июля) URL: <http://www.shafaqna.com/persian/dialogue/item/32188>
آینده-خاورمیانه-در-گفت-و-گویی-شفقنا-با-دکتر-اسعد-اردلان؛-هر-هیران-خاورمیانه-به-جای-تدبیر،-بحران-را-امدیوریت-می-کنند
- 17 The Kurds: nation building in a fragmented homeland. P. 222.
- 18 آینده خاورمیانه و نقش کردها در تحولات منطقه. شفقنا. 7 ژانویه 2013 (Будущее Ближнего Востока...) URL: <http://www.shafaqna.com/persian/dialogue/item/32188>
آینده-خاورمیانه-در-گفت-و-گویی-شفقنا-با-دکتر-اسعد-اردلان؛-هر-هیران-خاورمیانه-به-جای-تدبیر،-بحران-را-امدیوریت-می-کنند
- 19 Ates H. Esad'in 'Kürt karti' Barzani'ye geçti. Sabah. 2012. 13 July. URL: <http://www.sabah.com.tr/Gundem/2012/07/13/esadin-kurt-karti-barzaniye-gecti>
- 20 Rudaw. 2014. 5 June. URL: <http://rudaw.net/english/business/06052014>.
- 21 Kurdpress. 2015. 26 Febr. URL: [http://www.kurdpress.com/En/NSite/FullStory/News/?Id=9713#Title=%0A%09%09%09%09%09%09%09%09Iran-Iraqi Kurdistan region annual trade hits \\$6bn: official%0A%09%09%09%09%09%09](http://www.kurdpress.com/En/NSite/FullStory/News/?Id=9713#Title=%0A%09%09%09%09%09%09%09%09Iran-Iraqi Kurdistan region annual trade hits $6bn: official%0A%09%09%09%09%09%09).
- 22 The Guardian. 2013. 22 Nov. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/nov/21/iran-influence-iraqi-kurdistan>.

- 23 Именно силами демократической партии при поддержке СССР в 1946 г. была создана независимая курдская (Махабадская) республика, просуществовавшая всего 11 месяцев. Убийство лидеров этой же партии в греческом ресторане «Микены» в Германии в 1992 г., предположительно по заказу иранского министра разведки с согласия духовного лидера Али Хаменеи и президента Али-Акбара Хашеми-Рафсанджани, стало причиной напряженности в ирано-германских отношениях.
- 24 Курдистан.ру. 2015. 4 июня. URL: http://kurdistan.ru/2015/06/04/news-24208_Tegeran_ugrozhaet_ir.html.
- 25 سپیدی، همن. کردستان، قلب تحولات دمکراتیک خاورمیانه. بی بی سی. 1 سپتامبر 2013 (Сайеди Х. Курдистан: сердце демократических преобразования на Ближнем Востоке). URL: http://www.bbc.co.uk/persian/blogs/2013/08/130831_I44_nazeran_kurdistan_middle_east.shtml.
- 26 سپیدی، همن. کردستان، قلب تحولات دمکراتیک خاورمیانه. بی بی سی. 1 سپتامبر 2013 (Сайеди Х. Курдистан: сердце...). URL: http://www.bbc.co.uk/persian/blogs/2013/08/130831_I44_nazeran_kurdistan_middle_east.shtml
- 27 Peters' "Blood Borders" Map. 2013. 2 Oct. URL: <http://www.armedforcesjournal.com/peters-blood-borders-map>.
- 28 آمریکا از کردستان چه می خواهد؟. صراط. 5 آوریل 2012 (Чего Америка хочет от Курдистана? 2012. 5 апреля). URL: <http://www.seratnews.ir/fa/news/57460/آمریکا-از-کردستان-چه-می-خواهد>
- 29 Лукойл. URL: <http://lukoil-overseas.ru/projects/irak>.
- 30 Газпром. 2014. 1 авг. URL: <http://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/1102599>.
- 31 Arming Iraq's Kurds: Fighting IS, Inviting Conflict. Middle East Report № 158. 2015. 12 May. International Crisis Group. URL: <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/Middle%20East%20North%20Africa/Iraq%20Syria%20Lebanon/Iraq%20158-arming-iraq-s-kurds-fighting-is-inviting-conflict.pdf>.
- 32 В Сирии уже действует Национальный совет, готовый осуществлять управление и выступать единым фронтом против попыток вернуть курдов в довоенное положение.

Участие в группе БРИКС занимает важное место во внешней политике России. Начиная с екатеринбургского саммита 2009 г. лидеры стран группы взяли курс на создание новой глобальной повестки дня. Развитие БРИКС с 2001 г. свидетельствует об устойчивой и долгосрочной тенденции становления многополярного мира. Целью появления и развития БРИКС является необходимость предложить мировому сообществу альтернативы давно сложившимся западным подходам, институтам мировой политики и экономики. И, как показывает практика, БРИКС уверенно движется в этом направлении. Амбициозное объединение не могло не привлечь внимание исследователей международных отношений, поэтому в преддверии саммита Центр глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ совместно с Национальным комитетом по исследованию БРИКС провели конференцию Глобальная безопасность в повестке БРИКС–2015: на пути от Форталезы к Уфе. Рассказать о проблемах международной безопасности и глобального управления интернетом любезно согласились председатель Совета ПИР-Центра Евгений **Бужинский**, консультант ПИР-Центра Олег **Демидов**, посол по особым поручениям, координатор в МИД РФ по вопросам «Группы двадцати» и группы стран БРИКС, су-шерпа России в БРИКС Вадим **Луков**, советник ПИР-Центра Владимир **Орлов**, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ Виктория **Панова**, эксперт по вопросам информационной безопасности и управления интернетом департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ Александр **Радовицкий**, член Совета директоров группы компаний INOVENTICA Виталий **Слизень**, исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС Георгий **Толорая**.

ГЛОБАЛЬНАЯ РОЛЬ БРИКС

ОРЛОВ: Мы вступаем в новую фазу развития БРИКС — завершился первый цикл саммитов. Даже в том виде, в котором БРИКС существует сегодня, он уже играет важную роль — не противопоставляя себя никому, мягко и последовательно мы меняем акценты в обсуждении глобальной повестки. БРИКС является реальным и успешным воплощением идеи сетевой дипломатии. Мы сумели поменять угол зрения, показать и доказать себе и миру, что возможен альтернативный, но конструктивный и открытый поиск решений ключевых проблем, возможен путь, альтернативный столкновению цивилизаций.

Сегодня Россия находится под огромным давлением, в том числе и в информационном поле. Мы не можем не извлечь уроки из сложившейся ситуации. Важно сохранить трезвое мышление, взвешенный подход, определить те мировые тренды, воспользовавшись которыми мы сможем сохранить условия для устойчивого и мирного развития. В последнее время скептики говорят о БРИКС как о *дугой* конструкции, которая неминуемо распадется под тяжестью кризисных явлений в экономике.

Полагаю, что мы должны быть готовы и к этому, но мы должны сохранить наше глубокое видение на десятилетия. Сошлюсь на автора акронима БРИК Джима О'Нила. В серии своих недавних публикаций он последовательно доказывает, что рано впадать в пессимизм: «Экономический рост стран БРИКС замедляется, зато их экономическое влияние растет. Вклад БРИКС в рост мировой экономики (в долларовом эквиваленте) в ближайшие 10 лет будет втрое больше, чем у США». В качестве ключевых локомотивов выделяются Китай и Индия. Россия и Бразилия сталкиваются с проблемами, требующими серьезных реформ. Однако согласимся, партнерство с экономиками, имеющими даже в силу своего масштаба все перспективы для продолжения роста, дает дополнительные ресурсы для экономической трансформации.

Становится все более привычным сверять позиции по ключевым международным проблемам. Мир становится более предсказуем, сужается пространство для непрозрачной дипломатии, мы лучше понимаем, что необходимо для устойчивого и безопасного развития.

Вместе с тем полагаю, что важно увидеть еще одну сторону взаимодействия в рамках БРИКС, прежде всего в сфере глобальной безопасности. По опыту своей работы в области ядерной безопасности и нераспространения могу сказать, что благодаря реализации конкретных двусторонних российско-американских или многосторонних проектов в рамках *восьмерки* удалось реально снизить уровень ядерной угрозы в мире. А теперь давайте только представим, какой может быть эффект от развития многосторонних проектов в рамках БРИКС, между пятью крупнейшими странами, а по сути, цивилизациями, если мы перейдем от слов к конкретным делам.

От саммита к саммиту растет объем итоговых деклараций. Одной из главных задач нового цикла саммитов, новой пятилетки БРИКС, которую мы начинаем в Уфе, станет переход к следующему шагу — осуществлению конкретных проектов, которые будут служить усилению кооперации между конкретными предприятиями, институтами, профессиональными сообществами.

Мы приступаем к наполнению созданного каркаса. Большие возможности открываются для сотрудничества в сфере глобальной безопасности — как в решении конкретных проблем мира и безопасности, так и в развитии отраслей, способствующих преодолению новых угроз.

ЛУКОВ: Первое, что стоит выделить при обсуждении поднятой темы, это основа стратегического единства стран БРИКС. Без выяснения этого вопроса мы не сможем определить, какой вклад государства БРИКС в состоянии внести в международную безопасность и стратегическую стабильность. Западные критики БРИКС подчеркивают, что разногласий между нами гораздо больше, чем общего.

Глубинной основой сближения стран БРИКС служат стратегические интересы. Первый из них — это общая заинтересованность в глубокой реформе финансово-экономической системы мира. Особо подчеркнут: только страны БРИКС в состоянии

стать локомотивом этой реформы. Ни у кого из других участников международной валютно-финансовой системы нет ни должного веса, ни достаточной мотивации, чтобы эту реформу организовать. Конечно, они могут стать нашими заинтересованными союзниками, но возглавить движение могут только страны БРИКС. Между тем реформа валютно-финансовой системы может стать и должна стать основой международной стратегической стабильности во всех смыслах, не только в экономическом.

Второй стратегический интерес, который нас объединяет, — это твердая приверженность международному праву и центральной роли ООН в международной системе. Не будет центральной роли ООН в этой системе — рассыпется миропорядок в том виде, как мы его знаем. Вашингтон поступил по праву сильного. Страны БРИКС — крупнейшая преграда на этом пути. Вспомним, исключительно благодаря солидарной позиции БРИКС до сих пор не реализован ливийский сценарий.

Третий интерес, который нас объединяет: мы все заинтересованы в использовании взаимодополняющего характера наших экономик для ускорения решения социально-экономических проблем, с которыми мы сталкиваемся. Представьте себе рынок в 3 млрд потребителей, который уже сейчас способен генерировать 29% мирового ВВП, экономики, которые занимают 17% мировой торговли, и вы поймете потенциал этого рынка. К этому нужно добавить ресурсную базу: от 30 до 60% минералов и сырья по разным категориям приходится на страны БРИКС.

Четвертый стратегический интерес, который нас объединяет, — это общая заинтересованность в использовании опыта друг друга, практического сотрудничества для ускорения решения социально-экономических проблем. Перед нами стоит задача модернизировать экономику, и этот вызов нас тоже объединяет. Все эти интересы покрывает один интерес, сверхинтерес, суперинтерес, а именно — твердая решимость вести независимую политику в этом мире. Как недавно сказал Президент России Владимир Путин, вести независимую политику — это роскошь, которая позволена только сильным странам. Государства БРИКС входят в эту лигу, высшую лигу мировой политики.

ТОЛОРЯЯ: Сегодня уже не нужно никого убеждать в том, что БРИКС — это не просто аббревиатура, не просто экономический союз, это нечто большее. Если поначалу находились критики, которые говорили, что БРИКС исчерпал себя, что это концепция с истекшим сроком давности, сегодня все понимают, что БРИКС — это новый, долгосрочный феномен международной жизни. Это союз реформаторов. БРИКС — это проект, созданный благодаря инициативе политических элит крупнейших политических и экономических держав, и именно в этом его значение. Сейчас в рамках БРИКС имеется уже более 20 форматов, но это количественное наращивание говорит о внутреннем укреплении, а нам надо определить роль самого объединения в миропорядке и поддержании глобальной безопасности. В настоящее время ситуация в мире резко обострилась, конфронтация России и Запада может дать начало новой эпохе международных отношений, которая пришла на смену той, что была в 1991 г. В связи с этим риски вырастают.

Какова здесь роль БРИКС? Может ли этот формат предложить новую концепцию поддержания международной безопасности, основанную, безусловно, на принципах международного права и принципах ООН, принципах, которые так часто сейчас нарушаются? Сможем ли мы предложить новую модель мироустройства? На все

эти вопросы пока нет однозначного ответа. В концепции председательства России в БРИКС говорится о перспективной цели его трансформации из саммита в полноформатный механизм стратегического взаимодействия по ключевым вопросам политики и экономики. И политика здесь стоит на первом месте. Это объяснимо. Когда страны БРИКС попытались выработать общую платформу, защитить общие для них интересы — международные, финансовые, экономические, — довольно скоро выяснилось, что все благие обещания упираются в незабываемый со времен холодной войны миропорядок. Так тормозится реформа МВФ и другие реформы в интересах БРИКС. По силам ли БРИКС такая задача? Сейчас нельзя не сказать, о том, что внутри БРИКС есть свои противоречия, об этом нам не дают забыть и наши западные критики. Безусловно, и между отдельными странами есть давние претензии, и экономически страны связаны слишком слабо, да и в гуманитарном плане мы знаем друг о друге гораздо меньше, чем о Голливуде. Нам это нужно преодолеть. Мне кажется, что саммит в Уфе должен способствовать консолидации.

ПАНОВА: Я думаю, что все понимают, что Китай — экономически самая сильная страна в объединении, но мы видим, что КНР готова принимать и слышать мнение своих партнеров, и очень важно, что наши взаимоотношения основаны на взаимном уважении. В отношениях нет диктата ни по отношению друг к другу, ни по отношению к странам вне объединения. Далее, с точки зрения наших стратегических основ важна готовность учитывать объективные обстоятельства, исторические условия возникшего контекста, то, что страны БРИКС смотрят друг на друга с такой позиции, не давая оценок. Они считают, что единство в многообразии.

БРИКС претендует не на снос старого строя и создание каких-то революционных потрясений, а скорее на ведение диалога между партнерами, иногда оппонентами, для того чтобы силой убеждения, силой примера показать то, как важно менять эти правила и учитывать другие позиции. Мы достигли определенного уровня зрелости (но отнюдь не среднего возраста, как пытаются нам подсказать наши западные коллеги), пришло время расширять масштабы взаимодействия. Правительства могут сколько угодно общаться друг с другом, но необходимо развивать взаимодействие на всех уровнях нашего общества — и экспертном, и академическом, и в формате гражданского общества, и налаживать взаимодействие молодежи. У нас уже проходила молодежная конференция БРИКС, которая вызвала живой интерес у коллег из всех остальных стран. Этот формат и дальше будет расширяться.

Стоит отметить работу в экспертных центрах, где прорабатываются все насущные вопросы нашего взаимодействия. Несмотря на то что изначально остальные страны БРИКС смотрели с опаской на обсуждение вопросов политической безопасности, сейчас опасения уходят в прошлое. Сегодня декларация БРИКС охватывает все вопросы глобального политического взаимодействия. Более того, это именно та сфера, в которой между странами БРИКС началась полноценная дискуссия. Ведь в экономике и финансах было больше сдержанности, мол, есть общая цель, давайте к ней идти, не обращая внимания на некоторые вещи.

Следующий момент. БРИКС стал действительно важным фактором международной жизни не только потому, что стоит очередь на присоединение, а потому что ряд государств заинтересован в более тесном сотрудничестве с *пятеркой*. Но важна и позиция государств, которые не претендуют на вступление: они увидели потенциал БРИКС, поняли, что его надо учитывать, и решили, если представится

момент, разрушить его изнутри. То, что страны БРИКС не испугались, а, наоборот, сплотили ряды, как раз говорит о том, что в объединении и наша сила, и возможность дальнейшего продвижения.

ПОТЕНЦИАЛ БРИКС В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЛУКОВ: Конкретная деятельность БРИКС по проблеме международной безопасности велась по следующим направлениям и в следующих форматах. Первое — это доверительный диалог по линии высоких представителей по вопросам национальной безопасности. Их встречи проходят только раз в год, но с серьезными последствиями. Прошу воспринять мои слова не как намеки на какой-то сговор наших государств в сфере международной безопасности, вовсе нет. Речь идет о координации действий, во-первых, по региональным проблемам, во-вторых, по вопросам стратегической безопасности, в-третьих, по вопросам противодействия международному терроризму, в-четвертых, по международной информационной безопасности. При высоких представителях действует рабочий орган — Группа по вопросам международной информационной безопасности.

Помимо этого направления работы существует еще один канал взаимодействия — диалог наших министров иностранных дел. Этот диалог проходит ежегодно на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре, а также по мере необходимости на полях других мероприятий. Выделю, в частности, состоявшуюся в марте этого года встречу наших министров в Гааге. Чем они занимались? Вспомним: в этот период некоторые западные партнеры стали напористо ставить вопрос о том, чтобы отлучить Россию от участия в очередном саммите Двдцатки. Именно страны БРИКС, собравшись на встречу министров иностранных дел в Гааге 17 марта этого года, подчеркнули в своем заявлении, что *Двдцатка* является общим достоянием, и никто не вправе единолично отлучать кого бы то ни было от участия в этом форуме. После этого все рассуждения на эту тему стали восприниматься как *мегафонная дипломатия*, не более того. Мы признательны странам БРИКС, нашим партнерам, за эту твердую поддержку Российской Федерации.

Что касается новых направлений сотрудничества в сфере международной безопасности, которые российская сторона намерена продвигать в период своего председательства. Первое — это тематика борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Мы намерены подчеркнуть и придать особое значение этой теме. Причем не на разовой, а на постоянной основе. Второе — это тематика управления интернетом. Корень большинства проблем кроется в сфере международной информационной безопасности. Скажу прямо: управление интернетом по большей части до сих пор осуществляется западными сетями на основе системы IPI. Мы не против IPI, мы против ее монополизации в руках Соединенных Штатов. Эта система должна быть действительно многосторонней, доступной для участия и принятия решений всем партнерам, которые играют на этом поле.

Поле действия БРИКС в сфере международной безопасности расширяется, и это внушает оптимизм. Теперь немного о том, что БРИКС ведет дело к созданию военно-политического союза — такой тезис продвигается в некоторых средствах массовой информации. БРИКС не имеет планов формирования военно-политической коалиции, тем более коалиции, направленной против кого бы то ни было. Сошлюсь на концепцию участия Российской Федерации в БРИКС, утвержденную Прези-

дентом России 9 февраля 2012 года. Там четко зафиксировано, что Российская Федерация не рассматривает БРИКС как военно-политическую коалицию или как объединение, которое заинтересовано в своей трансформации в такую коалицию. Но это не значит, что участники БРИКС не вправе занимать активную позицию по вопросам международной безопасности, в том числе соприкасающимся с темами стратегической стабильности, военной стабильности.

В заключение, коллеги, хочу подчеркнуть: сейчас экономическая ситуация в мире в целом и в ряде стран БРИКС непростая, однако это отнюдь не повод считать, что БРИКС теряет свои позиции. Напротив, мы подошли к российскому председательству с целым рядом весомых достижений, в первую очередь в финансово-экономической сфере. На подходе стратегия экономического партнерства стран БРИКС. В политической сфере — новое, зрелое, более конкретное партнерство. В сфере социально-экономической — переход к новому сотрудничеству в сфере здравоохранения, в сфере сельского хозяйства. Так что БРИКС — это организация, или структура, которая находится на подъеме. Лучшее доказательство этого — очередь желающих вступить в БРИКС. Не буду раскрывать деталей, это слишком деликатно, но ряд развивающихся стран и новых экономик высказали заинтересованность в присоединении к альянсу или к установлению стратегического партнерства с БРИКС.

БУЖИНСКИЙ: Я позволю себе перейти к рассмотрению взаимодействия стран БРИКС в области безопасности, а точнее, к сотрудничеству БРИКС в области недопущения вепонизации космоса. Сегодня можно говорить о практически единой позиции России, Китая и Бразилии по военному космосу и очень близкой к ним позиции Индии и ЮАР. При этом следует отметить, что страны БРИКС входят в число ведущих космических держав. В частности, в 2013 г. на долю России, Китая и Индии пришлось 65% всех космических запусков. При этом количество космических аппаратов на орбите стран группы превышает 150.

Суть российских озабоченностей предотвращением вепонизации космоса заключается в следующем: в международном космическом праве до сих пор сохраняется ниша относительно свободного космического пространства в целом и ближайшего окружения Земли в частности. Она, надо сказать, достаточно обширна и позволяет не только выводить и размещать в космосе другие, неядерные виды вооружений, но и применять, используя их силу, в космосе и из космоса.

Будучи заинтересованной в том, чтобы космос не превратился в арену военного противоборства, Россия совместно с Китайской Народной Республикой в феврале 2008 г. внесла на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве совместный проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применении силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Одним из ключевых в нем является положение о том, что государства-участники обязуются не выводить на околоземную орбиту любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве, а также воздерживаться от применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, не оказывать содействия и не побуждать другие государства, группы государств и международные организации к участию в деятельности, запрещенной договором. Важно отметить, что проект договора был внесен на рассмотрение Конференции

с так называемым исследовательским мандатом, предусматривающим изменение и корректировку содержащихся в нем положений. С 2008 г. велась очень кропотливая, интенсивная работа по координации позиций, в том числе и стран БРИКС, потому первоначальная реакция, в частности Бразилии и Индии была очень осторожной, так как эти страны имеют свои космические программы, в том числе военные, поэтому они опасались, что принятие такого договора свяжет им руки.

В результате этой работы в июне сего года на Конференции по разоружению был внесен обновленный проект документа, в котором были учтены замечания участников конференции, в том числе и стран — членов БРИКС, и уточнены некоторые положения, термины и формулировки. По мнению авторов документа, такой юридически обязывающий международный инструмент мог бы стать гарантией того, что космос не будет превращен в арену военного противостояния. Он создавал бы прочную основу для обеспечения безопасности космических средств и охраны собственности государств.

К настоящему времени с учетом внесения на рассмотрение участников конференции обновленного проекта договора отношение к российско-китайской инициативе меняется к лучшему. К сожалению, пока к ее однозначной поддержке не пришли такие страны БРИКС, как Индия и ЮАР. Но и они через принятие заявлений БРИКС по военному космосу, в частности по российской инициативе о неприменении первыми оружия в космосе, значительно приблизились к выработке единой позиции БРИКС. Сегодня все страны БРИКС согласны с тем, что космическое пространство должно оставаться свободным от любого вида оружия, а противоспутниковое оружие должно быть запрещено.

ПОТЕНЦИАЛ БРИКС В УПРАВЛЕНИИ ИНТЕРНЕТОМ

РАДОВИЦКИЙ: Взгляды стран БРИКС во многом созвучны основным постулатам российской позиции по международной информационной безопасности, которую мы уже немало лет продвигаем на международных площадках во всех ключевых международных организациях, в первую очередь в ООН.

Я бы хотел перечислить основные пункты Форталезской декларации стран БРИКС по информационной безопасности и управлению интернетом, которые удалось зафиксировать МИД РФ. Во-первых, БРИКС впервые признал важность и центральную роль Организации Объединенных Наций в этом вопросе, что, безусловно, крайне значимо, потому что тема информационной безопасности политизирована, а в международном сообществе существует серьезное противостояние, раскол на несколько лагерей.

Также в декларации нам наконец-то удалось на достаточно серьезном уровне начать осуждение фактов слежки, массового сбора и перехвата персональных данных граждан по всему миру, которые стали известны международному сообществу после разоблачений Эдварда Сноудена. Аналогичные попытки предпринимались ранее на различных площадках, была известная резолюция предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которую инициировали Бразилия и Германия, наиболее пострадавшие от деятельности Агентства национальной безопасности (АНБ). Тем не менее в итоге текст этой резолюции был выхолощен. Изначально он содержал риторику, осуждающую подобные действия в интернете, массовые

нарушения прав человека странами, ведущими поборниками *правочеловеческого подхода*, которые очень часто обвиняют всех вокруг, в том числе и страны БРИКС, в нарушениях прав человека.

Также по этой тематике в апреле 2014 г. в Бразилии прошла международная конференция. Правда, ее повестка была выхолощена, акценты переставлены. Причина всем известна и заключается в том, что в числе организаторов фигурирует ICANN. Россия и Китай осуждают факт монополии этой компании в управлении интернетом. Я бы даже добавил, что и другие наши коллеги по БРИКС, Индия, ЮАР и Бразилия, также не в восторге от монополии в интернете.

В Форталезской декларации мы наконец-то осудили факты массового нарушения прав человека. И, главное, в рамках сотрудничества в области информационной безопасности под эгидой советников по национальной безопасности БРИКС наконец-то была создана группа экспертов стран БРИКС по данной тематике. Это очень важно, это механизм нашего сотрудничества. Я могу привести пример: существует аналог такой группы, очень эффективный механизм создан в Шанхайской организации сотрудничества, на базе которого было выработано межправительственное соглашение ШОС, которое стало первым многосторонним соглашением о сотрудничестве в этой области. Нам удалось зафиксировать в декларации инициативу Российской Федерации о выработке соответствующего соглашения между странами БРИКС.

Мы надеемся, что под российским председательством БРИКС начнет обсуждать проект такого соглашения, и что в Уфе мы сможем уделить больше внимания сфере управления интернетом.

ДЕМИДОВ: Для начала важно напомнить историю образования БРИКС. Главной целью, вокруг которой формировались проекты БРИКС, была реформа глобальных институтов, причем не только финансовых. Ушедший 2014 г. во многом запомнился попытками начать реформу глобальной системы управления интернетом. Процесс начался несколько лет назад, а в 2014 г. стартовала его очередная фаза. Отсчет следует вести как минимум с 1998 г., когда была создана ICANN. Создание и развитие Корпорации интернета было частью процесса формирования у мультистейкхолдерного сообщества достаточной зрелости и ответственности, чтобы оно наконец могло полностью взять на себя ответственное управление функциями IANA. Так что процесс продолжается, в 2014 г. он вошел в активную стадию и по разным причинам вряд ли закончится 30 сентября 2015 г.

На мой взгляд, процесс передачи управления функциями IANA является частью более широкого и более фундаментального вопроса, связанного с управлением интернетом, именно этим обусловлена его непрекращающаяся политизация. Это вопрос о переопределении понятия суверенитета применительно к той технологической реальности, которая сложилась в силу развития глобального интернета. Государства и другие заинтересованные стороны оказались в ситуации, когда они вынуждены решать вопросы, связанные с наличием в интернете централизованной иерархической инфраструктуры, той самой системы уникальных идентификаторов интернета. Эти вопросы не могут быть решены государствами по отдельности или в рамках какого-то регионального блока. Эффективное сотрудничество с целью поддержания стабильности и устойчивости этой глобальной инфраструктуры требует от государств как от заинтересованных сторон модифицировать для

себя понятие суверенитета и выработать четкое понимание того, в какой степени они контролируют глобальную инфраструктуру Сети на своей территории.

Дискуссия вокруг этого вопроса будет продолжаться, и не только в привязке к процессу передачи функций IANA. Этот процесс во многом укладывается в понятие реформы глобальных институтов, поэтому здесь может возникнуть определенное пространство возможностей для участия стран БРИКС. Другое дело, что для этого странам БРИКС необходимо определиться со своей коллективной позицией по этому вопросу. Конечно, эта задача не ограничена временными рамками 30 сентября 2015 г., равно как и предстоящим саммитом БРИКС в Уфе и даже истечением сроков второго опциона по продлению контракта между NTIA и ICANN по поводу функций IANA, которое наступает 30 сентября 2019 г. Последняя дата в теории является окончательным дедлайном, к которому вопрос передачи функций IANA должен быть решен.

Несколько слов о NET Mundial и Всемирной конференции в Учжэне, Китай. Я рассматриваю растущую роль Китая в сфере управления интернетом в качестве естественного процесса; восточный гигант начинает занимать нишу, адекватную его вкладу в функционирование интернета, в развитие глобальной интернет-экономики, в формирование глобального интернет-сообщества. В том числе адекватную по параметрам численности национальной интернет-аудитории, объема интернет-экономики, по параметрам объема и сложности той технической инфраструктуры интернета, которая расположена на китайской территории. Китай только выходит на соразмерную нишу и соразмерный объем ответственности и обязанностей в глобальной дискуссии по управлению интернетом. Это позитивный, объективный процесс, но он в равной степени может быть актуален и для других стран БРИКС, в данный момент их интернет-аудитория уже превысила 1 млрд человек и продолжает очень быстро расти. Я бы предложил посмотреть на конференцию в Учжэне как на условную ролевую модель для стран БРИКС в целом; для стран форума может иметь реальный смысл создать некую платформу, которая позволяла бы им адекватно позиционировать себя в глобальной дискуссии по управлению интернетом.

Помимо участия в дискуссии об управлении интернетом как глобальной задаче, которая могла бы стать частью повестки дня БРИКС, странам форума необходима внутренняя повестка дня в этой нише, некое домашнее задание по наработке общего видения. Здесь есть масса возможностей, которые, может быть, удастся высветить в ходе саммита в Уфе в этом году и развивать дальше за его рамками. Во-первых, речь идет о развитии национальных сегментов интернет-экономики, например, инвестировании в инфраструктуру широкополосного доступа. Как уже отмечалось, у стран БРИКС огромная интернет-аудитория, которая очень быстро растет, у форума есть колоссальный внутренний рынок.

Однако проекты по обеспечению глобального беспроводного доступа для жителей развивающихся стран, включая Индию, с помощью систем низкоорбитальных спутников и аэростатов сейчас развивают частные компании, такие, как Facebook, Google и прочие. Почему бы странам БРИКС не создать фонд инвестирования в подобные проекты технологической инфраструктуры доступа нового поколения? Речь могла бы идти о крупном инфраструктурном проекте, который предполагал бы реальное вовлечение стран БРИКС, включая их правительства, бизнес и эксперт-

ные сообщества. Если БРИКС действительно хочет видеть управление интернетом и вопросы цифровой экономики стержневыми компонентами своей повестки дня, нужно идти дальше согласований общих позиций и дальше подписания общих документов, к постоянной совместной работе над конкретными, коммерчески перспективными технологическими проектами. Повторюсь, одним из вариантов может быть развитие инфраструктуры доступа для собственных внутренних рынков.

В контексте вопросов безопасности, в том числе применительно к интернету как к возможной части повестки дня БРИКС. Возможно, в ходе саммита в Уфе будет подписано какое-то соглашение о сотрудничестве в сфере информационной безопасности между странами форума. Хотелось бы видеть в этом соглашении положения о создании центра реагирования на киберинциденты стран БРИКС, потому что по многим вопросам в части управления интернетом, в части информационной безопасности, на уровне терминологии, концепций и подходов между странами БРИКС иногда есть серьезные, а иногда и драматические различия. Например, угроза крупных DDoS-атак общая для всех, и ситуация с ней достаточно острая, что в России, что в других странах БРИКС. Необходим общий проект, который бы сводил вместе технических специалистов и порождал стимулы к сотрудничеству со стороны частного сектора. Причем центр реагирования на киберинциденты (CERT) в идеале должен работать в формате 24/7.

Такие совместные виды деятельности создают реальные точки сопряжения и запускают процесс реального взаимодействия, формирования капитала доверия, системного вовлечения как правительств стран БРИКС, так и заинтересованных сторон в общую деятельность по защите от трансграничных угроз в интернете и киберпространстве. Пока, к сожалению, страны БРИКС по вопросам управления интернетом во многом все-таки остаются лебедем, раком и щукой из известной русской басни.

СЛИЗЕНЬ: У части специалистов существует мнение, фактически оформленное на сегодняшний день Советом министров стран БРИКС по ИТ и связи: целесообразно распределить работу, закрепить за каждой из стран БРИКС 3–5 прорывных, ключевых технологий, на развитии которых следует сосредоточить все усилия. 3–5, не больше, чтобы сконцентрировать инвестиции и получить максимальную отдачу. В то же время все остальные страны БРИКС должны открыть для этих технологий свои национальные рынки как минимум в режиме наибольшего благоприятствования, а как максимум, может быть, и путем создания преференций.

При этом существует мнение, что конкретно за Российской Федерацией можно закрепить лидирующую роль в области кибербезопасности, криптографических систем. Ну и, конечно, Россия продолжит развивать семейство технологий глобального позиционирования ГЛОНАСС. Это по специализации.

В части унификации, безусловно, целесообразно разрабатывать и внедрять системы инфраструктурных компонентов, обеспечивать функционирование и управление интернетом, а также автономное функционирование регионального сегмента глобальной сети как совокупности национальных интернет-сегментов стран БРИКС. Вот вторая активно обсуждаемая, может, в чем-то спорная инициатива, но и она найдет свое практическое применение. 🌿

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе, переговоры о котором ведутся между Тегераном и шестеркой международных посредников, должно ликвидировать угрозу создания Ираном ядерного оружия и вывести страну из международной изоляции. В то же время снятие с Тегерана санкций при сохранении его мирной ядерной программы будет означать усиление веса Ирана в регионе. Соседи Ирана будут вынуждены искать новые стратегии поведения в меняющейся системе региональных отношений.

На протяжении 2014 г. ПИР-Центр председательствовал в рабочей группе Сети стратегических исследований (Strategic Studies Network) по иранскому урегулированию. В ходе встреч в Бангкоке и Москве, а также онлайн дискуссий эксперты из 15 стран (России, Азербайджана, Бельгии, Египта, Индии, Ирана, Италии, Канады, КНР, Кувейта, Ливии, ОАЭ, Пакистана, США и Турции) разрабатывали меры поддержки усилий шестерки и Ирана по заключению всеобъемлющего соглашения и предлагали региональные решения для долгосрочного урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы и укрепления режима ядерного нераспространения на Ближнем Востоке. Итогом экспертной дискуссии стал доклад ПИР-Центра и Сети стратегических исследований «Иран в региональном и глобальном контексте», презентованный в марте 2015 г. Полный текст доклада доступен на сайте ПИР-Центра.

*Журнал Индекс Безопасности публикует часть дискуссии, посвященной региональным аспектам соглашения по иранской ядерной программе. В рамках круглого стола директор ПИР-Центра Альберт **Зульхарнеев** (Россия), ведущий научный сотрудник Департамента анализа внешней политики Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Гейдар **Мирза** (Азербайджан), профессор Школы международных отношений Йилдизского технологического университета Озден **Зейнеп Октав** (Турция), старший научный сотрудник Отдела исследований в области безопасности Центра политических и стратегических исследований Аль-Ахрам Иман **Ахмед Рагаб** (Египет) и заведующий ака-*

демическими программами Масдарского института науки и технологий Юсеф Шатилла (ОАЭ) обсудили вызовы для государств региона и вероятные стратегии их поведения.

ЧТО БЕСПОКОИТ ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА ВО ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕМ СОГЛАШЕНИИ С ИРАНОМ?

АХМЕД РАГАБ: Египетская реакция на промежуточное соглашение по иранской ядерной программе была скорее прагматической, чем идеологической. С одной стороны, Каир приветствовал подписание предварительного соглашения, поскольку оно соответствует руководящим принципам внешней политики Египта как по ядерному вопросу на Ближнем Востоке в целом, так и по ядерной программе Ирана. Египет поддерживает стремление Ирана развивать ядерные технологии в мирных целях при условии, что этот процесс идет в рамках ДНЯО. Он также выступает за мирное урегулирование кризиса в отношениях между Вашингтоном и Тегераном.

С другой стороны, стратегические последствия временного соглашения вызывают у Каира обеспокоенность. Достижение всеобъемлющего соглашения изменит региональную ситуацию на Ближнем Востоке в пользу Ирана, поскольку с его подписанием Иран перестанет быть *государством-изгоем* (как его в свое время охарактеризовал Джордж Буш-младший) и превратится в партнера — или даже друга — Соединенных Штатов. Я считаю, что такое развитие событий могло бы ослабить позиции Египта в регионе, особенно после окончания переходного периода. Чтобы сбалансировать ядерный потенциал Ирана, который уже признан в предварительной договоренности и будет, как ожидается, подтвержден во всеобъемлющем соглашении, Египет уже сейчас анализирует возможные варианты развития собственной ядерной программы. В частности был возобновлен проект по строительству первой египетской АЭС в районе поселка эль-Дабаа.

Кроме того, Египет обеспокоен возможными последствиями достижения соглашения с Ираном для своих союзников в Персидском заливе, особенно для Саудовской Аравии и ОАЭ, которые оказывают Каиру поддержку с июня 2013 г. Египетский министр иностранных дел Набиль Фахми 22 января 2014 г. заявил, что политика Египта в отношении Ирана во многом определяется интересами египетских союзников в Персидском заливе.

ЗЕЙНЕП ОКТАВ: На официальном уровне Турция никогда не высказывала особых опасений относительно возможных последствий иранской ядерной программы с точки зрения своей национальной безопасности. Анкара также продолжает призывать к универсализации международных норм в области нераспространения и к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Здесь ключевым моментом является то, что, с точки зрения Анкары, Турция не должна быть частью такой зоны, поскольку, по ее мнению, 70 американских ядерных боеголовок, развернутых в Турции, являются необходимым инструмен-

том сдерживания и отражением принятого в НАТО принципа, согласно которому каждый член Альянса вносит посильный вклад в коллективную оборону.

Турция — единственная мусульманская страна, на территории которой официально развернуто ядерное оружие, и единственная мусульманская страна, входящая в авторитетную организацию коллективной безопасности — НАТО. Иными словами, имея более прочные гарантии безопасности, чем любое арабское государство, Турция вполне может заявлять, что ядерный Иран не будет представлять для нее угрозы.

У Анкары также есть два дополнительных стимула не сжигать полностью мосты с Тегераном: ухудшение ситуации на границах в свете сирийского кризиса и создание де-факто автономного курдского региона на севере Сирии. Анкара полагает, что дальнейшие санкции лишь усилят изоляцию Ирана, и вполне довольна подписанным в Женеве промежуточным соглашением. Это, впрочем, не означает, что Турция не будет обеспокоена, если с подписанием всеобъемлющего соглашения будет фактически признано, что Иран стал *пороговым* государством. А именно это произойдет, если в окончательное соглашение войдут основные принципы женевских договоренностей (которые позволяют Тегерану обогащать уран до уровня 3,5%).

Иными словами, если международное сообщество фактически признает право Ирана на развитие полного ядерного топливного цикла, то Иран окажется в компании таких ответственных государств с развитой ядерной отраслью, как Германия, Япония, Нидерланды и Бразилия. Это значительно повысит международный престиж Тегерана; по мнению многих наблюдателей, в этом случае Иран в определенном смысле возьмет верх над Турцией, которая является членом НАТО и *Группы двадцати*, а также кандидатом на вступление в ЕС — ведь турецкая ядерная программа все еще находится на самых ранних этапах развития.

МИРЗА: Многие аналитики выражают оптимизм относительно перспектив, открывающихся в случае заключения всеобъемлющего соглашения, однако есть несколько факторов, которые делают всю *перезагрузку* отношений между США и Ираном очень хрупкой. Первым фактором является текущая геополитическая ситуация на Ближнем Востоке и гражданская война в Сирии. Существует множество вопросов, и один из них — вопрос времени. В случае неожиданных поворотов в ходе гражданской войны в Сирии, в которой Иран участвует через своих ставленников, весь процесс может быть пущен под откос. Есть и более общие соображения. Я внимательно изучил комментарии в российских СМИ по поводу подписанного в Женеве временного соглашения и определенной разрядки в отношениях между Ираном и мировым сообществом и пришел к выводу, что эта разрядка не в интересах России. Некоторые российские аналитики даже высказывают опасения о том, что если разрядка пойдет слишком далеко, Россия может потерять Иран как стратегического партнера в регионе.

Еще один вопрос связан с Израилем. Мне кажется, что Израиль в данный момент мобилизовал все имеющиеся ресурсы, чтобы сорвать женевский процесс. На Ближнем Востоке существует только одна ядерная держава — Израиль,

и у этой державы отсутствует противовес. Появление такого противовеса в виде теократического режима в Тегеране представляет собой экзистенциальную угрозу для израильтян, которые опасаются, что подписанное временное соглашение может превратиться в постоянное. Эти опасения уже стали причиной возникновения напряженности и обмена резкими заявлениями между США и Израилем. Будучи стратегическим партнером и США, и Израиля на Южном Кавказе, Азербайджан пристально наблюдает за развитием ситуации. Напряженность еще больше возросла после того, как 1 февраля 2014 года Госсекретаря США Джона Керри в ходе пресс-конференции спросили, считает ли он, что «сможет довести это [переговоры между Израилем и палестинцами] до конца». Вместо прямого ответа на вопрос Керри заявил: «Кампания по срыву переговоров набирает обороты. Участники процесса реагируют достаточно болезненно. Поговаривают об объявлении бойкота и других подобных шагах. Неужели мы все от этого выиграем?»

Это заявление лишь усугубило негативное отношение Израиля к женеvскому процессу и подстегнуло антиамериканскую риторику в израильских СМИ. Кроме того, некоторые высокопоставленные дипломаты и разведчики не в восторге от укрепления стратегического военного сотрудничества и обмена разведданными между Израилем и Азербайджаном. Они считают, что это создаст дополнительные трудности для женеvского процесса, что подчеркивалось в докладе израильского Института исследований проблем национальной безопасности.

Также существуют сомнения относительно искренности самого Ирана. Иранская экономика понесла значительный ущерб в результате введенных в 2010 г. американских санкций. Состояние иранской экономики легко отслеживается из Азербайджана, где многие компании тесно связаны с иранскими партнерами. Наиболее очевидными проблемами являются гиперинфляция и дефицит многих товаров. К своей короткой статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs* 27 ноября 2013 г. (т. е. через 3 дня после подписания женеvских договоренностей, на самом пике оптимизма по их поводу), Сюзан Малони из Бруклинского института высказала мнение, что все произошедшее — от беспрецедентных попыток иранского президента Хасана Рухани наладить контакты с Баракком Обамой до подписания самих договоренностей — является частью тщательно спланированной стратегии иранского режима, которую наверняка одобрил сам аятолла Али Хаменеи.

Иран лишь на время приостановил свою ядерную программу, не давая обещаний полностью ее прекратить, и согласился на конверсию части своих запасов обогащенного урана в топливные стержни для Тегеранского исследовательского реактора, а также позволил МАГАТЭ проинспектировать ядерные объекты в Натанзе и Фордо. В обмен на эти обещания Тегеран получил доступ к финансовым ресурсам, в которых так отчаянно нуждается. США согласились разморозить 550 млн долларов, выплаченных Ирану за поставки нефти (с перспективой размораживания дополнительных сумм), а также предоставили гарантии того, что против Ирана не будут введены новые санкции. Следовательно, есть доля правды в аргументах скептиков, ставящих под сомнение ценность подписанных договоренностей для

США, поскольку, по их мнению, Тегеран от этих договоренностей получил больше, чем Вашингтон. Кроме того, нет гарантий, что после того как США снимут санкции и процесс разрядки пойдет достаточно далеко, не появится новых данных о состоянии иранской ядерной программы. Высока вероятность того, Иран, который потратил на свою ядерную программу столько ресурсов и усилий, мог открыть для инспекций МАГАТЭ все свои ядерные объекты, но сохранить в тайне какие-то небольшие, но очень важные элементы самой программы. Хотелось бы посмотреть на лица американских дипломатов, если в один прекрасный день, после того как процесс разрядки дойдет до возобновления работы посольств, станет известно о создании Ираном своей первой атомной боеголовки. Как тогда на это реагировать?

ЗУЛЬХАРНЕЕВ: В качестве предварительного условия переговоров по ядерному вопросу Ирану нужны гарантии безопасности. Однако и западные страны, и Иран пошли на повышение ставок. Они не желают идти ни на какие уступки по вопросам, не связанным с ядерной программой. Западные страны предпочитают четко разграничивать эти две сферы. При этом верховный лидер Ирана также дал своей команде на переговорах мандат только на поиск решения по ядерному вопросу. Однако если мы ведем речь о всеобъемлющем решении, рано или поздно нам придется решать вопрос гарантий безопасности.

Помимо этого, нарастает соперничество между шестью странами в экономической и даже геополитической сфере, связанной с открытием иранского рынка. Это соперничество способно подорвать совместные усилия по выполнению женеvских договоренностей, а также усилия по выработке нового соглашения. Необходимо найти взаимоприемлемое сочетание наших национальных интересов и устремлений и наших общих целей, чтобы решить эту проблему

СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ШАТИЛЛА: Одним из основных препятствий на пути развития мирной атомной энергетики на Ближнем Востоке является опасность распространения ядерного оружия, которая в основе своей зависит от наличия у государств способности обогащать и перерабатывать ядерное топливо. Ядерные державы, как и весь остальной мир, озабочены распространением этой способности за пределы официального *ядерного клуба*. Краткосрочным решением проблемы могло бы стать подписание государствами, которые приступают к развитию атомной энергетики, соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере, в которых они отказываются от своего права на развитие технологий обогащения и переработки ядерных материалов. Судя по всему, такие соглашения являются эффективными. Они уже нашли немало сторонников среди тех государств, чье стремление получить доступ к экологически чистой и надежной атомной энергии перевешивает кажущиеся недостатки отказа от того, что противники такого подхода называют *суверенным правом на обогащение и переработку*.

Однако пока еще рано утверждать, что подобные соглашения прошли проверку временем. Их оппоненты настаивают, что в долгосрочной перспективе подписанты ограничивают свои возможности по использованию атомной энергетики как стабильного и экономически выгодного источника энергии. Ирония в том, что именно к созданию такого источника они стремились, когда принимали решение о начале развития атомной энергетики. Среднесрочным решением проблемы распространения является создание международных банков ядерного топлива, участники которых получают гарантированный, надежный и недискриминационный доступ к реакторному топливу по рыночным ценам в обмен на отказ от права на самостоятельное обогащение и переработку топлива. Отличие от предыдущего решения заключается в том, что доступ к топливу контролируется международной организацией, а не каким-либо одним государством-поставщиком в рамках двустороннего соглашения. Такой подход наверняка способен предотвратить ситуацию, когда главный партнер в банке ядерного топлива пытается контролировать доступ к топливу со стороны остальных. Однако он не решает вопрос волатильности рынка ядерного топлива в случае ценовой войны. Страна, которая имеет возможность самостоятельно обогащать и перерабатывать топливо, имеет намного лучшие шансы без особых потерь выйти из такого гипотетического, но при этом вполне вероятного сценария.

АХМЕД РАГАБ: Попытки достичь всеобъемлющего соглашения сейчас идут в формате переговоров с *шестеркой*, ведущие роли в которой принадлежат США и России. Страны ближневосточного региона, для которых результат переговоров очень важен — особенно Саудовская Аравия и другие арабские государства Персидского залива — никакой роли в ходе переговоров сейчас не играют. Это стало одной из причин возникновения напряженности между Саудовской Аравией и США после подписания временного соглашения. Такой подход со стороны США объясняется широко распространенным в Вашингтоне мнением о том, что если за стол переговоров вынести все накопившиеся острые вопросы между Ираном и арабскими странами Персидского залива, то никакого соглашения достичь не удастся. Поэтому Вашингтон предпочитает на данном этапе не привлекать эти страны к переговорам, а лишь информировать их о результатах проведенных раундов. Эта стратегия также хорошо согласуется с проводимой Хасаном Рухани стратегией конструктивного взаимодействия с США и Западом с целью достижения международного признания роли Ирана на Ближнем Востоке и за пределами региона.

Эта стратегия, однако, не учитывает важность эффективной региональной дипломатии как одного из условий успешного урегулирования, особенно в том случае, если иранцам удастся включить в соглашение неядерные вопросы (которые представляют интерес для арабских стран Персидского залива и таких региональных государств, как Египет). Основой этой региональной дипломатии могло бы стать снятие напряженности между Ираном и арабскими странами Залива, а также инициативы, направленные на предотвращение ядерного распространения в ближневосточном регионе.

Региональная дипломатия должна основываться на трех столпах:

- Создании регионального механизма, отдельного от *шестерки*, и использовании модели 6+2+1, предложенной Кондолизой Райс после войны в Ираке 2003 г. Данная группа могла бы включать 6 арабских государств залива, США, Иран и Египет. Позиция Египта в меньшей степени основана на идеологических мотивах, поэтому Каир мог бы сыграть ведущую роль в мерах по укреплению доверия между странами региона.
- Запуске регионального процесса, направленного на развитие экономических связей между арабскими государствами Залива и Ираном, а также Ираном и такими странами, как Египет.
- Поддержке египетского предложения по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке. Иран поддержал это предложение в ООН еще в 1970 г. Хасан Рухани также высказался в его поддержку в интервью телеканалу *NBC* в сентябре 2013 г. Создание такой зоны требует поддержки со стороны России, США и всего международного сообщества.

ЗЕЙНЕП ОКТАВ: Турция готовится ко всем возможным сценариям развития событий вокруг Ирана, включая возможность приобретения Тегераном ядерного оружия. К примеру, она работает над созданием системы противоракетной обороны. Эти планы совпали с заявлением Администрации Барака Обамы о запуске программы европейского поэтапного адаптивного подхода в области ПРО, одним из компонентов которого являются системы *Иджис*, развернутые на кораблях ВМС США в Средиземном море. Турция продолжает рассматривать членство в НАТО как оптимальный вариант обеспечения национальной безопасности в долгосрочной перспективе, даже если членство в НАТО имеет определенные негативные последствия для дипломатических усилий Анкары в более широком контексте.

Позиция Турции по сирийскому вопросу демонстрирует, что Анкара приветствовала бы участие НАТО в разрешении кризиса, что устранило бы угрозу на турецких границах. Турция воспринимает членство в НАТО как наиболее прочную гарантию собственной безопасности, эта точка зрения справедлива и в отношении возможных угроз, связанных с приобретением Ираном ядерного потенциала. Необходимо, однако, помнить о том, что, по результатам опроса общественного мнения, проведенного в 2012 году в 27 турецких провинциях, 60,8% респондентов высказались за приобретение Турцией ядерного оружия в случае возникновения угрозы со стороны ядерного Ирана.

Хотя на официальном уровне Анкара заявляет, что ядерный Иран не будет представлять для нее угрозы, отношение общественности к перспективе приобретения Ираном ядерного статуса остается весьма негативным. Заключение всеобъемлющего соглашения между *шестеркой* международных посредников и Ираном скорее всего заставит Турцию более пристально следить за развитием иранской ядерной программы и планами Тегерана в отношении ядерного оружия. Учитывая нынешний уровень недоверия между Анкарой и Тегераном в свете размещения на турецкой территории элементов натовской системы ПРО и радаров системы раннего оповещения в провинции Малатья, соперничество между двумя странами в сфере безопасности в ближайшей перспективе навер-

няка сохранится. Это, в свою очередь, может привести к дальнейшему сближению между Турцией и Израилем. Иран уже сейчас подозревает, что Израиль и Турция обмениваются разведанными, поступающими с американской радарной системы, развернутой на турецкой территории. Характеристики этой системы сходны с характеристиками радара, размещенного в израильской пустыне Негев.

МИРЗА: Независимо от того, чем завершится женеvский процесс, и несмотря на то, что между Ираном и Азербайджаном всегда существовало определенное соперничество, я считаю, что со временем напряженность исчезнет, а наши государства, одному из которых 5000 лет, а другому всего 20, научатся жить бок о бок в согласии. У нас слишком много общего, и если этнически наиболее близкой к Азербайджану страной является Турция, то с точки зрения принадлежности к шиитской ветви ислама наиболее близкой нам страной является именно Иран, не говоря уже о том, что в Иране проживает 23 миллиона этнических азербайджанцев. Я полностью отвергаю любые военные сценарии, призванные не допустить создания Ираном ядерного оружия. Азербайджанское руководство не раз заявляло, что несмотря на партнерство страны с США и Израилем, Азербайджан ни в коем случае не позволит использовать свою территорию для нанесения военных ударов по Ирану.

ЗУЛЬХАРНЕЕВ: Я считаю, что Шанхайская организация сотрудничества, в которую входят ключевые региональные игроки, могла бы внести вклад в решение этого вопроса. Пять среднеазиатских государств, Россия и Китай являются полноправными членами ШОС, четыре страны (Иран, Индия, Пакистан и Монголия) имеют статус наблюдателя, и еще три страны, в том числе Турция, являются партнерами ШОС по диалогу. ШОС имеет потенциал в двух сферах. Во-первых, в рамках ШОС можно было бы снять озабоченность Ирана относительно вопросов региональной безопасности, а также укрепить позиции Ирана в качестве одного из основных игроков в Средней Азии. В то же время перспектива получения полноправного членства и укрепление позиций Ирана в регионе взаимосвязаны и зависят от снятия введенных против Ирана санкций ООН. Правила ШОС не позволяют предоставлять членство странам, против которых действуют санкции ООН. Насколько мы понимаем, снятие этих санкций может произойти только в случае нахождения всеобъемлющего решения ядерного вопроса.

ШОС представляет интерес для Ирана по нескольким причинам. Все они, как я уже говорил, связаны с консолидацией и укреплением позиций Ирана на его северных и восточных границах. Во-первых, ШОС не приемлет одностороннего участия в решении региональных проблем третьих сторон, не являющихся региональными игроками. Такое участие неприемлемо, если только оно не согласовано с ШОС. К примеру, такого подхода придерживается ШОС по вопросу Афганистана и американских военных баз в Средней Азии. В свете отвода международных сил безопасности из Афганистана позиции ШОС еще больше усиливаются.

Во-вторых, ШОС может стать эффективным альтернативным форматом регионального сотрудничества по Афганистану, которое важно для Ирана. В-третьих, члены ШОС делают упор на национальный суверенитет и невмешательство во внутренние дела. Это общие для всех членов ШОС ценности, и они полностью соответствуют иранскому видению своих отношений с международным сообществом. Четвертой причиной является реальное сотрудничество в борьбе с терроризмом (через механизм региональной антитеррористической структуры), которое становится все более востребованным, учитывая продолжающуюся нестабильность на Ближнем Востоке. Пятой причиной являются возможности для экономического сотрудничества.

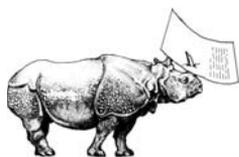
Иными словами, ШОС может предоставить Ирану *зонтик мягкой региональной безопасности* на его восточных и северных границах. ШОС — не военный блок, и у его членов нет друг перед другом обязательств военного характера, однако высокий уровень экономической взаимозависимости стран ШОС не позволит использовать территорию одного из членов организации в целях, несущих угрозу безопасности других членов.

Нынешние члены ШОС также заинтересованы в расширении участия Ирана в структуре организации. Это связано с меняющейся ситуацией вокруг Ирана. Страна является одним из ключевых производителей и экспортеров нефти. Она также обладает вторыми по величине запасами газа в мире. Среди членов ШОС два крупных экспортера энергоносителей, Россия и Казахстан, и оба они не заинтересованы в появлении нового конкурента на глобальном и европейском рынке. Тем не менее ШОС развивает свой *Энергетический клуб*, чья способность гармонизировать энергетические интересы его членов может быть весьма полезна именно в данный момент.

В плане безопасности для России и Китая — а также, я думаю, и для среднеазиатских республик — важно иметь на границах среднеазиатского региона страну-партнера, которая бы взяла на себя обязательство не развивать военное сотрудничество с третьими странами в ущерб интересам членов ШОС в сфере безопасности. С точки зрения России, вовлечение Ирана в сотрудничество в рамках ШОС станет небольшим, но значимым противовесом китайской экономической экспансии. Большинство среднеазиатских государств также заинтересованы в более тесном сотрудничестве с Ираном, особенно в экономике. В первую очередь это относится к Таджикистану, который уже потерял несколько инвестиционных проектов в результате спада в иранской экономике. То же можно сказать и о Кыргызстане. Россия, Казахстан и Туркменистан заинтересованы в более тесном сотрудничестве с Ираном в энергетической сфере. Отношения с Узбекистаном более сложные из-за узбекских отношений с Израилем. В данный момент членство в ШОС все еще является *пряником* для Ирана, а большинство нынешних членов ШОС заинтересованы в большем вовлечении Ирана в структуру этой организации. Ситуация является хорошей возможностью продемонстрировать, что ШОС является не антиамериканским клубом, а влиятельной региональной организацией, способной внести вклад в решение глобальных проблем в сфере безопасности.

Поэтому параллельно с продолжением переговоров по ядерному вопросу мы рекомендуем в рамках Шанхайской организации сотрудничества работать над развитием диалога между Россией, Китаем и среднеазиатскими странами с одной стороны и Ираном — с другой. Кроме того, следует изучить возможности реализации более амбициозных энергетических проектов, включая проекты в сфере атомной энергетики. У некоторых членов и государств — партнеров ШОС есть богатый опыт в области атомной энергетики (отличным примером является Россия). Другие члены и партнеры этой организации (Казахстан, Турция и Иран) только приступают к развитию программ атомной энергетики. Они были бы заинтересованы в совместных проектах в области мирного атома. 🌱

Александра Куликова

КИБЕРПАКТ КИТАЯ И РОССИИ: ЕСТЬ ЛИ ПОВОД ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА?¹

В ходе недавнего визита в Москву председателя КНР Си Цзиньпина был подписан целый ряд документов, в том числе соглашение в области международной информационной безопасности, которое некоторые российские СМИ окрестили *киберпактом*. Соглашение привлекло внимание многих как важный символический шаг России и Китая навстречу друг к другу в одной из самых актуальных сфер международных отношений.

В документе обозначены основные угрозы глобальной информационной безопасности, в борьбе с которыми Россия и Китай намерены объединить усилия. Эти угрозы включают использование технологий для осуществления враждебных действий, включая посягательства на суверенитет, безопасность и территориальную целостность стран, вмешательство во внутренние дела, причинение экономического ущерба, преступные действия, включая воровство данных и их использование в террористических целях, а также распространение информации, наносящей вред политическим и социально-экономическим интересам или духовному, моральному и культурному укладу государств.

ЧТО ЗНАЧИТ НОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ РОССИИ И КИТАЯ

Россия и Китай заявили о намерении тесно сотрудничать по вопросам реагирования на киберугрозы, наращивать взаимодействие и обмен данными между правоохранительными органами, занимающимися противодействием киберпреступности и терроризму, обмениваться технологиями и создавать дополнительные каналы коммуникации.

Стороны согласовали ряд мер укрепления доверия и договорились о «совместном продвижении норм международного права для обеспечения государственной и международной информационной безопасности», в том числе под эгидой соответствующих международных организаций: ООН, ОБСЕ, МСЭ.

Соглашение выглядит как амбициозная попытка согласовать правила игры в киберпространстве в двустороннем формате, в то время как достижение подобного консенсуса на глобальном уровне кажется маловероятным. Как показала Глобальная

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О

конференция по киберпространству, состоявшаяся в Гааге в апреле этого года, международное сообщество еще не готово к заключению юридически обязывающего договора по этому вопросу.

Но даже если бы работа над таким договором началась, следует помнить, что в качестве основного элемента так называемого *кибероружия* используются технологии двойного назначения, а значит, в условиях растущего недоверия в мире очень сложно было бы создать эффективный механизм надзора за его соблюдением.

В этих условиях близость позиций России и Китая по информационной и кибербезопасности сделала возможным заключение *пакта о ненападении* и включения в соглашение ключевых элементов стратегического партнерства в области информационной безопасности.

СОГЛАШЕНИЕ РОССИИ И КИТАЯ КАК ОТВЕТ НА СТРАТЕГИЮ КИБЕРОБОРОНЫ США

Соглашение видится вполне логичным в свете того, что в условиях экономической и дипломатической *блокады* со стороны западных стран фокус внимания России смещается в сторону сотрудничества с восточными партнерами.

Кроме того, в недавно опубликованной киберстратегии министерства национальной безопасности США Россия упоминается как один из основных оппонентов Штатов, который к тому же «значительно продвинулся в развитии национального киберпотенциала». В то же время в документе говорится о необходимости продолжать диалог с Китаем.

«Российские *акторы* эффективно ведут киберразведку и зачастую определить их намерения довольно сложно. Китай же нелегально использует интеллектуальную собственность транснациональных компаний, чем подрывает конкурентоспособность США», — так авторы документа воспринимают Россию и Китай.

Более того, в апреле этого года США объявили о введении нового пакета санкций, согласно которому министр финансов США по согласованию с генеральным прокурором и государственным секретарем может принимать меры в отношении злоумышленников, действия которых угрожают национальной безопасности, внешнеполитическим интересам, экономике или финансовой стабильности США.

Примечательно, что российско-американское соглашение 2013 г. по укреплению мер доверия предполагало подобное сотрудничество, в том числе обмен информацией между российскими и американскими группами по реагированию на чрезвычайные ситуации в киберпространстве (CERT), создание рабочей группы по новым угрозам и использование существующей *горячей линии Вашингтон–Москва* для прямой связи в случае киберкризиса. К сожалению, этот процесс не получил развития, а с началом нынешнего геополитического кризиса был и вовсе заморожен.

Кибердиалог Китая и США также зашел в тупик, несмотря на то что в том же 2013 г. между этими странами было заключено аналогичное соглашение. Возможно, свою роль сыграли разоблачения Э. Сноудена, опубликованные вскоре после подписания договора.

В настоящее время российско-китайское соглашение больше похоже на рамочный документ, основанный на ранее согласованных общих ценностях и ожиданиях. Тем не менее в соглашении есть и конкретика, в частности отражены положения десятого раздела обновленного проекта правил поведения в киберпространстве стран ШОС, касающиеся выработки практических мер по укреплению доверия, направленных на повышение предсказуемости и снижение вероятности недопонимания и угрозы конфликта.

До сих пор между Россией и Китаем не было крупных публичных скандалов, связанных со взаимными кибератаками, что придает договору характер *пакта о ненападении*, о котором было заявлено на мировом уровне.

КИБЕРСОГЛАШЕНИЕ РОССИИ И КИТАЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ХОД

Но, несмотря на то что российско-китайская договоренность носит скорее символический характер, сводить ее просто к попытке уязвить США было бы слишком упрощенным подходом к вопросу. Правильнее предположить, что мы наблюдаем лишь верхушку айсберга.

Соглашение будет способствовать укреплению сотрудничества между Россией и Китаем и является важным шагом в реализации политики России *поворота на Восток*. В контексте сложной дипломатической обстановки даже символическая договоренность приобретает особую значимость. Она может способствовать легитимизации национальных киберполитик обеих стран и укреплению действующих режимов, кроме того, она созвучна проекту обновленных правил поведения в киберпространстве стран ШОС и вписывается в общую работу по выработке норм и правил на разных уровнях.

В будущем, возможно, соглашение будет расширяться и дополняться, в его сферу охвата могут быть включены вопросы регулирования технологий, инфраструктуры, политики на уровне национальных сегментов интернета. Возможно, именно к этому Россия стремилась с самого начала, а китайская сторона до настоящего момента была не готова. Так или иначе дверь остается открытой.

Истинные мотивы нам не известны. Не ясно также, насколько обе стороны готовы к соблюдению достигнутых договоренностей и, тем более, международному киберсдерживанию. Только практическая реализация упомянутых в соглашении мер по укреплению доверия покажет реальную приверженность принципу прозрачности и степень взаимного доверия.

ПРОДВИЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УПРАВЛЕНИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВОМ

В более широком масштабе соглашение отражает стремление России продвигать свой подход к управлению киберпространством, ориентированный на выработку международных норм. В целом, необходимость применять нормы международного права и законы вооруженного конфликта к киберпространству признается достаточно широко, детали этого подхода обсуждаются на различных площадках, включая Группу правительственных экспертов ООН, в которой Россия изначально продвигала принципы ответственного поведения в киберпространстве.

Инициатива ШОС пока остается единственной попыткой договориться о ненападении в киберпространстве на международном уровне. Тем не менее из-за разницы в подходах к определению киберугроз, которую усугубляет крайне низкий уровень дипломатических контактов между Россией и Западом, вне ШОС она не встретила широкой поддержки.

Впрочем, согласно первым данным по итогам работы четвертой Группы правительственных экспертов ООН, был выработан ряд норм поведения в киберпространстве в мирное время, которые будут рекомендованы для утверждения на Генеральной ассамблее ООН в конце 2015 г. как альтернатива формальному соглашению. Впрочем, на момент публикации текст резолюции еще не был принят. Сообщается, что в него войдут положения о несовершении кибератак на объекты критической инфраструктуры, объекты CERT/CSIRT, а также обязательство стран содействовать в расследовании атак, осуществленных с их территории.

ТОНКАЯ ГРАНЬ МЕЖДУ НАПАДЕНИЕМ И ЗАЩИТОЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

По-прежнему остается открытым вопрос, можно ли всерьез воспринимать обещания не совершать хакерские атаки. В киберстратегии США говорится, что вооруженные силы США могут проводить кибероперации для уничтожения военной инфраструктуры и прочих объектов, расположенных в районе проведения операций и использующихся в военных целях в ущерб интересам США.

Такой подход демонстрирует довольно широкую трактовку угроз и дает правительству США карт-бланш в оценке агрессии и ответной реакции на нее, что еще больше размывает грань между защитой и нападением в киберпространстве.

С учетом этого соглашение России и Китая, которое строится на соблюдении принципа уважения суверенитета в управлении киберпространством и борьбе с действиями извне, направленными против внутренней стабильности и целостности государств, может рассматриваться в Вашингтоне как растущая угроза интересам США.

Пока рано говорить о практических последствиях российско-китайского соглашения. Тем временем на саммите стран БРИКС, состоявшемся 8–10 июля 2015 г. в Уфе, была предпринята очередная, пусть и осторожная, попытка сблизить позиции по информационной и кибербезопасности и тем самым распространить двусторонние договоренности на остальные страны группы.

Так, в Уфимской декларации БРИКС в целом обозначены ранее озвученные общие принципы и подходы в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в рамках повестки дня в области развития на период после 2015 г. В числе прочего это признание главенствующей роли ООН в вопросах выработки политик глобального управления интернетом и безопасности использования ИКТ, роли и обязанностей правительств в этой области. Но что особенно важно, страны подчеркнули необходимость разработки под эгидой ООН универсального юридически обязывающего инструмента по вопросам борьбы с использованием ИКТ в преступных целях.

Также было заявлено о создании *Рабочей группы экспертов государств БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ*, которая и должна коорди-

нирывать межгосударственное сотрудничество. Фронт работ обозначен довольно схематично и в целом созвучен российско-китайскому соглашению в части укрепления мер доверия, что оставляет возможность для дальнейшей проработки в ходе работы группы. Это обмен информацией и передовой практикой в вопросах безопасности в сфере использования ИКТ; эффективная координация мер противодействия киберпреступности; назначение уполномоченных по связям в государствах-участниках; сотрудничество между странами БРИКС с использованием существующих групп реагирования на компьютерные инциденты в области компьютерной безопасности (CSIRT); совместные проекты в области НИОКР; укрепление потенциала, а также разработка международных норм, принципов и стандартов.

Учитывая существующие в БРИКС разногласия в области управления интернетом и информационной безопасности, положения декларации на данном этапе могут служить тем *общим знаменателем*, который всех устраивает, но пока ни к чему особенно не обязывает. В этом его символическая важность. При этом она дает российской стороне точку опоры для дальнейшей работы в формате двусторонних соглашений, который пока оказывается действеннее, чем попытки договориться на региональных или глобальных площадках.

Примечания

- 1 Первоначально комментарий по этому вопросу был дан для Russia Direct и опубликован 21 мая 2015 г.: <http://www.russia-direct.org/analysis/china-russia-cyber-security-pact-should-us-be-concerned>.

Confidential

RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited to the members of the *Dialogue Club International*. This issue is for the personal use only.

ИСТОЧНИК В МОСКВЕ СООБЩАЕТ:

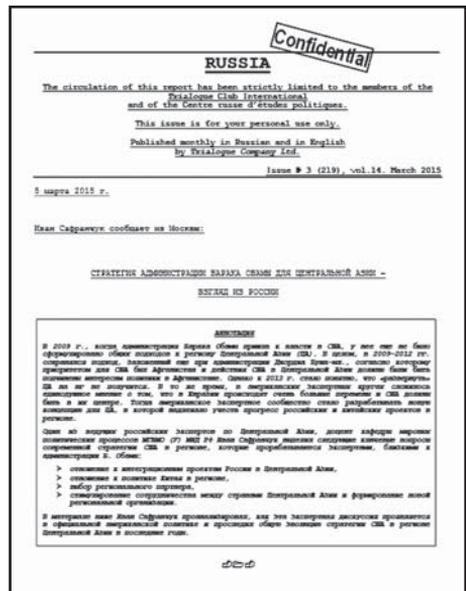
ПИР-Центр и Международный клуб Триалог информируют о развитии аналитического проекта RUSSIA CONFIDENTIAL.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- аналитическое сопровождение новостей мировой политики;
- информирование читателей об особенностях и нюансах внешней политики России.

В ПРОШЛЫХ НОМЕРАХ:

- В шаге от сделки: российско-американские рекомендации для всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе
- Есть ли будущее у договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
- Военно-техническое сотрудничество в новых реалиях: кризис вокруг Украины, западные санкции и российский ОПК
- Поворот России на Восток: проблемы и перспективы
- Стратегия администрации Барака Обамы для Центральной Азии – взгляд из России
- БРИКС в глобальном управлении интернетом: время для шага вперед?

В основе каждого номера RUSSIA CONFIDENTIAL – эксклюзивные материалы, переданные в редакцию аналитиками из разных точек мира.

Бюллетень RUSSIA CONFIDENTIAL выходит ежемесячно; рассылка осуществляется по электронной почте членам Международного клуба Триалог на русском или английском языках – по выбору получателя.

Международный клуб Триалог: secretary@dialogue-club.ru
Russia Confidential: rc.pircenter.org

Confidential

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в январе-июне 2015 г.

➔ **Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Картунов, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан.**
ИНДЕКС ISI В ЯНВАРЕ-ИЮНЕ 2015 г.: СТРАХИ И НАДЕЖДЫ

➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВЫ СЛЫШИТЕ, ГРОХОЧУТ САПОГИ...**

➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МЕЖДУ ДОНБАССОМ И СИРИЕЙ**

СТРАХИ И НАДЕЖДЫ

Зимой-летом 2015 г. показатели Индекса международной безопасности (*iSi*) были разнонаправленными. Год начался с небольшого роста. Так, на 1 января *iSi* повысился на 34 пункта по сравнению с показателем на декабрь 2014 г. и составил 2802 пункта. Рост *iSi*, а значит, улучшение состояния международной безопасности в начале года связано с успехами сил международной коалиции в борьбе против боевиков *Исламского государства* (ИГ), которые тем не менее оказались временными, а также с достигнутыми в январе договоренностями между Ираном и *шестеркой* международных посредников продлить переговоры по ядерной программе ИРИ еще на семь месяцев. В феврале индекс *iSi* снизился на 84 пункта — до отметки 2723 пункта. Падение показателей *iSi* и, следовательно, ухудшение безопасности в мире было обусловлено нарастающей нестабильностью на Ближнем Востоке, особенно в свете обострившейся угрозы ИГ, а также продолжающимся военно-политическим противостоянием на юго-востоке Украины. Достигнутые в феврале в нормандском формате *Минские соглашения* по Украине привели к росту показателей *iSi*, которые на 1 марта составили 2744 пункта. Но весна не стала периодом стабилизации. Война в Йемене, захват боевиками ИГ сирийского города Пальмира и уничтожение уникальных памятников истории и архитектуры, случаи нарушения перемирия на юго-востоке Украины, сохраняющаяся напряженность в отношениях России и Запада были основными факторами, угрожающими международной безопасности. Так, на 1 апреля показатель индекса *iSi* был равен 2726 пунктам, на 1 мая снизился на 15 пунктов и составил 2711 пунктов. Лето началось с незначительного повышения *iSi* — на 1 июня показатель составил 2757 пунктов.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФРИКА

Помимо военно-политической напряженности в ряде ближневосточных государств, серьезную угрозу региональной безопасности зимой-летом представляло террористическое движение *Исламское государство* (ИГ), резко активизировавшее свою деятельность. Боевики ИГ захватили большие территории в Ираке и Сирии, совершили теракты в Саудовской Аравии, Ливане, Ливии, Иордании, Йемене. В интернет были выложены видеозаписи казней боевиками ИГ граждан США, Японии, России и др.

22 января в Лондоне прошло международное совещание государств, участвующих в военно-воздушной операции против ИГ. Страны заявили о намерении подготовить новые военные бригады в Ираке и обучить бойцов сирийской оппозиции противостоять боевикам движения.

С января по июнь ИГ захватило значительную часть территорий **Ирака** и **Сирии**. В середине мая боевики ИГ захватили два стратегических центра: иракский город Рамади и сирийский Пальмира. В этих городах находились памятники античной культуры, которые были уничтожены ИГ. Противостоят ИГ в регионе отряды курдских ополченцев, сирийская и иракская армия, а также силы международной коалиции, наносящие по позициям боевиков ИГ удары с воздуха.

Андрей Кортунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы:

За отчетный период уровень безопасности в мире и в нашем регионе снижался. Причины этому — продолжающаяся нестабильность на Ближнем Востоке, усиление деятельности Исламского государства в Сирии, сохраняющаяся напряженность в Восточной Азии. Негативными событиями для нашего региона были продолжающийся конфликт вокруг Украины, кризис в отношениях России и НАТО, наращивание инфраструктуры Альянса вдоль российской границы, угроза возникновения военных столкновений, разрыв практически всех проектов сотрудничества между Москвой и западными партнерами.

Соглашение Минск–2 стало, пожалуй, одним из немногих позитивных событий периода, позволивших снизить интенсивность военных действий

на востоке Украины. Соглашение не было выполнено в полной мере, но конструктивную роль в разрешении кризиса оно сыграло.

Осенью-зимой 2015 г. не вижу оснований для существенного улучшения состояния безопасности в мире и в регионе. Конфронтация России и Запада продолжится, вряд ли изменится санкционный режим. Не думаю, что будут решены территориальные споры в Восточной Азии. Важно учитывать, что США вступают в период активной избирательной кампании. Это, как правило, не способствует стабильности общемировой ситуации. В лучшем случае состояние безопасности останется на нынешнем уровне, в худшем произойдет дальнейшее его снижение.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая:

Безопасность в мире ухудшилась. Отношения между Россией и Западом остаются напряженными из-за отсутствия эффективного механизма разрешения украинского кризиса. По другим фронтам международной безопасности наблюдается аналогичная тупиковая ситуация. Боевики ИГ захватывают все новые территории Сирии и намерены начать наступление на Саудовскую Аравию. Новый военный фронт открылся в Йемене. Сложной остается ситуация в охваченной междоусобицами Ливии. Ливан, Иордания, Алжир, испытывающие ряд внутренних проблем, рискуют оказаться втянутыми в конфликт. Ирак демонстрирует полную неспособность дать отпор исламистам,

а также курдам, которые начали борьбу за независимость.

Позитивным событием периода стала смена лидера в Саудовской Аравии. Это позволило государству определиться с направлением развития, что способствовало решению ряда вопросов национальной и региональной безопасности.

Осенью-зимой 2015 г. состояние безопасности в мире продолжит ухудшаться. Силы, провоцирующие нестабильность на Ближнем Востоке, наращивают свой потенциал, а сами страны региона не в состоянии создать коалицию чтобы им противостоять. В итоге это может привести к возникновению новых очагов нестабильности.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы:

Безопасность на Ближнем Востоке снизилась. Причины тому — ситуация в Сирии и Ираке (скоординированные действия боевиков Свободной сирийской армии, Джабхат-ан-Нусра и Исламского государства в Сирии и наступление ИГ в Ираке). Поддержка Ираном борьбы с радикальными суннитскими организациями правительств в Сирии и Ираке стало одним из немногих позитивных событий периода.

Гражданская война в Йемене и агрессия против этой страны со стороны Саудовской Аравии и ее

партнеров, а также резкое обострение на границе Афганистана с республиками Центральной Азии — все это оказывает негативное влияние на международную безопасность.

Осенью-зимой 2015 г. безопасность в мире ухудшится. США сворачивают свою деятельность на Ближнем Востоке, сделав все, чтобы раскаты ситуацию в регионе. Об этом свидетельствует их медлительность, ничтожность результатов и несообразная дороговизна действий в борьбе против ИГ.

ИГ вербует в свои ряды граждан из Центральной Азии, Кавказа, России, Европы.

В Сирии продолжается военное противостояние власти и оппозиции. Группировки *Ахрар аль-Шам*, *Джунд аль-Акса* и *Фронт Нусра* контролируют в стране города Идлиб, Алеппо, Ракка.

В **Ливии** продолжились бои между правительственными силами и отрядами вооруженной оппозиции, многие из которых примкнули к ИГ.

В **Йемене** перешедшее в активную фазу еще в августе 2014 г. противостояние между властями и хуситами — движение мусульман-шиитов — из-за сокращения субсидий на нефтепродукты правительством, обострилось в январе 2015 г. Подготовленный правительством Йемена проект новой конституции лишал хуситов стратегически важного для них города Ходейда. Это стало причиной вооруженных столкновений с властями. 19 января мятежники вынудили президента Йемена Мансура **Хади** и правительство премьера Халеда Махфуза **Бахаха** подать в отставку. Хоуситов поддержал бывший президент Йемена Али Абдалла **Салех**, а также Иран. Освобожденный в феврале из-под домашнего ареста президент Хади 24 марта обратился к странам Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива с призывом вмешаться в ситуацию в стране. 26 марта Саудовская Аравия при поддержке других монархий Персидского залива начала военную операцию против хоуситов *Буря решимости*. В апреле началась новая военная операция, возглавляемая саудитами, — *Возрождение надежды*. Конфликт в стране продолжается.

Зимой-весной прошли несколько встреч между **Ираном** и *шестеркой* международных посредников, где осуждались условия заключения всеобъемлющего соглашения по ядерной программе ИРИ. В ходе очередного раунда переговоров, стартовавших 29 марта в швейцарском городе Лозанне, сторонам удалось достичь политического соглашения по иранской ядерной программе. Процесс подготовки юридически обязывающего соглашения должен завершиться 30 июня. Саудовская Аравия и Израиль выступили против заключения такого соглашения.

В **Саудовской Аравии** 27 января скончался шестой король страны Абдалла бен Абдель Азиз Аль Сауд. Страну возглавил брат покойного Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд. Известие о смерти короля Саудовской Аравии привело к некоторому росту цен на нефть после их резкого снижения осенью 2014 г. Тогда стоимость барреля нефти упала со 105 долларов до 45 из-за роста добычи в Ираке, Ливии, США, а также в связи с замедлением спроса в Восточной Азии и Европе. Несмотря на падение цен, Эр-Рияд, крупнейший производитель нефти в Организации стран экспортеров нефти (ОПЕК), принял решение не сокращать квоты на добычу *черного золота*. Это привело к ее перепроизводству в мире и усилило обвал цен.

В **Турции** 7 июня состоялись парламентские выборы. Умеренно исламистская *Партия справедливости и развития* президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана, находящая у власти 13 лет, получила 41% голосов избирателей. Для партии это означало потерю статуса правящей партии и необходимость формирования коалиционного правительства.

Нандан Унникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда Obsever — по телефону из Нью-Дели:

Уровень безопасности в мире, особенно в Европе, в Западной (на Ближнем Востоке — Прим. ред.) и в Юго-Восточной Азии снизился. Главные причины ухудшения — конфронтация между Россией и Западом и нежелание вырабатывать общий подход к урегулированию украинского кризиса. Другая угроза — усиление и распространение деятельности ИГ в Западной Азии и сопредельных регионах, в частности в Афганистане, которые представляет угрозу для Южной Азии. Конкуренция региональных держав привела к началу бомбардировок Йемена. Напряжен-

ности добавили нерешенные территориальные споры в Южно-Китайском море, что негативно сказалось не только на обстановке в Юго-Восточной Азии, но и на глобальной безопасности. Позитивным событием периода стала возможность достижения договоренности между международным сообществом и Тегераном по ядерной программе Ирана. Но откладывание сроков подписания всеобъемлющего соглашения по Ирану вносит определенную тревогу. Ожидая, что осенью-зимой 2015 г. напряженность в мире несколько спадет.

Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо:

Уровень безопасности заметно снизился в трех регионах. В Европе из-за напряженности в отношениях с Россией безопасность достигла беспрецедентно низкого уровня со времен окончания холодной войны. На Ближнем Востоке усиление деятельности ИГ стало серьезной угрозой безопасности. В Южной Азии возник острый дискурс между Индией и Пакистаном по поводу некоторых положений стратегии безопасности и политики. Запугивающие заявления, сделанные властями двух ядерных держав относительно приграничного терроризма, привели к еще большему непониманию и усилили напряженность в регионе.

Более ответственная позиция, которую заняло государство Южной Азии, как и в целом

Азиатский регион относительно ситуации в Афганистане, стала одним из немногих позитивных событий периода. На глобальную безопасность положительно повлияло улучшение отношений между США и Ираном, США и Кубой.

Осенью-зимой 2015 г. ситуация в мире будет находиться в переходном периоде. Это связано с началом предвыборной кампании в США, когда неминуемы всевозможные манипуляции кандидатов на высший государственный пост во всех областях, включая внешнюю политику и политику безопасности. Президентство Барака Обамы входит в период хромой утки.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте:

Международная безопасность значительно ухудшилась. Причин тому несколько. Обострились отношения между Россией и США/НАТО. Неопределенными остаются перспективы заключения всеобъемлющего соглашения по ядерной программе ИРИ между Ираном и шестеркой международных посредников. На Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. стороны не смогли прийти к соглашению по вопросу созыва конференции по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. Ядерные державы, по сути, отказались согласовывать меры дальнейшего ядерного разоружения. Не думаю, что в краткосрочной перспек-

тиве ситуация улучшится. Если же возобладает тенденция к наращиванию вооружений, ситуация может осложниться как на Востоке, так и на Западе.

В Латинской Америке и государствах Карибского бассейна ситуация остается стабильной. Страны активно взаимодействуют и скрупулезно выполняют свои обязательства в области ядерного нераспространения. Подтверждение тому — активная позиция латиноамериканских стран на Обзорной конференции ДНЯО, где они выдвинули ряд конструктивных предложений по ядерному нераспространению и разоружению.

В **Израиле** 17 марта состоялись досрочные парламентские выборы в связи с распадом в декабре 2014 г. правящей коалиции политических сил страны. Победу на выборах одержала правящая партия Ликуд, руководимая премьер-министром Биньямином Нетаньяху.

В **Нигерии** в январе боевики *Боко Харам* напали на 16 городов и деревень на севере страны; погибли 2 тыс. человек, более 30 тыс. покинули места проживания. В марте *Боко Харам* присягнули на верность *ИГ*. 28 марта состоялись президентские выборы. Победу одержал оппозиционный политик Мухаммад **Бухари**, пообещавший усилить борьбу против исламистских террористических группировок.

В **Мали** 20 июня правительство подписало мирный договор с повстанцами-туарегами, захватившими северную часть страны в 2012 г.

В июне произошли теракты в Тунисе, Кувейте, Сирии, Ираке.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ–США

7 января боевики *ИГ* и *Аль-Каиды* совершили теракт во Франции в редакции сатирического издания *Шарли Эбдо*, публиковавшего карикатуры на ислам и пророка Мухаммеда; в результате перестрелки погибли 12 человек. 8 января во французском городе Монруж террорист открыл стрельбу, убив сотрудницу полиции. 9 января в Париже террористы в магазине захватили в заложники 15 человек, убито четверо. Во Франции после терактов прошли многотысячные манифестации в знак солидарности с семьями погибших и пострадавших во время терактов.

7 мая в Великобритании состоялись парламентские выборы. Победу одержала возглавляемая премьер-министром Дэвидом Кэмероном консервативная партия.

25 января в Греции прошли внеочередные парламентские выборы. Победу одержала леворадикальная партия *Сириза*. Лидер партии Алексис **Ципарс**, ставший премьер-министром страны, заявил, что намеревается положить конец политике жесткой экономии и будет добиваться списания большей части многомиллиардного долга страны. Начавшиеся переговоры Греции с ЕС и МВФ об урегулировании долга объемом 240 млрд евро, образовавшегося после спасения греческого бюджета от дефолта в 2010 и 2012 гг., не принесли результатов: ЕС в обмен реструктуризацию долга Афин требовал сократить объемы социальных выплат и повысить налоги, правительство Ципраса не согласилось с такими условиями. В июне на саммите глав и правительств стран ЕС было заявлено, что Греция должна остаться в ЕС и зоне евро, однако никаких практических решений принято не было.

В январе в ПАСЕ лишили Россию права голоса до апреля; Москва в ответ заявила, что прекращает участие в ПАСЕ до конца года.

В Риге 21–22 мая прошел саммит *Восточного партнерства*, участники которого подписали декларацию о необходимости развития отношений между ЕС и шестью странами — участниками программы: Белоруссией, Украиной, Молдавией, Грузией, Азербайджаном и Арменией. В декларации также была зафиксирована поддержка странами *Восточного партнерства* территориальной целостности Украины и призыв к реализации *минских договоренностей*.

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма:

Безопасность на Ближнем Востоке не улучшилась, но и радикального ухудшения ситуации не произошло. Региональная безопасность остается шаткой. Укрепление позиций ИГ привело к тому, что Сирия и Ирак остаются государствами лишь на карте. Борьба, которую Саудовская Аравия ведет против исламистов в регионе, может спровоцировать опасный виток соперничества страны с Ираном. По сути интервенция Эр-Рияда в Йемен преследовала цель вступить в не прямое противостояние с Тегераном.

Возрастающая вероятность заключения ядерной сделки с Ираном выглядит многообещающе с точки зрения развития региона. Если удастся достичь всеобъемлющего соглашения по ядерной программе, это станет первым серьезным шагом к интеграции Тегерана в региональную систему безопасности. С подачи США Саудовская Аравия и Иран могли бы приспособиться

к сотрудничеству в вопросах региональной безопасности. Но это чересчур оптимистичный прогноз. Наиболее вероятен сценарий продолжения междоусобий на Ближнем Востоке независимо от итогов переговоров шестерки международных посредников с Ираном.

Позитивным событием периода стало то, что сирийские курды при американской поддержке с воздуха смогли отбить у ИГ захваченные ими территории и установить контроль на севере Сирии.

Осенью-зимой 2015 г. состояние глобальной безопасности будет определять усиливающаяся напряженность в отношениях России и Запада, а также нарастание конфликтного потенциала в Северном регионе. Роль Южно-Китайского моря в военной и геополитической конкуренции США и Китая будет возрастать.

Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения Караван знаний — по электронной почте из Ташкента:

Конфликт на востоке Украины, сохраняющиеся международные экономические санкции в отношении России, репродуцирующие элементы холодной войны, нестабильность на Ближнем Востоке — все это воздействует и на регион Центральной Азии, оказывая негативное влияние на его развитие.

События вокруг Украины все более углубляют кризис, постигший постсоветское пространство. В январе 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС), экономическое обоснование которого вызывает сомнения. Между тем его политическая подоплека становится все более очевидной. Об этом свидетельствуют отсутствие широкой и однозначной поддержки ЕАЭС в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и отказ Узбекистана вступить в объединение. Вступление в ЕАЭС Казахстана и Киргизии приведет к дальнейшей фрагментации Центральной Азии.

Негативной тенденцией для региона стало также вступление в ряды ИГ центральноазиатских граждан, что создает дополнительные риски для

безопасности. Между тем в марте в Бишкеке прошел региональный форум исламских ученых, в котором участвовали представители Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Форум призван стать площадкой для объединения раздробленности стран после обретения независимости мусульманской общины региона и противодействия проявлениям экстремизма и радикализма.

Начало работы по восстановлению прерванного в 1990-е гг. авиасообщения между Узбекистаном и Таджикистаном и ослабление визового режима между странами стало позитивной тенденцией для Центральной Азии.

Представляется вероятным, что осенью-зимой 2015 г. война на Ближнем Востоке локализуется и достигнет допустимых пределов экспансии. После этого начнется ослабление ИГ. Вероятно также улучшение стратегической обстановки в Афганистане в связи с продвижением переговоров между афганским и пакистанским руководством при поддержке США и НАТО.

В Германии 7–8 июня прошла встреча *большой семерки*, в которой второй год подряд из-за присоединения Крыма не участвует Россия. Одним из итогов саммита стало решение согласие Евросоюза продлить санкции против России, увязав их отмену с полным выполнением Минских соглашений по Украине.

На заседании министров обороны НАТО, состоявшемся 24–26 июня в Брюсселе, решено было в три раза увеличить численность сил быстрого реагирования и расширить полномочия главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

На саммите глав государств и правительств ЕС, прошедшем 25–26 июня, было принято официальное решение продлить санкции против России на полгода; Москва в ответ продлила эмбарго на ряд продовольственных товаров, поставлявшихся ранее из стран ЕС. Перед этим в мае российская сторона представила список официальных лиц из стран ЕС, которым был запрещен въезд в Россию.

В **Македонии** в мае имели место массовые антиправительственные демонстрации.

В апреле состоялась встреча президента США Барака Обамы и главы Кубы Рауля Кастро. Это был первый прямой контакт между лидерами двух стран с 1959 г.

СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ

На востоке Украины в январе-феврале шли бои между украинскими военными и ополченцами ДНР и ЛНР. Наиболее ожесточенные столкновения вспыхнули в конце января — в феврале на окраинах города Угледорск в районе Дебальцево Донецкой области, где ополченцы пытались окружить группировку вооруженных сил Украины в *Дебальцевском котле*. 30 января в Минске между сторонами конфликта в нормандском формате — при посредничестве России, Германии, Франции, а также представителей ОБСЕ — состоялись переговоры по урегулированию ситуации на Донбассе, не увенчавшиеся успехом. 11–12 февраля *нормандская четверка* — Украина, Россия, Германия, Франция — провела очередной раунд переговоров по ситуации на востоке Украины. Итогом переговоров, длившихся более 16 часов, стал договор о прекращении огня. Документ содержит 13 пунктов и обязывает стороны к всеобъемлющему прекращению огня на Донбассе. Несмотря на вступление в силу мирного договора от 15 февраля и относительную стабилизацию ситуации, в течение весны-лета имели место боестолкновения между ополченцами и украинскими военными. 24 июня состоялась встреча глав МИД стран *нормандской четверки*. Стороны выразили приверженность выполнению *Минских договоренностей*, достигнутых в феврале.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

1 января 2015 г. официально начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — союз России, Белоруссии, Казахстана. 2 января членом ЕАЭС стала Армения. 8 мая 2015 г. к союзу присоединился Кыргызстан. Тогда же, 8 мая, Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и *экономического пояса Шелкового пути* — проекта по созданию транспортных коридоров, соединяющих

Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ в Бишкеке — по электронной почте из Бишкека:

С января по июнь глобальная безопасность становилась все более шаткой. Серьезную угрозу представляют консолидация боевиков ИГ и захват ими все новых территорий. На руку ИГ сыграло ослабление режимов в Сирии и Ираке. Непродуманные действия США, приведшие к разрушению иракской и сирийской государственности, в сочетании с отсутствием убедительных планов восстановления этих стран привели к нынешней ситуации, когда страны не могут противостоять угрозе исламизма. Попытки Совбеза ООН принять меры по борьбе с ИГ наталкиваются на противодействие со стороны постоянных членов, что заводит ситуацию в еще больший тупик.

Для Европы и Евразии самым значимым событием остается кризис на Украине, трансформирующийся в длительный многоуровневый конфликт, изменяющий структуру безопасности в Европе и Евроатлантическом регионе. Очевидно, что стороны противостояния неохотно ищут компромисс. Появляется все больше свидетельств глубокого вовлечения России в войну на Донбассе. Без поддержки Москвы сепаратисты не смогли бы так долго противостоять Киеву. Кремлю выгодно состояние неопределенности, сложившееся сейчас на востоке Украины — оно позволяет воздействовать на Киев, продвигая свои интересы. Если же Россия решит присоединить ДНР и ЛНР к своей территории, результат будет обратным желаемому, и Киев станет неуправляем. Неопределенность на Донбассе — это лучшее, что возможно в нынешних непростых условиях.

Власти на Украине также не в состоянии предложить востоку страны адекватную альтернативу, что снижает доверие даже среди симпатизирующей им части населения страны. Киев решил, что лучший способ противостоять Москве — всецело положиться на поддержку Запада, а вернее, своего главного союзника — США. Но украинские власти не осознают, что их западные партнеры всерьез обеспокоены тем, что с приходом к власти Петра Порошенко значимых улучшений внутри страны не произошло. Коррупция по-прежнему высока, олигархи не соблюдают законы, которые сами же инициируют, страна в целом зависима от внешнего финансирования. На Западе также нет единства по поводу того, до каких пределов и какими средствами продолжать конфронтацию. Пока

Вашингтон заинтересован в сотрудничестве с Москвой по глобальным вопросам безопасности, антироссийские экономические санкции не будут иметь для него особого значения. ЕС, памятуя тяжелый опыт Второй мировой войны, заинтересован скорее в примирении с Москвой. Внутри ЕС нет единства. Германии как ведущей стране союза приходится прикладывать большие усилия, чтобы добиться какого-то единства в условиях, когда Россия использует все более изощренные методы, чтобы это единство подорвать. Особенно это проявляется в давлении Москвы на Кипр, Грецию, Венгрию, в меньшей степени на Италию и Словакию.

В Кремле научились использовать изощренные, дифференцированные методы манипуляции во внешней политике. К удивлению Запада — ведь это тот же набор приемов, который обычно использует он сам: подкуп западных политиков, подрывная деятельность, пропаганда через СМИ. Не думаю, что сегодня происходит вторая холодная война между Россией и Западом, но серьезная геостратегическая конкуренция налицо. В результате это приведет к меньшей свободе маневра, как на Западе, так и на Востоке.

Проблема нелегальной иммиграции — вторая причина раскола в рядах ЕС, продемонстрировавшая, как легко подточить единство союза. Борьба за влияние в Европе приведет к дальнейшей дестабилизации в ряде малых и неустойчивых стран от Македонии до Молдавии. И Россия, и США пытаются добиться их лояльности, и, если придется, они готовы попытаться подтолкнуть смену режима в этих нестабильных государствах, чтобы усилить свое воздействие.

Осенью-зимой 2015 г. безопасность в мире останется крайне неустойчивой. Транснациональные угрозы в лице террористических исламистских преступных группировок, нестабильных режимов в ряде государств будут распространяться от Ближнего Востока и Южного Средиземноморья до Нигерии и дальше вглубь африканского континента. Украинский кризис будет то стихать, то усиливаться. Можно прогнозировать смену режимов в Молдавии и Македонии, которые не смогут противостоять воздействию внешних сил.

Китай со странами Центральной Азии, Россией и Европой. Идея создания экономического пояса Шелкового пути была предложена Си Цзиньпином в 2013 г.

В **России** финансово-экономический кризис, начавшийся в конце 2014 г., усилился зимой 2015 г. В январе-феврале произошло резкое снижение курса рубля по отношению к иностранным валютам из-за падения мировых цен на нефть, экономических санкций, введенных в отношении России Западом после присоединения Крыма и войны на востоке Украины. Это привело к инфляции, уменьшению доходов россиян и ухудшило ситуацию во многих отраслях российской экономики.

В **Таджикистане** 1 марта прошли парламентские выборы. Наибольшее количество мест в парламенте получила пропрезидентская *Народно-демократическая партия Таджикистана*. *Партия исламского возрождения Таджикистана* впервые за последние десятилетия не прошла в парламент, набрав 1,5% голосов избирателей.

В **Узбекистане** 29 марта состоялись президентские выборы. Победу одержал действующий глава государства Ислам Каримов, получивший более 90% голосов избирателей. Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ выступило с критикой выборов в Узбекистане в связи с отсутствием политической конкуренции.

В **Казахстане** 27 апреля прошли внеочередные выборы президента страны. За Нурсултана Назарбаева проголосовали более 97% избирателей. В преддверии выборов глава государства озвучил планы пяти институциональных реформ, который он намерен реализовать за свой очередной президентский срок. 22 июня Казахстан вступил во Всемирную торговую организацию, став ее 162-м членом.

В марте-апреле боевики, выдававшие себя за сторонников ИГ, совершили попытки прорваться на территорию **Туркменистана** из соседнего Афганистана.

22 июня *Исламское государство* года объявило о создании ячейки на территории российских северокавказских республик.

В **Армении** в июне вспыхнули массовые акции протеста из-за повышения цен на электроэнергию. Власти попытались разогнать протестующих водометами, но акции протеста возобновились.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В Нью-Йорке с 27 апреля по 22 мая состоялась 9-я Обзорная конференция по выполнению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Госсекретарь США Джон **Керри** в начале конференции обвинил Россию в несоблюдении положений ДНЯО. В ответ глава российской делегации на конференции директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ Михаил Ульянов заявил о нарушении ДНЯО Вашингтоном, осуществляющим в рамках НАТО совместные ядерные учения с неядерными государствами.

Впервые в Обзорной конференции в качестве наблюдателя участвовал Израиль, заявивший об отсутствии претензий к ДНЯО и готовности к диалогу по этой проблеме. При этом израильская делегация обвинила арабские государства в нежелании вести такой диалог.

Евгений Бужинский (Россия), председатель совета ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса — по телефону из Москвы:

Уровень безопасности в мире продолжал неуклонно ухудшаться по причине эскалации боевых действий на востоке Украины и продолжающегося ухудшения обстановки на Ближнем Востоке (деятельность ИГ, конфликты в Сирии и Йемене).

Наиболее негативно на уровень безопасности в нашем регионе повлияло обострение обстановки на востоке Украины: возобновление регулярных обстрелов украинской артиллерией населенных пунктов Луганской и Донецкой областей и ответный огонь ополченцев. Кроме того, напряженность возрастает из-за все более жесткой экономической блокады Донбасса со стороны властей Украины.

С большой натяжкой к позитивным событиям можно отнести очередную встречу рабочих групп в рамках контактной группы по реализации Минских соглашений. Договориться ни по одному

из их пунктов стороны не смогут. Формулировки типа прогресс есть, но прорыва достичь не удалось оптимизма не вселяют.

Осенью-зимой 2015 г. обстановка на востоке Украины будет ухудшаться, вполне возможно возобновление полномасштабных боевых действий с более широким вовлечением в конфликт России. Этому будет способствовать поставка американского оружия украинским вооруженным силам (если Барак Обама подпишет законопроект, принятый 18 июня 2015 г. Сенатом США). Создается стойкое впечатление, что украинское руководство не заинтересовано в нахождении компромиссных решений по урегулированию конфликта, а добивается односторонней капитуляции ДНР и ЛНР всеми возможными средствами при полной политической и вполне вероятной военной поддержке со стороны Вашингтона.

Николай Злобин (США), президент Центра глобальных интересов — по телефону из Вашингтона:

Политическая истерия в США, ЕС и России в отношении вопросов глобальной безопасности усилилась, что усугубило негативный тренд. Американцы решили размещать свои и натовские тяжелые вооружения в непосредственной близости от границ России; Москва заявила о новых межконтинентальных ракетах, которые скоро поступят на вооружение. Документальный фильм о присоединении Крыма, в котором Владимир Путин говорит о том, что Россия была готова привести ядерные войска в боевую готовность, вызвал волну вопросов на Западе. Такое ощущение, что мировая политическая элита хочет немного поиграть на нервах и выбрала в качестве раздражителя вопросы безопасности. Поэтому с обеих сторон звучат такие опрометчивые заявления. Все это привело к ухудшению состояния глобальной безопасности.

Война в Сирии, усиление ИГ на Ближнем Востоке, разногласия США с Израилем также способствовали обострению ситуации в мире. Одним из немногих позитивных событий можно назвать прорыв в отношениях США и Ирана. Для американцев это важное событие в контексте поиска решения сирийской проблемы. Тегеран может повлиять на решение сирийского конфликта и, в случае достижения всеобъемлющего соглашения по ядерной программе ИРИ и отмены санкций, США будут стремиться склонить его на свою сторону по сирийскому вопросу.

Второе позитивное событие — это улучшение отношений США с Кубой. Гава на всегда была окном в Латинскую Америку, что очень важно для Вашингтона. Сегодня Куба, конечно, не играет той роли, которую играла пока у руля был Фидель Кастро, но это по-прежнему ключевая страна, определяющая настроения в Латинской Америке, а потому важная с точки зрения присутствия США в регионе. Намечались позитивные сдвиги и в отношениях США с Венесуэлой.

Осенью-зимой 2015 г. не вижу причин, которые могли бы изменить ситуацию в лучшую сторону. Система международной безопасности продолжит медленно рассыпаться. Проблемы нераспространения ядерного оружия, терроризм, сепаратизм в ряде государств, нарастание угрозы ИГ — все это будет ухудшать безопасность в мире. Страны станут заложниками недоговоренностей, отсутствия компромиссов, нарастающих локальных конфликтов и потенциальных угроз.

Я бы не стал преувеличивать влияние на международную безопасность стартовавшей в США президентской избирательной кампании. В большей мере она рассчитана на внутреннего потребителя. Тематика внешней политики используется в ней в той мере, в какой это необходимо для решения внутригосударственных задач. Для американского избирателя внешняя политика — маргинальная тема, которая не будет иметь решающего значения. Скорее в центре внимания американцев будет экономика.

Египет и арабские государства в ходе Обзорной конференции предложили созвать конференцию по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, а в итоговой документ включить пункт, устанавливающий сроки проведения такой конференции. Это стало причиной отказа США, Канады и Великобритании подписывать итоговый документ.

На Обзорной конференции ДНЯО Россия и Китай заявили, что ратифицировали протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Барак Обама заявил, что представил протокол в Сенат для ратификации. Ранее протокол ратифицировали парламенты Великобритании и Франции.

15 марта МАГАТЭ одобрило создание на территории Казахстана банка ядерного топлива, которым смогут воспользоваться страны, не имеющие доступа к международному рынку урана.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВЫ СЛЫШИТЕ, ГРОХОЧУТ САПОГИ...

К лету 2015 г. вторая холодная война стала ключевым элементом международных отношений, если не в глобальном масштабе, то по крайней мере в северном полушарии. Это закономерный результат того, что конфронтация России и евроатлантического сообщества наций, изначально возникшая в результате событий в Украине и вокруг нее, может перерасти в ядерное столкновение. Перспектива такой эскалации, впервые после 1991 г. ставшая реальной, отодвигает на второй план комплекс ближневосточных конфликтов, противодействие исламскому терроризму, неконтролируемую миграцию в Европу из Африки и другие проблемы, еще недавно игравшие ключевую роль в мировой политике.

И для этого немало оснований. В частности к моменту написания этого обзора можно было ожидать подписания соглашения по урегулированию иранского ядерного кризиса, что приведет к существенному снижению напряженности в зоне Персидского залива и скорее всего заметно усилит конструктивное начало в иранской внешней политике. Из источника напряженности в регионе Иран может превратиться в фактор стабильности, например, играть более заметную, чем ранее, роль в борьбе с Исламским государством.

Но главное все же в другом. Никакие, даже самые масштабные террористические акты *Аль-Каиды*, ужасающие злодеяния Исламского государства, эпидемии Эболы или MERS, финансовые неурядицы в зоне евро, греческая экономическая агония и гражданская война в Сирии не могут сравниться по числу жертв и стратегическим последствиям с ограниченной ядерной войной в густонаселенной Европе, не говоря уже об обмене ракетно-ядерными ударами между Россией и США. И поэтому написание сценариев *мира после ядерной войны*, бывшее до последнего времени любимым занятием авторов триллеров в жанре постапокалипсиса, постепенно становится важной задачей аналитиков оборонных и разведывательных ведомств и консультантов высшего политического руководства ведущих мировых держав.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Первая холодная война была глобальным столкновением двух несовместимых социальных систем и политических идеологий. СССР и его союзники по Организации Варшавского договора (ОВД) ставили своей целью максимально широкое распространение советской модели общественного устройства, имевшей мало общего с социализмом XX в., видя в этом не только свою историческую миссию, но и важное условие выживания в противостоянии с Западом. США, страны — члены НАТО и, в целом, группа демократических государств добивались, как минимум, сдерживания советской экспансии и, как максимум, устранения порождающих ее факторов. Ядерный паритет блокировал военный конфликт НАТО и ОВД в Европе и крупное столкновение советских и американских вооруженных сил в периферийных зонах третьего мира. В итоге силовое противоборство двух блоков было вытеснено в Азию, Африку и Латинскую Америку, где оно обычно принимало форму так называемых *proxy wars*¹. В более широком контексте государства противостоящих систем пытались направлять в свою пользу процессы социальных и политических изменений в развивающихся странах с тем, чтобы расширять и укреплять там зоны своего контроля.

В 1950-х гг. сложились определенные правила поведения в первой холодной войне. В частности *де-факто* признавалось право применения силы для сохранения политического статус-кво в своей зоне влияния в Европе, а также поддержка, в том числе поставками оружия и направлением военных советников, своих клиентов в третьем мире. Однако крупномасштабное использование советских или американских войск для изменения соотношения сил в регионах за пределами Европы вызывало жесткую реакцию противостоящей стороны. Так, государства — члены НАТО более чем спокойно восприняли подавление Советским Союзом демократического восстания в Венгрии в 1956 г. и оккупацию Чехословакии в 1968 г., ограничившись словесным осуждением действий Москвы, но крайне негативно отреагировали на советское вторжение в Афганистан.

Нынешняя холодная война имеет не глобальный, а региональный характер. Непосредственное вооруженное противоборство пока ограничено Украиной, но в случае эскалации конфликта и вовлечения в него государств НАТО, что никоим образом не исключено, район боевых действий распространится на Южную Балтию, западное Причерноморье, западные области России, Центрально-Восточную Европу, возможно, на Беларусь и акваторию северных морей, прилегающую к Кольскому полуострову. Если же в вооруженном противоборстве будет применено ядерное оружие, в зоне поражения может оказаться не только весь европейский континент, включая, разумеется, европейскую часть России, но и Северная Америка.

Причины второй холодной войны часто связывают с аннексией Россией Крыма, превращением его в российский *непотопляемый авианосец* и гибридной войной в Восточной Украине. Действительно, эти акции разрушили сложившийся после окончания первой холодной войны международный порядок в восточной части Европы, создали угрозу распространения нестабильности на страны Вышеградской группы, прибалтийские государства и Молдову. Но много важнее тот факт, что политика России в отношении Украины представляет частный случай реализации стратегической доктрины, ставящей гораздо более амбициозные цели, чем удержание Украины в поле российского доминирования. Об этом, например, вполне

откровенно свидетельствуют прокремлевские эксперты, объясняя украинский кризис переходом России в *геополитическое наступление*. Так, директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин писал: «Если суммировать и говорить только об основном, Россия прекратила геополитическое отступление, перешла от пассивности к активным действиям не только конкретно в украинском вопросе, но и в своей международной политике. ...Ясно одно — длительная эпоха российской сравнительной пассивности в отношении своих задач и интересов закончилась. Россия выступает на международную арену как активный игрок, который не боится конфликтов с ведущей страной мира²».

Как это ни печально, Тренин прав. Во второй половине 2013 г. — начале 2014 г. Москва перешла к агрессивному преследованию своих интересов на международной арене, далеко выходящих за рамки украинского кризиса. Правда, конкретное содержание этих интересов формулируется по-разному. Одни говорят о вынужденной и защитной реакции на якобы имманентно присущее США стремление минимизировать влияние России на мировой арене и даже уничтожить ее как независимый субъект международной политики. Другие видят стратегическую цель Кремля в консолидации вокруг Москвы так называемого русского мира, т. е. присоединении к России прилегающих к ее границам областей со значительной долей русского населения. Третьи связывают поворот во внешней политике России с нежеланием Запада считаться с ее интересами, не объясняя, правда, почему, собственно, Запад должен это делать, особенно, если его интересы не совпадают с представлениями Кремля об идеальном устройстве международных отношений.

На деле, скорее всего, Москва добивается возвращения к новому варианту ялтинско-потсдамской системы: к очередному разделу Европы на сферы влияния и участия России на равных с США и, возможно, Китаем условиях в решении ключевых проблем современности. Станислав Белковский, весьма информированный российский аналитик, справедливо заметил: «Украина важна Путину не сама по себе, а как инструмент, рычаг и плацдарм принуждения Запада к любви. Украина — это способ послать священное послание Обаме и Меркель с целью организовать Ялту-2. То есть вернуться из современного мира, который сформирован условно-досрочно 9 ноября 1989 г. на руинах Берлинской стены, мира, где нет фиксированных зон влияния, где все решают не войска, не грубая сила, а идеи и технологии, в ялтинско-потсдамский мир, где есть фиксированные зоны влияния, а ключевой вопрос, сформулированный Сталиным, одним из главных архитекторов ялтинско-потсдамского мира, — сколько дивизий у папы римского... То есть Путин идет против истории. США и ЕС не хотят ему это позволить, потому это разговор слепого с глухим. А Украина — это инструмент слепого, или глухого, как угодно, заставить противоположные стороны договориться. Инструмент, который пока не работает, но который несет все время издержки от этого нереализованного геозеротического желания³».

Сколь бы циничным это не выглядело бы, но вовсе не исключено, что США и европейские государства в конечном итоге приняли бы аннексию Крыма, если бы им удалось договориться о размещении там ядерного оружия, и утверждение российского контроля над Донбассом. Статус последнего, вообще, не затрагивает интересы Европы, не говоря уже о Соединенных Штатах. Но для Запада неприемлемы:

- Остающаяся реальной перспектива крупномасштабного российского вторжения в Украину, неизбежно превращающего страну, находящуюся рядом с Европейским союзом, в которой, помимо всего прочего, имеются четыре крупные АЭС, в своего рода *черную дыру*, зону боевых действий, экономической катастрофы и запредельной социально-политической нестабильности.
- Угрозы Кремля применить ядерное оружие в случае эскалации конфликта и становящаяся все более очевидной ставка российского руководства на использование ядерного оружия в случае вооруженного противостояния со странами НАТО.
- Изменение международного порядка в Европе, на котором настаивает Москва, и претензии Кремля на участие в решении ключевых стратегических и экономических проблем наравне с США, ЕС и Китаем. Западные элиты просто не могут понять, почему, собственно, такое право должно быть предоставлено экономически слабой стране, фактически превратившейся в нефтегазовый придаток Европейского союза.

Особую тревогу на Западе вызывает иррациональный характер внешней политики России, в том числе неспособность Кремля предвидеть результаты своих действий на международной арене. Аннексия Крыма вызвала в российском обществе всплеск шовинистических настроений и фантастический рост рейтинга президента Путина, чем, собственно, и ограничились позитивные для российской власти результаты украинского кризиса. При этом, однако, никто не знает, насколько прочным является такое состояние общественного сознания. В остальном же российское вмешательство в украинские дела обернулось для России стратегическими, политическими и экономическими убытками. Украина из дружественной страны превратилась в государство, глубоко враждебное России. Вооруженные силы НАТО появились в Балтийском регионе на российских границах, что всегда рассматривалось в Москве как серьезная угроза безопасности страны. Российское руководство оказалось в международной изоляции. Экономические санкции болезненно сказываются на экономике, и без того ослабленной снижением цен на нефть, а также заметно осложняют реализацию амбициозной программы перевооружения армии и флота. Милитаризация Крыма, бесспорно, отвечает интересам военного командования, но одновременно она подталкивает НАТО к укреплению своего военного потенциала в Северо-Западном Причерноморье. Иными словами, действия Москвы в Украине привели к целой серии крупных внешнеполитических поражений России, притом что ни одна из целей, которые ставил перед собой Кремль достигнута не была.

Неудивительно, что в США и Европе складывается устойчивое представление, что Россия представляет собой страну, имеющую второй по величине в мире арсенал ядерного оружия, политика которой, включая решения о применении военной силы, формируется не на основе тщательного анализа последствий того или иного шага на международной арене, но в результате плохо продуманных, возможно, спонтанных решений, под влиянием эмоционально окрашенных мотивов крайне узкого круга лиц, принадлежащих к высшему руководству. Это создает не приемлемый для США и европейских государств уровень военной угрозы, нейтрализация которой становится первостепенной задачей Запада.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК В УКРАИНЕ

Хотя вторая холодная война давно уже переросла рамки украинского кризиса, последний до сих пор является ее центральным элементом, и во многом он определяет развитие событий в намного более широком стратегическом контексте.

Действия России в Украине часто считают наиболее ярким и полным примером стратегии и тактики так называемой гибридной войны. Не углубляясь в дискуссию о том, насколько новым стратегическим феноменом является такая война и можно ли, например, трактовать вьетнамскую войну 1960–1975 гг. как гибридную агрессию СРВ против Южного Вьетнама, заметим лишь, что отдельные элементы гибридных войн реализовывались в ходе многочисленных войн за национальное освобождение, разного рода *proxy wars* и революционных авантюр в третьем мире во второй половине XX в. Можно также добавить, что теория гибридной войны впервые в относительно полном виде была сформулирована выдающимся русским военным мыслителем Евгением Месснером в монографии *Всемирная мятежвойна*, ставшей в 2000-е гг. настольной книгой офицеров российского Генерального штаба⁴. В частности, Месснер писал: «Воевание без войск — воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры, чему порукой факты из недавнего прошлого. Иррегулярство, не поддержанное войском (инструкторы, оружие, медикаменты, одежда, деньги), беспомощно. Оно становится мощным, получив и материальную поддержку войска, и моральную: успехи войск усиливают активность иррегулярных сил и увеличивают их численность⁵».

Невольно возникает впечатление, что сепаратистский мятеж на Донбассе во многом развивался по схемам, разработанным Евгением Мейснером в начале 1960-х гг. Это впечатление усиливается в результате знакомства с изысканиями руководителей российского Генерального штаба, появившимися на свет в первой половине нынешнего десятилетия.

Российское политическое руководство и военное командование, аналитики оборонного ведомства, разведывательных и академических учреждений в начале 2010-х гг. пришли к выводу, что крах окаменевших режимов в арабских странах, а также так называемые *цветные революции* в Грузии в 2003 г. и в Украине в 2004–2005 гг. порождались не народным недовольством правящими кликами и обострившимися противоречиями в элитах, как это было на самом деле, но являлись результатом иностранного вмешательства, включая разного рода подрывные операции, психологическую войну и военное давление извне. На этой основе разрабатывались меры, призванные нейтрализовать такого рода гипотетическое вмешательство в российские политические процессы, а также стратегия и тактика российских гибридных войн в государствах ближнего зарубежья.

Впервые российское представление о гибридных войнах было публично сформулировано, правда, в довольно общей форме начальником Генерального штаба ВС РФ генерал-полковником Валерием Герасимовым в начале 2013 г. Выступая на собрании Академии военных наук он сказал: «...Сами *правила войны* существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических,

информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте⁶».

Годом позже, весной 2014 г., начальник Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник Владимир Зарудницкий представил более развернутый и детальный сценарий гибридной войны.

«...Разложить государство изнутри легче, чем покорить его оружием, — сообщил он участникам III Московской конференции по международной безопасности. — Механизм агрессии заключается в том, что государство-агрессор (или коалиция стран) раскалывает страну-жертву изнутри. Для этого всячески инспирируются, разжигаются имеющиеся внутренние противоречия. ...Затем эти противоречия трансформируются в открытое противостояние оппозиционных сил и правительства. Если правящий режим пытается сохранить власть, следующим этапом становится гражданская война. ...С развертыванием оппозицией военных действий против правительственных войск, иностранные государства осуществляют военную и экономическую помощь мятежникам. В дальнейшем коалицией стран, принимающих участие в свержении законного правительства, может проводиться военная операция с целью разгрома правительственных войск и оказания содействия силам вооруженной оппозиции в захвате власти⁷».

Разумеется, в публичных выступлениях руководители российских вооруженных сил утверждали, что обрисованные ими сценарии гибридных войн относятся только и исключительно к политике и стратегии западных государств. Однако бросается в глаза, что действия России в Восточной Украине в полной мере соответствуют схемам, представленным Герасимовым и Зарудницким.

Объем и задачи данного обзора не позволяют, к сожалению, сколько-нибудь подробно проанализировать ход гибридной войны в Восточной Украине. Однако принципиально важен ставший очевидным в мае-июне 2014 г. провал так называемого *проекта Новороссия*, предполагающего захват власти в восьми юго-восточных областях Украины пророссийскими сепаратистскими кругами, отделение этих областей от Украины *де-юре* или *де-факто* и создание на их территории некоего квазигосударственного образования под российским протекторатом⁸. Реализация этого проекта имела для Кремля очевидный смысл: Россия приобретала ключевые, подчас уникальные промышленные предприятия, имеющие особое значение для военно-промышленного комплекса; под ее контроль переходили важнейшие черноморские порты и стратегические транспортные коммуникации; открывался бы сухопутный коридор в аннексированный Крым; российские войска вышли бы на границы Молдовы, что принципиально изменило бы военно-стратегическую обстановку в западном Причерноморье и в более широком геополитическом регионе, охватывающем, в частности, северные районы Балкан. Однако украинские власти смогли подавить, хотя пока далеко не полностью, сепаратистские группировки и проявления в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Николаеве, несколько стабилизировать там политическую обстановку и удержать эти обла-

сти под своим контролем. В итоге, вместо обширной Новороссии под контролем Москвы оказались в общем-то никому, и прежде всего самой России, не нужные несколько районов Донецкой и Луганской областей.

Далее, весной 2015 г. на востоке Украины сложился военно-политический тупик. Действуя по лекалам гибридной войны, Москва вооружает и обучает в этих районах группировки сепаратистов, сколачивая из них более или менее эффективную регулярную армию. Однако опыт войны на Донбассе показывает, что местные маргиналы и прибывшие из России наемники воюют скверно и не могут противостоять украинским войскам. Поражения украинской армии под Иловайском в августе прошлого и под Дебальцево в феврале этого года были результатом участия в боях регулярных сил российской армии. В решающие моменты эти силы, по надежным украинским и западным данным, насчитывали до 10 так называемых батальонных тактических групп общей численностью около 10 тыс. человек.

Наличие в сепаратистских образованиях и вблизи них российских регулярных частей приводит к тому, что сегодня и в ближайшей перспективе украинская армия и Национальная гвардия не в состоянии освободить захваченные сепаратистами и российскими войсками районы Донецкой и Луганской областей. Но без крупномасштабного участия в боевых действиях российских регулярных сил сепаратисты не могут сколько-нибудь заметно изменить в свою пользу сложившуюся в регионе военно-политическую ситуацию. Кремль, в свою очередь, постоянно угрожает вооруженным вторжением, регулярно концентрируя вблизи украинской границы крупные силы, перебрасывая в контролируемые сепаратистами районы тяжелое вооружение и боеприпасы и направляя туда военных советников и инструкторов. Это ставит вопрос: какими, собственно, силами располагает Россия для действий против Украины и какие стратегические цели эти силы могут достичь?

Российские и зарубежные эксперты в общем согласны с тем, что в периоды максимального обострения обстановки в Донбассе Москва развертывала на границах с Украиной до 80 тыс. солдат и офицеров, из них около 40 тыс. человек в боевых частях⁹. Видимо, это максимум того, что Москва может выделить для операций против Украины. Известный российский военный эксперт Александр Гольц подчеркивал: «Наиболее вероятной причиной, почему Крымский сценарий не был повторен в Восточной Украине, является ограниченный уровень российских возможностей. У Кремля просто нет войск, необходимых для того, чтобы оккупировать Донецкий и Луганский регионы. Важно подчеркнуть, что все элитные части российской армии уже были использованы (для военного давления на Украину. — Ю. Ф.)¹⁰».

Даже если эта оценка не совсем точна и российские войска могут оккупировать Донецкую и Луганскую области, это потребует всех или почти всех развернутых против Украины сил и масштабного применения боевой авиации. Поскольку ее у сепаратистов нет, это сразу же подтвердит, что российские войска принимают участия в войне в Донбассе. Неизбежны также крупные, исчисляемые тысячами, потери личного состава и массовая гибель мирного населения, особенно при штурме таких городов, как Славянск и, особенно, Мариуполь.

Еще сомнительней выглядит попытка проложить так называемый *коридор* в Крым, иными словами, оккупировать южные части Запорожской и Херсонской областей. Аналитики американского исследовательского и разведывательного центра *Стратфор* подсчитали, для того чтобы захватить эти территории, потребуется

36 тыс. солдат и офицеров, но, для того чтобы отразить контратаки украинских войск и подавить сопротивление населения, их потребуется уже 52 тыс. человек, т. е. чуть больше, чем развертывалось вдоль всей российско-украинской границы в пиковые моменты противостояния¹¹.

С этими расчетами можно соглашаться или не соглашаться, но они высвечивают два ключевых обстоятельства. Первое — удержание оккупированных территорий и контроль над их населением требует на 30–40% больше войск, чем для их захвата, второе — крупное военное вторжение в Украину практически наверняка приведет к сковыванию там большей части боеспособных соединений российских сухопутных войск и ослаблению позиций на других направлениях. И наконец российская верхушка не может не учитывать крайне негативную реакцию Запада на эскалацию военных действий против Украины. Неизбежны ужесточение санкций, которые и без того скверно сказываются на экономике страны, дальнейшая изоляция на международной арене, поставки современного эффективного вооружения Украине.

Поэтому нет ничего удивительного, что Кремль сегодня делает ставку на то, что в результате экономических трудностей, нерешенных и обостряющихся социальных проблем, войны на востоке, а также медленного и нерешительного продвижения реформ украинское общество разочаруется в нынешнем руководстве и к власти в Украине придут пророссийские круги.

Действительно, экономическая и политическая ситуация в Украине более чем сложна. Растет разочарование нынешним руководством страны. Однако оно вызвано медленными темпами реформ, явно недостаточной борьбой с коррупцией, неспособностью правительства и президента восстановить мир и правопорядок в Донбассе. Некоторое падение рейтинга президента П. Порошенко и правительства не сопровождается ростом популярности пророссийских сил. Опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в мае 2015 г., показал, что Оппозиционный блок, возникший из остатков Партии регионов, может получить не более 10% голосов, тогда как партии демократической и европейской ориентации в совокупности набирают более 80% поддержки тех, кто готов прийти на выборы. Заметно, примерно в три раза, сократилась доля сторонников экономической интеграции с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Если с сентября 2013 г. доля сторонников вступления в ЕС выросла с 41 до 47% — рост, скажем прямо, не слишком впечатляющий, — то поддержка вступления в Таможенный союз снизилась с 35 до 12%¹². В 2,5 раза, т. е. с 18% в 2011 г. до 43% в 2015 г. выросла доля респондентов, выступающих за вступление Украины в НАТО¹³. Иными словами, в украинском общественном сознании произошли принципиальные изменения. И даже если в Украине произойдет смена руководства, к власти, скорее всего, придут не пророссийские круги, но политические силы, возможно, более решительно, чем нынешнее руководство, выступающие за глубокие реформы политической и экономической систем и интеграцию с Европой.

Таким образом, российская политика в отношении Украины зашла в тупик. Наиболее логичным выходом из него было бы выполнение Москвой *Минских соглашений*, прежде всего вывод из контролируемых сепаратистами районов Донбасса российских войск и наемников, прекращение поставок туда вооружений и боеприпасов, передача контроля над границей украинским войскам. Это открыло бы путь к нормализации отношений с Западом и смягчению экономи-

ческого кризиса в самой России. Однако пока нет признаков того, что Кремль готов такому повороту внешней политики. Это свидетельствует о том, что политика по-прежнему определяется не рациональным сравнением рисков и выгод, но эмоциональными мотивами и далекими от реальности представлениями об окружающем мире.

ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: ПЕРСПЕКТИВЫ

Перспективы второй холодной войны в конечном итоге определяются соотношением экономических, военных и политических сил России и стран Запада, прежде всего входящих в НАТО. Вопрос можно сформулировать следующим образом: не повторит ли Россия судьбу СССР, проигравшего первую холодную войну и распавшегося во многом в результате нарастающего экономического бремени гонки вооружений? Этот вопрос тем более актуален, что нынешняя Россия существенно слабее СССР не только экономически, но и в военном и политическом отношениях.

По оценкам ЦРУ США, в конце 1980-х гг. советский ВВП составлял 2,65 трлн долларов США (в текущих ценах) или примерно половину ВВП Соединенных Штатов¹⁴ и около одной четвертой совокупного ВВП стран — членов НАТО¹⁵. При этом, по оценкам СИПРИ, в 1988–1989 гг. военные расходы СССР достигали соответственно 246 и 218 млрд долларов США (в текущих ценах), тогда как военные расходы США в эти годы составили 293 и 304 млрд долларов¹⁶. Совокупные военные расходы стран — членов НАТО в 1988 г. достигли 454 млрд долларов¹⁷.

Разумеется, можно найти и иные оценки советских ВВП и военных расходов. В частности нередко утверждают, что в последние годы существования СССР его военные расходы достигали 15–20 и даже 25% ВВП. Возможно, эти утверждения справедливы, но, может быть, они складывались под влиянием тех или иных политических установок. Сложность также в том, что советские, а впоследствии российские аналитики и политические деятели, как правило, не приводят каких-либо методик пересчета советских рублей в американские доллары, не всегда указывается, имеется в виду пересчет по рыночному курсу или на основе паритета покупательной способности (ППС) и т. д. В свете этого оценки ЦРУ и СИПРИ представляются, если и не слишком точными, но все же близкими к реальности или по крайней мере правдоподобными.

Если исходить из них, то положение дел накануне краха СССР выглядит следующим образом. Советский Союз был способен поддерживать стратегический паритет с США и НАТО, расходуя на военные цели около 10% ВВП, что в разные годы составляло от 70 до 80% военных расходов США и примерно половину или чуть меньше совокупных военных расходов НАТО. И хотя значительная часть советского военного потенциала была предназначена для противоборства с Китаем, отвлечение сил на восток в известной мере компенсировалось военным потенциалом союзников СССР по ОВД. При этом отвлечение 10 или более процентов ВВП на военные нужды стало одним из ключевых факторов экономического, а затем и политического краха Советского Союза.

Нынешнее соотношение экономических сил на мировой арене намного хуже для России, чем это было в конце 1980-х гг. для СССР. В первой половине 2000-х гг.

ВВП России составлял от 12 до 14% от ВВП США и около 6% совокупного ВВП США и Европейского союза. Иными словами, Россия в сопоставлении с США и Европой экономически в 3–4 раза слабее, чем был СССР в конце своего существования.

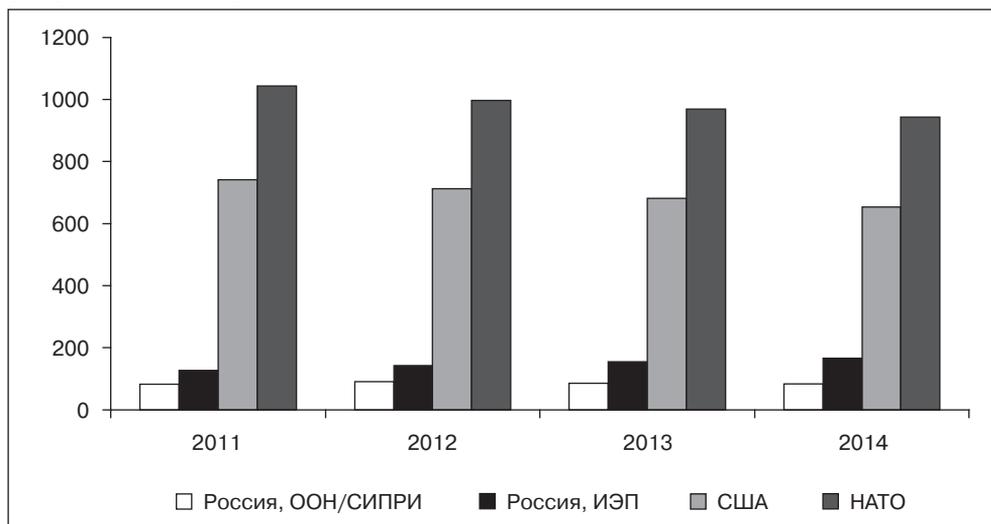
Таблица 1. ВВП России, США, ЕС и Японии, 2011–2014 гг. (по данным МВФ, трлн долл США, текущие цены)¹⁸

	2011	2012	2013	2014
Россия	1,9	2,0	2,1	1,9
США	15,5	16,2	16,8	17,4
ЕС	18,3	17,2	17,9	18,5
Мир	72,2	73,4	75,8	77,3

Значительно изменилось по сравнению с концом 1980-х гг., причем не в пользу России, соотношение ее военных расходов с военными расходами США и НАТО.

Действительно, если в 1988–1989 гг. военные расходы СССР достигали примерно половины военных расходов НАТО, что было достаточно для поддержания стратегического паритета, то в 2011–2014 гг. в зависимости от методики подсчета и пересчета в доллары США они составляли от 8–9 до 12–17% соответствующих рас-

Диаграмма. Военные расходы России^{*)}, США и НАТО, 2011–2014 (млрд долл. США)¹⁹

*) Белым обозначены военные расходы России, рассчитанные по методологии ООН и СИПРИ, черным — суммарные военные ассигнования, связанные с текущей и прошлой военной деятельностью, исчисленные по методологии Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара и пересчитанные в доллары США с учетом ППС.

ходов НАТО. При этом военное обременение российской экономики (4,79% ВВП) заметно выше, чем американской (3,6% ВВП) и, особенно, европейских стран — членов НАТО, у которых этот показатель не достигает 2% ВВП²⁰. Таким образом, если военный паритет НАТО и СССР поддерживался при соотношении военных расходов 2:1 в пользу НАТО, для того чтобы выйти на этот уровень, затраты на оборонные нужды в России должны достигнуть 400–500 млрд долларов, т.е. увеличиться в 3–4 раза и составить 15–16% ВВП. Избежать экономической катастрофы при таком развитии событий невозможно.

Соотношение экономических потенциалов и военных расходов — важный, но далеко не единственный фактор, определяющий перспективы и конечный итог нынешней холодной войны. Качество экономики, в том числе способность создавать современные высокотехнологичные вооружения, критическим образом зависит от состояния научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, что в самом грубом приближении определяются объемом средств, выделяемых на данные цели.

Таблица 2. Расходы США, ЕС, Китая, Японии и России на НИОКР, 2011 г. (млрд долл. США в пересчете по ППС и% ВВП)²¹

	Млрд долл. США	Доля ВВП,%
США	429	2,85
ЕС	320	1,94
Китай	208	1,84
Япония	146	3,39
Россия	35	1,09

По этому показателю Россия безнадежно отстала от США, ЕС, Китая и Японии. Суммарные расходы технологически развитых держав (США, ЕС и Японии) на НИОКР почти в 30 раз (!) превышают соответствующие ассигнования в России, что, в свою очередь, предопределяет принципиальное отставание российского оборонно-промышленного комплекса и, следовательно, низкий, по сравнению с американским, европейским и японским технологический уровень вооружений и военной техники.

Наконец необходимо учитывать импортную зависимость российской промышленности в целом и ее оборонного сектора в частности. Так, по данным российского Министерства промышленности и торговли, доля импорта в продажах на российском рынке продукции станкостроения в 2014 г. превышала 90%, продукции электронной промышленности — 80–90%, продукции тяжелого машиностроения — 60–80% и т.д.²². В открытой литературе нет сколько-нибудь полных сведений об импортной зависимости российской оборонной промышленности. Однако учитывая, что производство вооружений является важной частью машиностроения, можно приблизительно оценить насколько оборонный комплекс промышленности зависит от поставок оборудования, сырья, комплектующих и прочего из-за рубежа, прежде всего из промышленно развитых стран Запада. Соответствующие расчеты, проведенные в Институте Т.Е. Гайдара, показывают, что такая производственная зависимость машиностроительной отрасли от импорта составляет от 25 до 40%²³.

Таблица 3. Производственная зависимость машиностроительного комплекса от импорта, 2006–2013 гг., в%²⁴

	2006	2012	2013
Машиностроение в целом	13,4	35,8	36,5
В том числе производство			
машин и оборудования	14,9	29,3	30,1
электрического, электронного и оптического оборудования	15,3	25,5	24,1
транспортных средств	11,9	41,3	42,4

В целом такая импортная зависимость означает, что в случае расширения экономических санкций и полного прекращения поставок в Россию из США, Европы и Японии товаров и технологий военного и двойного назначения, в том числе оборудования для производства вооружений и военной техники, а к этому дело идет, российский оборонно-промышленный комплекс может испытать самые серьезные трудности, вплоть до коллапса.

При этом необходимо учитывать, что по ряду позиций импортная зависимость предприятий оборонно-промышленного комплекса достигает 100%. Так, Яков Миркин, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, пишет: «Новейшее оборудование, поставляемое на предприятия ОПК <...> практически на 100% оснащено импортным твердосплавным инструментом. А инструмент — это хлеб промышленности»²⁵.

ИТАК, ЦУЦВАНГ

Аннексировав Крым и развязав войну на востоке Украины, Кремль попал в историческую и стратегическую ловушку. Продолжение нынешней политики неизбежно ведет к гонке вооружений, выиграть которую Россия не может, нарастанию вооруженных сил НАТО на российских границах и, весьма вероятно, развертыванию в Центрально-Восточной Европе американских носителей ядерного оружия средней дальности. Последнее может рассматриваться в США и НАТО как единственная возможность нейтрализовать исходящую от России угрозу использования ядерного оружия в случае эскалации вооруженного противостояния. Однако жизненно необходимый для России пересмотр политических и стратегических установок воспринимается российским руководством как капитуляция перед превосходящими силами Запада и, следовательно, в обозримом будущем маловероятен. Со своей стороны Запад, прежде всего США, учитывая опыт 2014–2015 гг., не склонен доверять словам Москвы. В итоге нормализация отношений с Западом вряд ли возможна без решения актуальных проблем военной безопасности в Европе, прежде всего проблемы тактического ядерного оружия, что вряд ли приемлемо для российского генералитета и элиты военной промышленности. Иными словами, ожидать прекращения второй холодной войны пока оснований нет.

Юрий Федоров

То, что современная система международных отношений, в том числе отношений в военно-силовой сфере, представляет собой нарастающее хаотизированное пространство, кажется уже непроходимой банальностью. Велик соблазн объявить все происходящее временной флуктуацией, связанной с действиями одного, двух, максимум пяти мировых лидеров, которые хотели бы остановить умиротворяющее движение вперед нового мирового порядка. Но 4–5 лидеров, оспоривших перспективы развития человечества, — это довольно много. Особенно учитывая, что еще в начале 2000-х глобальный умиротворяющий консенсус оспаривал только чегеваровец Уго Чавес, да, вероятно, Ким Чен Ир, впрочем, последнее не точно. И это не считая тех, кто предпочитает *мудро молчать*, ожидая, чем дело кончится. Но они уже думают в новом формате и в новых терминах.

Думаю, максимум, через полтора года современное состояние мировых политических и силовых процессов — если наблюдаемые нами процессы сохранятся, конечно, — придется объявить не *флуктуацией*, а *тенденцией*, а затем и *новой парадигмой развития*. Как объявили санкции, а в действительности глубочайший погром функционировавшей 20 лет системы торговли в Европе, долговременным состоянием.

ЯВЬ И НАВЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ И ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Русские сказки поразительно точно отражают общественное восприятие мировой политики. То, что общество видит перед собой и, кажется, логику чего оно понимает, относится к *миру яви*, т. е. к *миру познанного*. Мир познанного показывают в телевизоре, обсуждают у подъезда, десятки тысяч *диванных экспертов* препарируют его кто в *Фейсбуке*, кто за столом для домино. Но помимо *мира яви* в русских сказках существует и *мир навь*, откуда приходят в *мир яви* сказочные и, как правило, недобрые персонажи. Мировое сообщество боится *мира навь*, в том числе и потому, что плохо знает, что там происходит и по каким законам там развивается жизнь. Этот феномен — погружение в непознаваемую тьму — блистательно описан британским писателем Дж. Конрадом в романе *Сердце Африки*.

В политике и политологии принято думать, что *навь* это — конспирология. Это неверно. Иногда это то, что никто и не думает особо скрывать, просто то, что находится вне *зоны постоянного внимания*. СМИ. Современное *информационное общество* — жестокая и злая вещь. Она, давая кажется неограниченный доступ к информации, ограничивает *фокус внимания* наблюдателя наиболее привлекательной и, что тут спорить, понятной картинкой. Собственно, *картинка* эта, *мир яви*, с точки зрения международных силовых процессов не слишком меняется скоро как полтора года. Просто перечислим:

- Кровавая реализация при участии ИГИЛ американской стратегии Большого Ближнего Востока и постепенный выход ситуации из-под контроля. Было бы серьезной ошибкой рассматривать Сирию или Ирак как сердцевину нестабиль-

ности на Ближнем Востоке. Это уже не так. Перелом наступил в тот момент, когда ИГИЛ и его партнеры приступили к структурированию собственной государственности. Мы еще даже не до конца понимаем стратегических последствий этого, но ясно, что нестабильность на Ближнем Востоке — это больше, чем Ирак, больше, чем Сирия и, вероятно, уже даже больше, чем ИГИЛ. Вопрос в том, насколько больше.

- Кризис безопасности Саудовской Аравии, новым витком которого стало сообщение о захвате слабо известной организацией *Ахрар эн-Наджран* военной базы на территории Саудовской Аравии. Было бы верхом наивности со стороны саудовцев думать, что, активно включившись в процессы территориальной перекройки региона и стимулируя нестабильность, кажется, во всех арабских странах, можно будет избежать последствия для себя. После того как в Йемене *что-то пошло не так*, надеяться на то, что удастся остаться в стороне, было и вовсе неумно. Так что для саудитов будет большой удачей, если все ограничится потерей некоторых приграничных территорий.
- Нарастание напряженности в Восточной Азии и пропагандистские войны на Корейском полуострове. Ким Чен Ын, добиваясь полноты власти внутри страны, пытается стать политиком, с которым можно *общаться нормально*, а южнокорейские политики и пропагандисты стремятся доказать, что Ким Чен Ын — монстр, на которого и глядеть-то опасно. Вообще по степени *нуарной креативности* южнокорейцы далеко превзошли своих северных соседей и, если по совести, *лодку* на Корейском полуострове раскачивают именно они.
- Стратегический тупик Турции и персонально Т.-Р. Эрдогана. Выход из которого совершенно необязательно будет лежать в русле парадигмы *исламима с человеческим лицом*, характерного для Анкары в последние 10–12 лет. Нельзя исключать и возможность возвращения к *милитаристской* парадигме управления и нового издания *военно-прозападной модели* государственности — вектору, который был основой турецкой политики более 50 лет. А это заявка на слом тех процессов, к которым мы за последнее десятилетие привыкли.

Остальное пространство мировой политики и безопасности оказывается в некоем сокрытом мире, *мире нави*, откуда к нам приходят совершенно непонятные, почти всегда пугающие образы, как *гуси-лебеди*, уносящие с собой наш обывательский, да и политологический комфорт. Однако зададимся вопросом: что же все-таки лежит в этом пресловутом мире *нави*, от которого нас так настойчиво отвлекают глобальные пропагандисты? Вглядимся в туманную даль:

Возвратная напряженность на Балканах, которые еще 1,5–2 года назад считали *полностью интегрированными* в систему европейской безопасности (и экономических субсидий, что немаловажно). Сама по себе *Великая Албания*, конечно же, угрозой для европейской безопасности не является. Особенно учитывая, что этот проект еще с начала 1990-х гг. активно прорабатывался в Вашингтоне и тогда еще в Бонне. Более того, при определенных условиях он мог бы стать и стабилизирующим фактором, хотя и с некоторыми специфическими, мягко говоря, элементами типа криминала или склонностей к этническим чисткам. Возникло бы контролируемое Западом, в том числе в силу экономической несостоятельности и отвратительных отношений со всеми соседями, крупное государство с мощным силовым потенциалом, которое вполне могло бы сыграть роль *цепного пса* Запа-

да, коим, к примеру, была Польша между двумя мировыми войнами. Особенно никаких обязательств по отношению к *Великой Албании* можно было и не брать — никто бы не счел чем-то предосудительным отсутствие обязательств перед *региональным хулиганом*. Однако *Великая Албания*, построенная на основе исламизма, будет представлять реальную угрозу для европейской стабильности, особенно чувствительную на фоне других проблем.

Нарастание проблем в подбрюшье Европы, в Северо-Восточном Средиземноморье. Вероятно, мы можем говорить о полноценном *кризисе безопасности* для европейских стран, связанном с системной дестабилизацией данного региона. Причем если с проблемами на Балканах Европа уже за последние 25 лет свыклась (во всяком случае ничего принципиально нового для взора европейцев там не происходит), то наплыв нелегалов в таком количестве через Средиземное море стал серьезным дестабилизирующим фактором. Причем нелегалов с плохо скрываемым религиозным *душком*, что явно застало *наших уважаемых европейских партнеров* врасплох. Отсюда и метания от заявлений о готовности топить лодки с мигрантами до идеи их квотного расселения по всему ЕС, не исключая прибалтийские страны. Главной проблемой становится не отсутствие возможностей реагирования на новую угрозу, а отсутствие политической воли к жесткому реагированию. Ясно одно: этот вызов безопасности Евросоюза носит долгосрочный характер, а как в нем будет усиливаться силовой дестабилизационный компонент, покажет время. Но то, что он — силовой компонент — в той или иной степени будет присутствовать в этой ситуации, — сомнений почти нет.

Передел Африки. Все привыкли, что в Африке постоянно кто-то кого-то режет и убивает, причем никто особо уже даже не интересуется кто и кого. Для того чтобы мировое сообщество вспомнило об Африке, необходимо совершить что-то уж совсем выдающееся, желательно в сфере кровопускания. Однако нельзя не заметить, как Китай медленно, но верно пробивает в Африке *экваториальный коридор*, который, если он будет стабилизирован и обеспечен инфраструктурой, создаст совершенно новую геополитическую и геоэкономическую ситуацию в мире. Собственно, то, чем занимается Китай (с переменным успехом в силу особенностей китайской политической культуры), вполне ложится в формулу *денеколонизации* континента, подобно тому, как хрущевский СССР занимался его деколонизацией. Китайцам осталось создать своего Патриса Лумумбу с подобной же, естественно, судьбой (а как иначе?), и тогда аналогия будет полной. Вопрос в том, что для модернизации Африки или даже только ее ресурсно-ценных регионов сейчас понадобится их стратегическое умиротворение, которое вряд ли достижимо несиловыми способами. Впрочем, для Китая это будет хорошей *пробой пера* в глобальном проецировании силы, причем куда более геополитически безопасным, нежели предыдущая попытка КНР продемонстрировать свою военную мощь в 1979 г. в ходе войны с Вьетнамом, после которой Поднебесная ограничивалась исключительно военными демонстрациями и учениями. Если это случится, тогда мир действительно поверит в *пробуждающего дракона*. А нет — ограничимся восхищением успехами Китая в производстве плюшевых игрушек для американского рынка.

Новый раунд развития американской ПРО. В которой уже мало что осталось от первоначального замысла и ориентации на защиту европейских стран от пары десятков *иранских ракет*. Тем не менее проект не потерял ни масштабности, ни амбициозности. Просто его направленность против России стала более ясной

и очевидной. Что пока неочевидно, так это то, насколько годы *политического диалога* вокруг ПРО дали возможность США совершить тот технологический рывок, которого им явно не хватало на предыдущем витке. Конечно, никто пока не снял с повестки дня бюджетные ограничения и необходимость политически договариваться с *союзниками*, но политический контекст для полноценного развертывания американской системы ПРО в Европе сейчас более благоприятен, чем когда-либо. Это не так много изменит с учетом решений России по развитию стратегических ядерных сил, но, конечно, внесет дополнительную напряженность в развитие ситуации. Впрочем, наверное, покажусь многим радикалом, но скажу, что теперь, когда направленность американского проекта становится уже окончательно очевидной, иранские ракеты как фактор, дополнительно способствующий восстановлению баланса сил, очень бы не помешали.

Милитаризация Балтийского моря и его окрестностей. Просто в очередной раз обратите внимание на новостную ленту и отметьте для себя, что идиллических картин сонной и благой Прибалтики, обеспечившей себе безбедное существование за счет вступления в ЕС и НАТО, не существует. А существует еще одна точка военной напряженности, впрочем не представляющая никакой экономической или военно-стратегической ценности ни для одного игрока. Вероятно, именно поэтому ключевые игроки с таким рвением разыгрывают свои партии именно в регионе Балтийского моря. Собственно, как это было всегда, например после геополитического разгрома Швеции в Северной войне в начале XVIII в. Выяснилось, что Балтийский регион *никому не жалко*, а попытки превратить его в *неприступный бастион западной цивилизации* пока выразились лишь в некоем наборе демонстрационных акций, у которых если и был какой-то результат, так это убеждение некоторых соседей прибалтийских стран в том, что *если что...* защищать *прибалтийский балкон* (термин из времен завершающего этапа ВОВ) надо в первую очередь. В результате никаких дивидендов — ни политических, ни экономических — никто не получил, а степень военной напряженности достигла беспрецедентного уровня, который, казалось бы, должен полностью исключать какие-либо, даже среднесрочные, инвестиции. Это к вопросу об экономической глобализации.

Необходимость стратегического выбора для Индии. При всем том, что значительная часть комментаторов продолжает считать приход к власти Н. Моди некоей политической флуктуацией, результатом стечения неблагоприятных экономических обстоятельств, вероятно, появление столь специфического политика на высшем государственном посту в стране, которая всегда славилась своей умеренностью и политической *аккуратностью*, вряд ли можно считать случайностью. Рискнем предположить, что появление Моди на Олимпе индийской политики отражает внутренние экономические проблемы, связанные с запаздыванием *третьей модернизации* индийской промышленности. Однако ситуация, в которой он оказался, сев в премьерское кресло, требует от Моди кардинальных решений в сфере именно внешней политики. Индийская политика последних лет — *многовекторное балансирование* с явным сближением с США — конечно, дала серьезные положительные результаты для Дели, однако в условиях крайне не однозначных процессов и в Евразии, и в Северо-Восточной Азии, создала такое количество рисков, с которыми даже флегматичная индийская внешняя политика стала справляться с трудом. Показателем этого, стал, например, *сериал* по смене власти на Мальдивских островах, которые Дели считал своей вотчи-

ной. А Пакистан, ставший в *нулевые* почти страной-изгоем, в последнее время успешно от этого статуса избавляется, в том числе через развитие отношений с Россией. Все это происходит на фоне относительного усиления китайского влияния, а главное — активности Китая в военно-силовых вопросах. На первых порах Моди попытался ограничиться *внешнеполитической терапией*, не форсируя события. Интересно в данном случае то, что именно индийская сторона заблокировала решения о дальнейшей институционализации БРИКС. Таким образом, Моди придется принимать серьезные внешнеполитические и военно-силовые решения. Собственно, он их уже и начал принимать: подтверждает это долго оттягиваемое решение о *параллельном* с Пакистаном присоединении к ШОС. Вероятно, именно принятие Индией военно-стратегических решений, которые потом станут называть *неоднозначными*, и будет одним из наиболее важных военно-силовых процессов в мире в ближайшие 3–5 лет. Моди надо будет сказать большое спасибо своим предшественникам, которые дали ему возможность принимать тяжелые внешнеполитические решения, имея очень неплохой тыл в виде ядерного оружия.

Развитие ситуации в Афганистане. Ситуация в Афганистане попала в геополитическую *навь* не случайно. Афганистан всем в мире надоел. И правда, нельзя находиться *на первых полосах* уже почти 40 лет. И, конечно, моджахеды, и талибы по сравнению с ИГИЛ уже кажутся жалким капустником провинциального техникума. Хотя, конечно, мы забыли, что все парадигмы политического поведения ИГИЛ и ее дочерних структур были апробированы именно талибами, которые прощупали *пределы дозволенного* и показали всем радикалам, что действительно напугает расслабленное в 1990-е мировое сообщество. Проблема в том, что забытая нами ситуация в Афганистане, погрузившаяся, кажется, в *навь второго уровня*, является сердцевинной для слишком многих региональных и не только региональных процессов. И когда мы смеемся над Бараком Обамой, перепутавшим имя президента Афганистана, мы должны четко осознавать, что мы не так много знаем о ситуации в этой стране в принципе. Более того, мы не можем с уверенностью говорить о том, что те, кого мы сейчас называем талибы — это те же талибы, с которыми боролся еще Буш-младший в 2001 г. Вероятнее всего, там произошла значительная идеологическая трансформация, связанная с восстановлением до известных пределов националистических настроений в противовес глобалистическо-исламистским. Что, кстати, дает большие, существенно большие шансы на успех. Что мы хорошо знаем, так это то, когда Афганистан из территории *нави* перейдет на территорию *яви*. Это произойдет, когда отряды неоталибов выйдут на границу с Таджикистаном. И судя по озабоченному виду таджикского президента Эмомали Рахмона на праздновании 70-летия Победы, это может произойти весьма скоро, тем более что ожесточенные бои между *боевиками* и *армией* (оба эти понятия в условиях Афганистана, как мы понимаем, весьма условны) вблизи границы с Таджикистаном уже идут вовсю, причем *боевики* контролируют уже целые районы, которые приходится *освобождать*²⁶. Проблема в том, что в отличие от ситуации 2001-го и последующих годов, вероятно, странам Центральной Азии придется рассчитывать только на ОДКБ и, возможно, на некоторую материально-техническую помощь Запада.

Виртуализация АСЕАН. Обратите внимание, что в последних раундах *выяснения отношений* в Восточной Азии замечены кто угодно, даже Россия, только

не АСЕАН. А ведь совсем недавно эта структура претендовала на то, чтобы стать своего рода азиатской НАТО²⁷. Теперь речи об этом уже не идет, вопрос состоит в том, насколько АСЕАН сможет сохраниться в качестве торгово-экономического союза. Это означает, что в регионе в принципе отсутствует организация, которая могла бы взять на себя минимальные функции в сфере коллективной безопасности. А по факту в регионе в качестве активных игроков после всех институциональных и политических метаний остались те, кто, собственно, там и играл ключевую роль еще в 1950-е гг.: США, Китай, две Кореи, причем какая из них может считаться более самостоятельной, еще надо поспорить, Япония, возвращающаяся себе, уже совершенно не скрываясь, статус военной державы, Австралия как спутник США и простиупающая из тумана стратегической невнятности последних, кажется, 30 лет Россия. Единственным новым игроком следует считать Вьетнам, и, вероятно, это обстоятельство имеет действительно стратегическое значение. Поскольку Вьетнам сочетает в себе значительный и постоянно растущий экономический потенциал, исключительно выгодное географическое положение и вполне успешную военную традицию.

Поведем итог: если разобраться, в пределах *видимого* в политическом смысле мира в последние полгода-год происходят события, которые по своей стратегической значимости существенно уступают тому, что происходит в мире *невидимом*, в той геополитической *нави*, о которой мы писали вначале. Проблема в том, что в какой-то момент геополитическая *навь* станет *явью*, причем не только в результате того, что мировые *сетевые* СМИ *вдруг, случайно* обратят на эти процессы внимание, но и потому, что игнорировать происходящее просто уже будет невозможно. Вопрос только в том, не было бы поздно.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЖЕРТВА РОССИЙСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

О российско-американских отношениях теперь принято говорить, как об очень здоровом человеке: либо плохо, либо ничего. Поразительно, насколько быстро и почти безболезненно за полтора года были демонтированы почти все достижения и *стратегического партнерства* времен Бориса Ельцина и *друга Билла*, и совместной борьбы с терроризмом времен Буша-младшего, и *перезагрузки*. Значит, не было в этих достижениях чего-то, чтобы удерживало обе стороны от жестких действий и перерастания обид, порой явно персональных, во внешнеполитические решения, которые трудно бывает реверсировать, но последствия, которых будут ощущаться десятилетиями. А было ли в этих достижениях вообще хоть какое-то содержание? Ответ на этот вопрос оставим историкам.

Приходится, впрочем, признать, что нынешнее состояние российско-американских отношений является результатом не только заговора против России, созревшего в *вашингтонском закулисье*, сколько стратегических просчетов Москвы. Чуть истории: в середине *нулевых* стало понятно, что российско-американское стратегическое партнерство *не задалось*. Вернее, задалось, но только в форме перекачивания российских нефтедолларов в американские казначейские обязательства, что, естественно, Кремль устраивать перестало, особенно на фоне нарастания со стороны США военно-силовых сигналов, которые в различной степени лишили Москву той военно-силовой комфортности, которая была характерна для нача-

ла нулевых. Собственно, окончательный разлад августа 2008 г. был всего лишь финальной точкой процесса, который начался годами в 2004–2005, запалом к которому послужил *Майдан 1.0*.

Естественным выходом из этого состояния казалось сближение с Европой и прежде всего с Германией. Ни с Китаем, ни с исламским миром, ни даже с Индией российская элита сближаться не захотела, поскольку этих стран и регионов не знала и побаивалась. А Европа, Германия и в несколько меньшей степени Италия и Франция казались вполне эффективными партнерами, чтобы сбалансировать напористость США.

Реальность оказалась куда более угрюмой: Европа, которая могла много рассуждать (хотя и не всегда убедительно) о стремлении к геополитической самостоятельности и стратегическому партнерству, во-первых, не имела никакой реальной экономической возможности за эту самостоятельность бороться. То есть если *самостоятельность* или то, что выглядит как самостоятельность, получается легко и даром, Европа, в принципе, готова порадоваться. Но, вот жертвовать чем-то, инвестировать *вдолгую*, ни Европа как система, ни отдельные европейские страны не хотели и не могли. Во-вторых, как следствие, Европа боялась России, которая обладала и ресурсами, и запасом социальной прочности, чтобы бороться за самостоятельность. Подозреваю, что Россия уже некоторое время воспринималась Европой как более сильный партнер, чем и пугала. В этих условиях наивно было бы надеяться на какое-то реальное партнерство.

Но мы-то надеялись... В том числе и отталкиваясь от традиционной нелюбви к США. А полагая, совершенно не занимались налаживанием отношений со *вторым* и *третьим* эшелонами американской политики. Более того, не слишком озабочивались тем, чтобы системно понять, а что собственно происходит в американской политике и экономике. Мы один, вернее 1,5 раза поставили против графы *США* минус. *Половинка* минуса была поставлена уже администрации Б. Обамы, что, впрочем, было как раз справедливо — ее надо было просто пережить. И забыли о возможности, нет, не партнерства, но внятного разговора с США. Предпочитая общаться с европейскими лидерами, которые в отличие от американцев, так и не смогших произнести слово *партнерство* правильно (*перезагрузка* — это от нежелания произносить слово *партнерство*, не так ли?) постоянно подмигивали и намекали, что еще чуть-чуть и будет России *счастье*.

Потом, естественно, *счастье* куда-то пропало, а появился *четвертый* и *пятый* энергопакеты, а также санкции, оказавшиеся куда более жесткими, а главное, обидными, нежели американские, что оказалось большим шоком для наших властей на самом высоком уровне. Естественно, виновниками произошедшего были объявлены американцы, но даже в Кремле в это особенно не верили. Просто не хотели признаться, что столь жестко негативный исход стал продуктом чрезмерного, иногда намеренно акцентированного европоцентризма российских властей и их неспособности выстроить многослойную *повестку дня* в отношениях с США.

А ведь с американцами мог быть диалог о чем-то, кроме экономики. Об экономике тоже, но не в первую очередь. Собственно, экономическая повестка дня была значима, но не доминировала. Разговор шел в основном по политическим и военно-стратегическим вопросам, ради которых США были готовы на многое, в том числе в экономических вопросах. Европа в сегодняшнем своем состоянии спо-

собна только имитировать наличие стратегического потенциала, но она стремится до остатка выжать из партнера все возможные экономические уступки. И надо сказать огромное спасибо нашим американским партнерам, которые смогли доказать Москве, особенно в последние полгода, реальную *ценность* партнерства с Европой.

Главным уроком для России должно стать следующее: ее уже воспринимают как силу, с которой нужно говорить о военно-стратегической составляющей глобальной политики, и не воспринимают, и еще долго не будут воспринимать как силу, с которой стоит обсуждать экономические вопросы. Но тот мир, восход которого мы наблюдали в 2013–2014 гг. и с которым все ключевые глобальные игроки, вероятно, окончательно смирились в 2014-м, дает России большой шанс на укрепление позиций.

Только надо четко понимать, что партнеров *для поговорить* у России будет очень мало — всего 4–5 стран. И США в этом списке всегда будут идти первым номером. Естественно, не единственным, но первым.

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ПОРОГЕ ЗАБВЕНИЯ

Невнятное завершение Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия в мае 2015 г., которое можно откровенно назвать провалом, случись оно лет 10, а тем более 15 назад, стало бы крупнейшим мировым событием, которое было бы воспринято как указание на глубокий кризис системы международных отношений. Лидеры государств, дипломаты и политики начали бы суетиться в попытке придумать что-то, что хотя бы частично скроет негативные последствия. А сейчас — почти ничего. Так, пара статей в крупных и не очень крупных СМИ с рефреном, — *жалко конечно, но у человечества есть дела поважнее...*

Верно, на фоне того, что происходит в современном мире, *тихий кризис политики нераспространения* не столь заметен. И почти не дает красивой (страшно красивой?) телевизионной или интернет-картинки. И политические дивиденды от участия того или иного политика в политических процессах по нераспространению ядерного оружия также незначительны, особенно учитывая, что *несложных* тем и процессов в глобальном нераспространении практически не осталось.

Мы привыкли к тому, что в ядерном нераспространении ничего принципиально не происходит, что прорывов в ядерном нераспространении ждать не стоит. Соответственно, и политическая приоритетность этого вопроса, а значит, и объем политических усилий, на него затрачиваемых, резко упала. Согласимся, к Обзорной конференции 2015 г. изначально относились как к техническому мероприятию. Отрадно, что Россия оказалась одной из немногих стран, в которой понимали значимость события и приоритетность вопроса.

Проблема, впрочем, состоит в том, что в отличие от ситуации в Донбассе, Сирии, Ираке, да и на Корейском полуострове мировое нераспространение является институциональным вопросом. Развитие глобальной политики в сфере нераспространения (а политика в сфере нераспространения ядерного оружия может быть либо глобальной, консенсусной, либо она становится профанацией), является той базой, на которую надстраиваются многие другие глобальные институты и процессы.

Но интерес к нераспространению ядерного оружия исчез не вчера и исчез он не случайно. В конечном счете ни один из тех проектов, которые обсуждались на протяжении последнего десятилетия: ни зона, свободная от ядерного оружия, на Ближнем Востоке, ни подобный же проект на Корейском полуострове, мягко говоря, в современных военно-политических условиях шансов на реализацию имеет. Иначе говоря, все те заделы, которые существовали, правда, в разной степени продвинутости, в первой половине 1990-х гг., за последние 20 лет закончились ничем, а в ряде случаев, как например, на Корейском полуострове, завершились негативным результатом — откатом назад. Конечно, были и объективные причины этого, но нельзя не отметить и то, что вопрос нераспространения ядерного оружия из политического стал чисто дипломатическим. Что в полной мере и проявилось в ходе Обзорной конференции.

Но в том-то и проблема: если не двигаться вперед, начинаешь проваливаться назад. Современная военно-силовая ситуация в мире дает слишком много стимулов разным государствам к тому, чтобы подумывать о ядерном оружии, хотя бы как о теоретической оборонной опции. И это следует считать по-настоящему серьезной институциональной угрозой международной безопасности и стабильности, которую провал Обзорной конференции по ДНЯО реально усилил.

Но во всем произошедшем есть и положительный момент: когда тупик в развитии процесса становится очевидным, появляются возможность и воля обсуждать новые модели и парадигмы развития. Сфере нераспространения ядерного оружия давно нужен новый ветер, новые идеи и новые парадигмы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПОВЕСТКА ДНЯ НА ПЕПЕЛИЩЕ

Проще всего было бы в очередной раз констатировать хаос в системе международных отношений и деструкцию ключевых международных институтов, особенно учитывая, что для такой констатации имеются, прямо скажем, вполне веские основания. Степень востребованности силовых инструментов в мире за последние полгода не уменьшилась, а скорее увеличилась. Но дело не только в этом: *гибридные войны*, которые исключительно широко востребованы сейчас как способ применения силы и востребованность которых будет, вероятно, расти и в дальнейшем, отражают отсутствие в настоящее время общепринятых *правил игры* в сфере международной безопасности и применения военной силы. Правил, которые в той или иной степени существовали, как минимум с начала 1970-х гг., а в своих элементах и гораздо раньше. Проблема еще и в том, что *гибридные войны* невозможно регулировать в принципе и они, как доказал опыт последних 5–6 лет, ведутся вне даже самых элементарных *законов войны*.

Не возникнет ли ситуация, когда несомые *логикой вещей*, мы все — и США, и Россия, и даже Китай, не говоря уже о других странах, — окажемся в *пространстве силовой вседозволенности*, к которому, будем говорить прямо, мы прикоснулись во времена *арабской весны и Майдана*? Это было бы крайне опасно.

Но нельзя не заметить и того, что внешнеполитический (и в немалой степени силовой) хаос начинает приобретать пока еще нечеткие признаки начала упорядочивания. Легко заметить, как после практически полутора лет взаимного игнорирования и выяснения отношений через СМИ и социальные сети, вновь возобновилась

практика неофициальных *консультаций высокого уровня*, которые были основой системы международной безопасности долгие годы холодной войны. По сравнению с броуновским движением в сфере безопасности весной 2014 г., вероятно, появление, причем во многих регионах мира, этих *гибридных войн* при всей расплывчатости и политической мотивированности и ангажированности термина следует считать все же шагом вперед, хотя, конечно, это все еще шаг в пространстве высокого уровня военной опасности.

Нет, конечно, до выработки неких новых *правил игры* еще далеко. Думается, 1,5–2, а может, даже 3 года, пока все участвующие в играх последнего времени *субъекты* мировой политики вдоволь наслаждаются изымательствами над *объектами* мировой политики, которые к этому времени поймут, что не они танцуют, а их танцуют. Или не поймут и уйдут в, скажем мягко, институциональное небытие. Но именно сейчас объективно возникают возможности для начала реального диалога о базовых основах мироустройства. Да, конечно, надо понимать, что начинать придется не с нуля. Начинать придется с *пепелища*, в которое постепенно превращается система международных институтов, а как следствие, и международного права. Одним из результатов этого *пепелища* стало, кстати, то, что территория *яви* в международных отношениях оказалась существенно меньше территории *нави*, т. е. зоны с непознанными законами политического и военно-политического поведения, а иногда и совсем без оных.

Задача всех разумных сил в современном мире заключается в том, чтобы, как минимум, не дать территории *нави* расширяться и дальше. Внешняя политика, а тем более политика силовая должны находиться на территории, которую человечество видит и, что самое главное, понимает.

Кстати, если кто не знает, на границе *яви* и *нави* живет Баба Яга — дама со сложным характером, но порой играющая положительную роль — Сдерживающую. Собственно Баба Яга во многом и определяет характер взаимодействия *мира яви* с *миром нави*.

Думаю, тот, кто сможет в самом обозримом будущем занять место этой Бабы Яги, получит большие геополитические и геоэкономические преимущества в будущем мире. Во всяком случае, пока не возникнут и не окрепнут новые международные институты, т. е. лет на 20.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

- 1 *Proxу war* обычно переводится как *опосредованная война*. Под этим понимается вооруженный конфликт между двумя сторонами, как правило, сверхдержавами, ведущийся чужими руками на территории третьей страны или стран.
- 2 Тренин Дмитрий. Время соперничества. *Индекс Безопасности*. 2015, весна. Т. 21, № 1 (112). С. 99.
- 3 Белковский Станислав. Особое мнение. *Эхо Москвы*, 22 апреля 2015 года. <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1534116-echo> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 4 Месснер Евгений. Всемирная мятежвойна. В: «Хочешь мира, победи мятежвойну». Творческое наследие Е. Э. Месснера. М. Военный университет. Русский путь. 2005. http://militera.lib.ru/science/0/pdf/messner_ea01.pdf (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 5 Там же.

- 6 Герасимов Валерий. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий. *Военно-промышленный курьер*, 26 февраля 2013 г. <http://www.vpk-news.ru/articles/14632> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 7 Зарудницкий Владимир. О военных аспектах *цветных* революций. Выступление на полях III Московской конференции по международной безопасности. 26 мая 2014 г. Министерство обороны РФ. <http://geopolitics.by/analytiks/voennye-aspekty-cvetnyh-revolyuciy> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 8 Речь шла о Донецкой, Луганской, Харьковской, Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Николаевской и Одесской областях.
- 9 Барабанов Михаил. Испытание нового облика. *Россия в глобальной политике*, № 5, сентябрь-октябрь 2014. <http://www.globalaffairs.ru/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097> (последнее посещение 6 июля 2015 г.). Sutyagin Igor. *Russian Forces in Ukraine*. Royal United Services Institute. Briefing paper. London. March 2015. P. 4.
- 10 Resinger, H. and Goltz, A. Russia's hybrid warfare. Waging war below the radar of traditional collective defense. Research paper N 105. NATO Defense College. Rome. November 17, 2014. P. 8.
- 11 <http://stratfor.com/analysis/gaming-russian-offensiv>
- 12 Электоральные настроения населения Украины. Киевский международный институт социологии, май 2015 г. <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=526&page=1> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 13 Каковы результаты исследования. <http://www.business.ua/articles/u:kraine/V-Ukraine-uluchshilos-obschestvennoe-mnenie-o-NATO-opros-97457> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 14 The World Factbook. CIA. 1990. — www.umsl.edu/services/govdocs/wofact90/world12.txt (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 15 Financial and Economic data Relating to NATO defense. Press-release M-DPC-2 (88)74. 1st December 1988. P. 2. http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_65880.htm?mode=pressrelease (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 16 Military expenditures by country in current US \$. 1988–2014. SIPRI database. — <http://www.sipri.org/research> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 17 Financial and Economic data Relating to NATO defense. Press-release M-DPC-2 (88)74. 1st December 1988. P.3. http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_65880.htm?mode=pressrelease (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 18 World Economic Outlook Database. April 2015. International Monetary Fund. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/weodata/weoreport.aspx (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 19 Российская экономика в 2014 году. Тенденции и перспективы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 568; Financial and Economic data Relating to NATO Defense. Press-release. Communique PR/CP (2015)093-COR1. 22 June 2105. P. 4. Military expenditures by country in current US \$. 1988–2014. SIPRI database. <http://www.sipri.org/research> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 20 Российская экономика в 2014 году. Цит. Указ. соч. С. 567; Financial and Economic data Relating to NATO Defense. Press-release. Communique PR/CP (2015)093-COR1. 22 June 2105. P. 6.
- 21 International comparisons of gross domestic expenditures on R&D and R&D share of gross domestic product, by region/country/economy: 2011 or most recent year. Table 4–4. International Comparisons of R&D Performance Science and Engineering Indicators 2014. National Science Board. <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/index.cfm/chapter-4/c4s2.htm> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 22 О мерах по реализации импортозамещения в гражданских отраслях промышленности в интересах укрепления национальной безопасности. Аналитический вестник № 27. Совет Федерации. М. 2014, ноябрь. С. 4.
- 23 Производственная зависимость — доля импорта в расходах предприятий на сырье, материалы, покупные полуфабрикаты и комплектующие изделия для производства и продажи продукции (товаров, работ, услуг).
- 24 Березинская О., Ведев А. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения. *Вопросы экономики*. 2015. № 1. С. 110.
- 25 Миркин Яков. Россия ждет технологический коллапс. Как быть? *Slon.ru*, 26 июня 2015 г. <https://slon.ru/posts/53279> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 26 Афганские военные ликвидировали у границы с Таджикистаном 120 боевиков, 21 июня 2015 г. http://www.gazeta.ru/social/news/2015/06/21/n_7307545.shtml (последнее посещение 6 июля 2015 г.).
- 27 Неплохой обзор рассуждений на эту тему см.: Мардасов А. Восточный военный базар, 15 января 2014 г. <http://svpressa.ru/politic/article/80522> (последнее посещение 6 июля 2015 г.).

ИСЛАМСКОЕ МЕДИАГОСУДАРСТВО

***DABIQ*, пропагандистский журнал Исламского государства, 9 выпуск**

Рецензия — Полина Колозариди, Александр Ильин

С 2014 г. Исламское государство (ИГ) выпускает собственный журнал под названием Дабик. Глянцевое издание, призывающее вступать в ряды воинов за ислам, — новое и весьма примечательное явление в контексте активно ведущегося обсуждения феномена пропаганды в СМИ и новых медиа. Западный читатель не привык к тому, что призыв «убивать неверных» оформляется в той же эстетике, в которой с ним говорят о красоте, дизайне или модной литературе. Не будучи специалистами по исламу или международным отношениям, авторы рассматривают журнал как медиапродукт и пытаются понять, как это сообщение уместается в формат журнала? Какой язык использует ИГ, чтобы вербовать тех, кто будет готов за него убивать и умирать?

ГЛЯНЕЦ КАК ЧАСТЬ ПРОПАГАНДЫ

Идея пропаганды через глянец не нова. Тем не менее западные медиа рассматривают *Дабик* как нечто новое, потому что в числе основных инструментов медиастратегии ИГ — показная жестокость и эстетизированные, почти гламурные убийства перед видеокамерами, а в числе приоритетных задач — пропаганда и вербовка сторонников из разных стран, в том числе в социальных сетях. Впрочем, используются и традиционные форматы. К примеру, боевик британского происхождения Абу Румайсах аль-Британи написал что-то вроде путеводителя, рекламную брошюру о том, как хорошо живется в ИГ.

Обращение на понятном языке воспринимается в первую очередь теми, кто существует сразу в двух культурах — мусульманской и европейской. В этом смысле аудиторией журнала могут быть мигранты из мусульманских стран, живущие по всему миру. Но все же главное сообщение, которое отправляет журнал *Дабик*, интернационально.

У журнала своя ниша в системе пропаганды. Публикуются длинные и достаточно сложные для восприятия тексты, в которых подробно разъясняются взгляды и позиции редакции. Это не приглашение к диалогу, читателю не предлагают ломать голову над вопросами, не имеющими однозначного ответа. Мысли ясно структурированы. Фотографии и верстка — на уровне мировых стандартов. Используются и современные технологии — в текст включены гиперссылки на пропагандистские видео.

А
К
К
О
Т
Е
И
О
Б
Б
И

Остается главная загадка: что заставит читателя, воспитанного в западной культуре — неважно, мусульманин он, христианин, атеист или буддист соотнести себя с образами из *Дабик*? Какое сообщение конструируется в журнале и почему оно в состоянии действовать как часть пропаганды?

ЧТЕНИЕ КАК ДЕЙСТВИЕ

При первом прочтении язык издания производит сильное впечатление. Большинство статей написаны в традиции, в которой имя Пророка Мухаммеда и все, что связано с мусульманскими святынями, сопровождается словами молитвы. Это не удивит тех, кто возвращается в среде практикующих мусульман: сложные конструкции и отсылки к молитвам встречаются везде, от официальных высказываний (например, официальными лицами в Иране) до бесед на интернет-форумах. Но в журнале *Дабик* традиция принимает более сложные формы — в обыденную речь, статьи об истории или описания военных действий вплетается религиозный язык с его витиеватыми конструкциями: «*О Аллах, ниспославший Откровение в Книге Своей, скорый в расчете, разгоняющий тучи, сокруши союзные племена, заставь их трепетать, и даруй нам победу над ними*» (с. 59)¹.

Журнал несколько не заигрывает с читателем. Наоборот, язык сложен и непонятен, чтобы в нем разобраться, нужно вооружиться не одним справочником. Википедия не описывает всех терминов, которые используются в журнале. Уже для того, чтобы понять один из центральных терминов — *рибат*, нужно внимательно прочитать посвященную ему статью и восстановить все связанные с ним понятия.

Для мусульманина *рибат* — служба по защите территории Халифата и отражению атак *крестоносцев* — наилучшая форма служения Аллаху ведущая прямо в рай. Даже если на рибате не приходится воевать, несение его все равно высшая форма служения. В статье подробно описываются различные аспекты службы (нужно нести ее не менее 40 дней перед *отпуском*, беспрекословно выполнять приказы командира и т.д.), а также смерти во время рибата. Даже если во время рибата мусульманин умер не в бою, а от болезни или старости, дорога в рай ему все равно открыта. Однако, конечно же, лучше всего (для спасения души) принять смерть на поле брани, защищая Халифат и правоверных мусульман. В статье также описываются отношения между понятиями *рибат* и *джихад*: *рибат* — это «*и корень, и ветвь Джихада. Джихад лучше из-за больших тягот и усталости... Лучший Рибат — яростный Рибат*»² (с. 12).

Таким сложным образом происходят первое вовлечение и частичная инициация. В нее входит и сам процесс чтения *Дабик*, и поиск слов, и понимание контекста. Задача — сделать сам процесс чтения перформативным, чтобы, запоминая и произнося новые слова, читатель участвовал в создании этой иной реальности. Как еще заставить женщин верить в то, что они не проститутки, а рабыни воинов, такие же, какими были рабыни пророка Мухаммеда? И что заставит открыть стрельбу по вчерашним соседям?

БИТВА И ЗАГОВОР

Согласно хадисам, исламским религиозным текстам, сирийской город Дабик — место предполагаемой финальной битвы, которая произойдет в конце времен

между мусульманами и христианами. Основная тема одноименного журнала — война, ее причины и доводы в пользу неизбежной победы правоверных. Для обоснования постулированных тезисов и уничтожения противника авторы и редакция не жалеют средств. И, как явствует из девятого номера, стараются не обходить острых тем.

Заглавная статья номера *Conspiracy Theory Shirk* посвящена популярным на Западе конспирологическим теориям. По утверждению авторов, неверные измышляют их с единственной целью — заставить мусульман разувериться в собственных силах и бояться *крестоносцев* больше, чем Аллаха. В качестве примера конспирологических теорий авторы приводят одну из трактовок событий 11 сентября 2001 г., согласно которой за атакой на башни-близнецы стоит вовсе не *Аль-Каида*, а американское правительство, использовавшее ее как предлог для вторжения в Ирак. Авторы с негодованием отвергают такое предположение. Кроме того, в статье говорится, что *неверные* разобщены и не доверяют друг другу, поэтому их теории ни в коем случае нельзя принимать всерьез. По версии редакции журнала *Дабик*, распространение теорий заговора — один из признаков упадка Запада. Ведь единственный план, который существует и работает, — это план Аллаха, только он способен слагать действительно правдивые сюжеты. «*Единственный древнейший заговор, упомянутый в Коране, — проклятие Иблиса (одно из имен шайтана — врага Аллаха и всех мусульман. — Прим. авт.). Аллах (Всевышний) сказал о его заговоре: воистину, заговор шайтана всегда был слабым [Ан-Ниса: 76]. Следовательно, заговоры союзников шайтана еще слабее. Точнее, они — лишь объекты заговора Аллаха против них самих*» (с. 18)³.

Также опровергается миф о том, что моджахеды делают пленных женщин проститутками. На самом деле, утверждает журнал, они становятся рабынями, что намного почетнее. В номере присутствует военно-историческая глава, сообщения-репортажи о победах войск ИГ при осаде сирийских городов, а также лаконичный рассказ о системе здравоохранения Исламского государства. Специальная рубрика посвящена трактовке ключевых исламских концепций, в частности объясняется, что такое *рибат* и *джихад*, как они связаны с долгом мусульманина, его жизнью и смертью. В журнале есть рубрика *Словами врага*, где излагается позиция ИГ относительно того, что о нем говорят западные аналитики, к примеру, из Центра Карнеги и *Wall Street Journal*. В интервью с эмиром захваченного региона Ярмук подробно объясняется, что конфликт между ХАМАС и ИГ действительно имеет место, но сообщения о голоде и массовых убийствах на захваченных территориях не соответствуют действительности.

УБИВАТЬ НЕВЕРНЫХ И СТРОИТЬ ХАЛИФАТ

Помимо рассказов о том, как бойцы ИГ берут город за городом, журнал предлагает читателям образцы для подражания и призывает действовать. На выбор предлагается немало вариантов — от истребления неверных до помощи в построении ИГ.

Вводная статья в журнале начинается с описания теракта 3 мая 2015 г. в *Curtis Culwell Center* в Гарленде, штат Техас. Там проходила выставка, посвященная изображениям пророка Мухаммеда, что, как известно, не одобряется мусульманами, и уж тем более исламскими фундаменталистами. Двое американцев открыли стрельбу, ранили одного человека и практически тут же были убиты офицером

полиции. Один из них, Элтон Симпсон, успел непосредственно перед терактом оставить в *Твиттере* запись, согласно которой он и его брат клянутся в верности главе ИГ и просят Аллаха принять их как моджахедов («*The bro with me and myself have given bay-ah to Amirul Mu'mineen. May Allah accept us as mujahideen. Make dua #texasattack*»)⁴. Заметка одобряет эти действия, звучит призыв ко всем, кто находится на земле неверных, либо бороться с ними на их же территории и тем самым способствовать распространению джихада, либо уезжать в ИГ, где им не придется страдать от оскорблений, наносимых пророку *крестоносцами*.

Из общего контекста выделяется только одна статья — часть отчетной документации ИГ (Islamic State Reports), посвященная здравоохранению в Халифате. Этот текст не перегружен религиозными терминами, скорее он напоминает рекламный буклет хорошей частной клиники. Описываются современное оборудование, высокая квалификация врачей, получивших отличное медицинское образование (с ориентацией на практику, а не на теорию, во многом, по мнению авторов, ненужную). Проблема, по словам авторов отчета, лишь в том, что для дальнейшего развития медицины в ИГ нужно больше людей, поэтому мусульман из других стран призывают приезжать и помогать. «*Исламское государство предлагает вам все, что необходимо для жизни и работы, так чего же вы ждете?*» (с. 26)⁵.

Такую трансформацию языка можно объяснить двумя причинами: во-первых, рассказ о медицине не требует ни самоописания через врага, с которым нужно бороться, ни отсылки к религии, которая в журнале выступает основным способом легитимации. Во-вторых, можно предположить, что задача *Дабик* — позиционировать ИГ как современное государство, в которое можно отправляться без страха перенестись на несколько веков в прошлое.

Сложно определить, каково соотношение архаичного и современного в призывах журнала *Дабик*. В любом случае, его авторы точно могут говорить на разных языках, и их понимают разные люди — от британских рэперов⁶ до студентов престижных вузов.

ПРОПАГАНДА ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ

Итак, язык журнала позволяет одновременно обратиться к событиям прошлого и восстановить традицию, но при этом ИГ утверждает, что в его границах действует линейное время, где есть место современным технологиям и образованию мирового уровня.

Важная особенность журнала — обилие фотографий. Они, как известно, разрешены в исламе, потому что не пытаются подражать акту творения, а просто отражают созданное. Аллах и пророк Мухаммед незримо присутствуют везде, то награждая бойцов, то карая неверных и *крестоносцев*. В историческом материале объясняется, как *крестоносцы*, используя цветовую символику ислама («*белый — наши деяния, черный — наша война, зеленый — наши поля, красный — наш меч*» (с. 21)) и хитрые политические ходы раздробили арабский мир на национальные государства. Яркий пример — изобретения британцем Марком Сайксом в начале XX в. флага арабской революции (ныне флаг Палестины). Помогая в зависимости от собственной выгоды более или менее религиозным силам на Арабском Востоке захватить и удерживать власть в разных странах, западные страны тем самым

проводят политику *разделяй и властвуй*. Поддерживая национализм в мусульманских странах, они возвращают арабский мир в *Джахиллию*, период до пришествия пророка. Поэтому «каждый мусульманин должен отвергнуть любую группировку, выступающую под джахилийскими знаменами, и всякое политическое сотрудничество с теми, кто поднимает их против Исламского государства» (с. 23)⁷.

События начала XX в. и текущая война представляются связанными, более того, устанавливается прямая причинно-следственная связь. Если в Европе линейная история и большие нарративы вышли из моды, то читателю *Дабик* предлагается поучаствовать в истории, конструируемой на его глазах. Некогда линейность истории считалась прерогативой христианства, частью его благой вести миру. Это отношение к истории перенимает журнал, но обращает его против христиан.

Прошлое помогает сделать настоящее более плотным, а образ врага — более объемным. Использование термина *крестоносцы* в отношении Запада, соотносящее современные страны Европы с прошлыми временами, позволяет одновременно ввести героев прошлого в настоящее время и обратиться читателя к будущему. В будущем предполагается не вполне понятная европейцу утопия, главные элементы которой — война и, возможно, смерть.

СВЕРХРЕАЛЬНОСТЬ

Сцены насилия в журнале *Дабик* еще недавно могли бы показаться европейскому читателю невыносимыми. Публичное и медийное пространства изображали насилие, но не предьявляли его. Насилием пугали, но его не показывали, оно было где-то в далеком темном прошлом, пугающем будущем или так географически далеко, что мы видели его приметы только в выпусках новостей.

Однако, развитие медиа последних десятилетий размыло границы между частным и публичным, приличным и неприличным, тем, что может демонстрироваться и проговариваться, и тем, что под запретом. Еще вчера шли дискуссии о том, какие кадры военной хроники допустимы в новостях, а сегодня нам показывают фотографии убитых на Донбассе детей. При этом движение не однонаправленно: отсутствие официальной цензуры рано или поздно вызывает в публичное поле депутата Милонова или Рика Санторума.

Эпоха реалити-шоу прошла во многом потому, что людям хочется еще большей, максимальной реалистичности. Оказалось, что люди, собранные по заказу телепродюсеров, больше не представляют особого интереса для зрителей. На смену пришел жанр наблюдения за обычными людьми, которые добровольно, желая славы или руководствуясь другими соображениями, устанавливают дома камеры и снимают каждую минуту своей жизни. Шоу, где выживание участников на необитаемом острове оставалось игрой, больше не популярны, в моде — всепоглощающий реализм и натурализм, движение к подлинной реальности.

Подлинная реальность противопоставляется виртуальности, настоящее насилие — тому, что происходит на экране. Журнал предлагает читателю или зрителю превратиться в бойца с оружием в руках: «Мы действовали, основываясь не на пацифизме, переговорах, демократии или выборах. Мы основали государство по примеру Пророка — красными от крови мечами, а не голосованием или твиттами» (с. 47)⁸.

ИГРА ПРЕСТОЛОВ И ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

За последние годы насилие вплотную подошло к границе приемлемого, того, что мы воспринимаем как норму. *Игра престолов* показывает нам насилие как часть повседневного контекста некогда сказочного средневековья. Страшно, но работает. Более того, оказывается, что героика без насилия немыслима, причем герой от него не спасает, а наоборот, оказывается его источником.

В отчетах *Дабик* читатель найдет истории об успешных военных операциях на востоке (взятие города Эр-Рамади в центральной части Ирака) и на западе (взятие города Аль-Сукна в восточной части Сирии); скриншоты видеозаписей из жизни ИГ: поимка шпионов, картины счастливого детства с подписью «*детеныши льва растут под крыльями Халифата*» (с. 33), отчеты об атаках на месторождения нефти, отрубании голов неверным, послания и отчеты о работе надзорных организаций (*Monitoring and Inspection Bureau*⁹, с. 27) внутри ИГ.

Все тщательно документируется — военные победы и детали повседневности, все становится частью медиапродукта, инструментом вовлечения во внутреннюю и вместе с тем обращенную к миру жизнь ИГ.

За последние годы отношение к смерти на Западе и ее роль в медиасреде претерпели значительные изменения. Некогда выведенная далеко за пределы публичного пространства, маркированная как нечто нежелательное, даже табуированное, смерть возвращается. Это можно увидеть по тенденции демедиализации: люди все чаще предпочитают умирать не в больничных палатах, увешанные трубками, а, как в старые времена, дома, на своей кровати. Параллельно смерть возвращается в публичное пространство. Людям нужно, чтобы смерть оказывалась частью общего движения жизни. В книге *О насилии*¹⁰ Ханна Арендт объясняла это как коллективное восприятие смерти (сходное с биологическим пониманием смерти одного как необходимости для выживания вида), которое острее всего переживается в бою. Но такой смерти нужна внешняя идеологическая мотивация, и поэтому лучшая смерть по версии журнала — это смерть в рибат. «*Такая смерть — одна из самых достойных, и эта награда ждет любого мурабита (того, кто несет рибат. — Прим. авт.), кто умрет во время Рибата, даже если его смерть вызвана болезнью, старостью или несчастным случаем. Сколь же возвышена его смерть, вызванная авианалетами крестоносцев и ставших их союзниками отступников, — представляющая как свидетельство Веры (шахада)*» (с. 11)¹¹.

В конце концов эстетизация трагедий происходит сегодня почти всегда, когда на месте происшествия оказываются журналисты. Новость о землетрясении или пожаре — это в первую очередь красивая картинка. В прошлом воображение рисовало смутные и пугающие картины смерча или наводнения, сегодня они вызывают восхищение в тщательно выстроенном кадре. Так люди, с одной стороны, пытаются вписать трагедию в свою повседневность (раз уж из-за вездесущности СМИ и гражданской журналистики она проникает повсюду). С другой стороны, публичное пространство заполняется отформатированными и эстетизированными картинками трагедий, насилия и смерти. Журнал *Дабик* продолжает эту линию, доводит идеи реалити-шоу, экстремальной журналистики и сериала *Игра престолов* до предела и обращает против породившей их культуры.

МЕДИА И СМЕРТЬ

Уникальность Исламского государства, его отличие от, скажем, *Аль-Каиды* в том, что оно действует на определенной территории. Но при этом одна из его целей — ведение интернационального джихада. Не зря эту организацию сравнивают с ранними большевиками¹². Пропаганда ИГ качественно отличается от того, что делают *Аль-Каида* и ХАМАС. Несмотря на религиозный, ритуализированный язык, она не воспроизводит архаику, а вписывается в современный медиаконтекст. Более того, опережает западные СМИ, создавая сверхреальность.

Читатель *Дабик*, кем бы он ни был, оказывается в реальности сказки, происходящей на самом деле. Не зря во многих текстах используется словосочетание *в реальности*. Но реальность *Дабик* оказывается дополненной, и в качестве виртуальных и вместе с тем абсолютно реальных дополнений выступают Аллах и пророк Мухамед, а также герои прошлого.

Пропагандистский образ выстраивает картину, в которой Аллах может обратиться к любому, кто бьется за его имя. Это даже не реальность, это сверхреальность, более чем реалистичная битва.

Дабик берет образы ислама и создает из них фэнтези, в которое предлагает погрузиться читателю, к какой бы культуре он не принадлежал. Разбираясь в старинных письменах, он приобщится к культуре ровно настолько, чтобы захотеть взять в руки оружие. Конечно, о серьезном разговоре об исламе здесь нет и речи. Это призыв взять автомат и отправиться в страну смертельно опасных приключений, причем главное из них происходит в самом городе *Дабик*. Так конструируется главное сообщение.

Пропаганда в журнале — плоть от плоти европейской культуры и современной медиасреды. Язык современных медиа, печально подтверждая максимуму Маклюэна, заставляет радикальную организацию ИГ действовать именно так: показывать на *YouTube*, как отрезают голову журналисту, писать в журнале о том, что рабство женщин — это отлично, эстетизировать смерть и вербовать сторонников в социальных сетях.

29 декабря 2014 г. Верховный суд России признал организацию *Исламское государство* террористической и запретил ее деятельность на территории Российской Федерации. 🐘

Примечания

- 1 «O Allah, revealer of the Book, swiftest to account, mover of the clouds, vanquish the parties, make them tremble, and grant us victory over them» (p. 59).
- 2 «...ribāt is the root and branch of jihād. Jihād is better than it because of its hardship and fatigue. ...The best ribāt is the fiercest» (p. 12).
- 3 «The only ancient conspiracy mentioned in the Qur'ān is that of the accursed Iblis. Allah (ta'āla) said about his plot, {Indeed, the plot of Shaytān has ever been weak} [An-Nisā': 76]. Accordingly, the plots of Shaytān's allies are even weaker. Rather, they are the object of Allah's plot against them» (p. 18)
- 4 The Guardian. Texas attack: FBI alerted police that Elton Simpson may go to prophet cartoon event. URL: <http://www.theguardian.com/us-news/2015/may/08/texas-attack-fbi-alerted-police-that-elton-simpson-may-go-to-prophet-cartoon-event>
- 5 «The Islamic State offers everything that you need to live and work here, so what are you waiting for?» (p. 26).

- 6 Интерфакс. Британские СМИ назвали подозреваемых в убийстве журналиста Фоули. URL: <http://www.interfax.ru/world/392897>.
- 7 «every Muslim should reject any group raising these jāhili banners and every party cooperating with those who raise them against the Islamic State» (p. 23).
- 8 «...we did not do so through pacifism, negotiations, democracy, or elections. We established it according to the prophetic way, with blood-red swords, not with fingers for voting or tweetin» (p. 47).
- 9 ALMonitor. ISIS applies its own laws in Raqqa URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/security/2014/02/isis-islamic-rule-raqqa-syria.html#>.
- 10 Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
- 11 «This death is of the noblest deaths and this reward is guaranteed for the murābit who passes away during ribāt even if his death is due to disease, elderliness, or some accident. How much more noble is his death when it is shahādah caused by the airstrikes of the crusaders and their apostate allies? (p. 11)».
- 12 Слон.ру. Новые большевики. Почему «Исламское государство» побеждает? Михаил Зыгарь, Слон.ру URL: <https://slon.ru/posts/49610>.

Робачевский А. Интернет изнутри: экосистема глобальной Сети. — М.: Альпина Паблишер, 2015. 223 с.

Сеть ворвалась в нашу жизнь набором новых слов, ощущением свободы из-за отсутствия границ между почтовыми ящиками старых друзей и постоянной потребностью, почти зависимостью *быть на связи*. Романтика свободы интернет-мира — красивая иллюзия повседневной жизни последних лет. Сетевые приложения создали весьма дружелюбную для массового пользователя среду телекоммуникаций, однако за кажущейся простотой скрыты сложные технические решения и уникальные механизмы координации миллионов устройств и технологий.

Книга, которую мы рассматриваем, ценна тем, что это, пожалуй, первое популярное, но не упрощенное изложение основ фундаментальных интернет-технологий для русскоязычной аудитории. *Изнанка* работы Сети сложна и не романтична. Каналы связи, маршрутизаторы, DNS, домены, сетевые протоколы IPv4/IPv6 — сугубо профессиональная терминология. Тем не менее все более широкий круг людей вынужден знакомиться с азами специальных интернет-знаний. Все чаще обществу приходится принимать решения, которые находятся на стыке технологий и общественной жизни.

В книге четыре главы, знакомящие читателя с базовыми понятиями интернета.

Первая глава посвящена сетевому протоколу IP и глобальной системе адресации. По сути сетевой протокол IP является единственным универсальным требованием для подключения к интернету. Не прошло и 40 лет с момента зарождения первых технологий сети, а на повестке дня уже стоит вопрос исчерпания адресного пространства. Трудно представить, что 32 бита адреса сетевого протокола 4-й версии (IPv4), дающие возможность присвоить уникальный номер 4 миллиардам сетевых устройств, уже практически исчерпаны. Дискуссии о необходимости и технологиях внедрения нового протокола 6-й версии (IPv6) ведутся профессионалами отрасли уже несколько лет. Однако консенсуса в этих вопросах достичь так и не удастся. Хочется отметить полноту изложения и высокий профессионализм автора в освещении существующих политик распределения номерных ресурсов — на протяжении многих лет он занимал должность технического директора региональной интернет-регистратуры RIPE NCC.

Е И
Ъ К
И Н
Ж И
З В
И О
К Н

Вторая глава погружает нас в мир глобальной системы доменных имен (DNS), которая является фундаментальным элементом интернета. Домены — наиболее известная широкой публике технология: информационные ресурсы интернета ассоциированы с доменными именами. В рамках дискуссий об управлении интернет самый обсуждаемый элемент Сети — именно DNS. Пожалуй, это еще и самая *политизированная* технология интернета: вопросы безопасности и устойчивости, интернационализации DNS не сходят с повестки дня. Тем ценнее попытка автора рассказать о сложном доступным языком. Ведь технологическая независимость — это, в первую очередь, владение и управление технологиями.

Третья глава рассказывает о глобальной системе маршрутизации и передачи данных. Удивительное дело: несмотря на то что *Сеть сетей* не имеет единого центра управления, механизмы координации и доставки информации работают четко и слаженно. Принцип коммутации пакетов данных определил и продолжает определять инфраструктуру передачи данных в интернете. Архитектура Сети позволяет автоматически реагировать на изменения топологии, несмотря на то что за сутки таких изменений происходит десятки тысяч. Тем не менее, для маршрутизаторов картина глобальной связанности неизменно остается актуальной в любой момент времени.

Заключительная глава посвящена экосистеме интернета — уникальному явлению современной жизни. Модель взаимодействия между ее компонентами, охватывающая континенты, разные культуры и технологии, является предметом длительных дискуссий международной общественности и государств. Может ли Сеть функционировать только за счет саморегулирования, или настало время государственного регулирования? История становления основных институтов управления и координации, стандартизации и технических политик в изложении непосредственного участника и очевидца многих ключевых в истории интернета событий является ценным вкладом в общую копилку наших знаний.

Книга будет полезна тем, кто интересуется архитектурными аспектами Сети, вопросами управления интернетом, а также всем желающим расширить кругозор в области базовых интернет-технологий. 📖

Елена Воронина

Keir Giles, Philip Hanson, Roderic Lyne, James Nixey, James Sherr and Andrew Wood. The Russian Challenge. Chatham House Report, 2015. 58 p.

В докладе Королевского института международных отношений *Вызов России* (The Russian Challenge), вышедшем в июне 2015 г., делается попытка сформулировать основные посылы стратегии в отношении Москвы. Среди авторов — бывшие британские послы в РФ, экономисты и политологи. Документ интересен не столько изложенными в нем фактами, сколько их интерпретацией — несколько глав представляют собой квинтэссенцию нынешних оценок российской внешней политики экспертным сообществом западных стран.

Вывод первый: не стоит ждать, что Россия захочет встраиваться в международную систему в качестве конструктивного и благонамеренного игрока. Авторы полагают, что время иллюзий на этот счет прошло, а значит, не стоит рассматривать РФ

в качестве партнера или союзника, рассчитывая на то, что общие интересы и выгоды перевесят различия. Причем ничего нового, мол, в позиции Москвы нет, просто Запад слишком долго закрывал на все глаза и в своей самоуспокоенности надеялся, что страна движется по пути либерально-демократических реформ. Не надо повторять этой ошибки — с нынешним, а возможно, и со следующим российским президентом не удастся договориться.

Вывод второй: не надо сдаваться и идти на уступки Кремлю, нынешнее противостояние для которого — это столкновение воли и ресурсов, а значит, любая политическая победа лишь укрепит Россию в стремлении к превосходству и в желании во что бы то ни стало отстаивать свои интересы, пусть даже дорогой ценой для всех остальных.

Вывод третий: нынешний российский режим испытывает серьезные трудности. Экономический кризис, растущая коррупция, политическая культура, которая душит предпринимателей и общество, — все это факторы, расшатывающие стабильность, и Запад должен быть готов к тем угрозам, которые ему может принести подобная рушащаяся Россия.

Что в этой ситуации остается Западу? Во-первых, продолжать сдерживать Россию так долго, как это возможно и необходимо, но при этом не проводить очень уж четких разделительных линий. На тот случай, если в РФ все-таки изменится внутренняя ситуация, и под грузом проблем новый режим решит восстановить отношения, дверь должна оставаться открытой.

Во-вторых, не изолировать самих россиян, не отрывать их от внешнего мира, развивать связи между людьми и образовательные инициативы, не ставя знака равенства между властью и населением.

В-третьих, особое внимание уделить контрпропаганде на национальном, европейском и трансатлантическом уровне. А чтобы это получилось, больше инвестировать в аналитику, ибо Европе необходимо вновь научиться правильно понимать, что происходит в России и в соседних странах.

Это довольно распространенная в западных экспертных кругах позиция, которая означает, что в кратко- и среднесрочной перспективе (от 3 до 10 лет) никакой особой стратегии, кроме сдерживания России, элиты для себя не видят. А следовательно, возможности для каких-либо соглашений, *разрядки*, дипломатических разменов крайне ограничены. Намеки на *открытые двери* не должны никого вводить в заблуждение. Позиция очень проста: пусть Россия варится в собственном соку, а мы пока огородим ее флажками, будем изучать консистенцию пара и принимать меры, чтобы, когда крышку котла сорвет, соседи не пострадали. Похоже, именно этот подход и будет определять политику Запада в отношении Москвы на ближайшие годы. 🐘

Е И
Ъ К
Н Н
Ж И
И В
О
К Н

Дмитрий Поликанов

Гринвальд Гленн. Негде спрятаться. Эдвард Сноуден и зоркий глаз дядюшки Сэма. СПб.: Издательство «Питер», 2015. 320 с.

Едва ли кто-то в России не слышал об Эдварде Сноудене, американском агенте-правдоискателе, раскрывшем секреты Агентства национальной безопасности

США. Однако какие именно секреты он раскрыл и чем заслужил вечное проклятие от американских властей? Об этом подробно рассказывает в своей книге *первооткрыватель* Сноудена — Glenn Гринвальд. Именно его Сноуден выбрал в качестве рупора для своих взрывоопасных откровений.

Решение Сноудена не было спонтанным. Glenn Гринвальд рассказывает, что Эдвард проявил немалую настойчивость, несколько недель забрасывал его имейлами за подписью *Цинциннат* (живший в 5 веке до н. э. Луций Квинкция Цинциннат считался образцом гражданской добродетели), уговорил научиться пользоваться программами шифрования. Хозяйке на заметку: по мнению Сноудена, необходимый уровень защиты переписки обеспечивала криптографическая программа PGP. Пусть и не с первой попытки, но Сноудену удалось достучаться до Гринвальда, и они начали общаться с помощью протокола шифрования чатов off-the-record (OTR).

Сноуден открыл миру суперсекретную кухню крупнейшего государственного агентства по сбору разведывательной информации — Агентства национальной безопасности (АНБ) США, военного подразделения Пентагона.

«Собрать все» — таким был личный девиз тогдашнего директора АНБ генерал-полковника Кита Б. Александра.

В штате АНБ состоят около 30 тыс. человек, кроме этого, у агентства заключены контракты примерно с 60 тыс. сотрудников различных сторонних компаний. Сам Сноуден фактически работал в офисе АНБ, но числился в Dell и в консалтинговой компании Booz Allen Hamilton, военном подрядчике АНБ. Помимо Dell, стратегическими партнерами АНБ являются IBM, Microsoft, Intel, Motorola — всего более 80 крупных телекоммуникационных корпораций.

Сноуден раскрыл, что американский суд FISA тайным постановлением обязал одну из крупнейших американских телефонных компаний Verizon передавать АНБ записи всех телефонных переговоров жителей США (что означало, что АНБ тайно и без разбора собирало информацию о международных и местных телефонных разговорах по крайней мере 10 млн человек). В решении суда оговаривалось, что прослушка осуществляется в соответствии с *Патриотическим актом*, принятым после событий 11 сентября 2001 г.

Другая сенсационная новость заключалась в том, что, по утверждению Сноудена, ряд крупнейших интернет-компаний, в том числе Facebook, Yahoo!, Apple и Google заключили с АНБ секретные соглашения, в рамках которых позволили АНБ собирать данные непосредственно со своих серверов при помощи программы PRISM.

Масштабы слежки с учетом перехвата данных, передающихся через оптоволоконные кабели, были на внутреннем учете: программа BOUDNLESS ежедневно с математической точностью вела подсчет телефонных звонков и электронных писем, собранных со всего мира.

В то время как официальные представители АНБ неоднократно лгали Конгрессу, что АНБ не в силах представить точные данные по прослушке, программа подсчитывала, что за 30 дней АНБ собирала данные об электронных письмах и звонках в США (3 млрд), Германии (500 млн), Бразилии (2,3 млрд) и Индии (13,5 млрд), Франции (70 млн), Испании (80 млн) и т. д.

В 2011 г. объектом пристального внимания АНБ стали политические лидеры Бразилии и Мексики. Выбор не случаен — обе страны богаты нефтяными ресурсами и имеют влияние в своем регионе.

Дипломатический шпионаж помог США протолкнуть резолюцию ООН, вводящую санкции против Ирана. В 2010 г. в секретной телеграмме представитель США в ООН сообщал, что сбор секретных данных «помог мне понять, когда представители других стран говорили правду... выяснить их истинное мнение о введении санкций... получить перевес голосов... и предоставил информацию о черте, которую не стоит пересекать».

В книге приводится внушительный список государств, за дипломатическими учреждениями которых на территории США велась слежка. Помимо объектов наблюдения раскрываются и способы перехвата информации: сбор данных с экранов компьютеров, лазерных принтеров, сенсоров магнитного излучения, подмена коммутаторов, использование жучков, передатчиков ФБР и пр.

В 2007 г. АНБ запустило программу слежения за активностью интернет-пользователей X-KEYSCORE. Программа позволяет наблюдать за просмотром пользователем страниц в режиме реального времени, получать и сохранять тексты писем, чатов, запросы в Google и названия посещенных сайтов. «Я, сидя за своим столом, мог подключиться к любому человеку, начиная от вас и заканчивая вашим бухгалтером, федеральным судьей или даже президентом, будь у меня адрес его личной электронной почты», — заявлял Сноуден.

О чем же хотел предупредить человечество Эдвард Сноуден?

Прибыль и влияние — неизбежные следствия слежки. Помимо дипломатических манипуляций и экономической выгоды система шпионажа позволяет США сохранить свое влияние на мир.

Книга показывает, что порочная практика неизбирательного, тотального шпионажа, стремление *собрать все* в реальности лишь оправдывает лишение граждан их гражданских прав под лозунгом мнимой борьбы с терроризмом. Даже в самом АНБ признавали, что собирают гораздо больше информации, чем это может быть полезно. Как показывает реальность, созданная машина слежки не всегда позволяет предотвратить теракты, при этом для решения своих задач она намеренно создает бреши в защите коммуникационных систем, которыми могут воспользоваться в том числе и террористы. Пропагандируя *открытость* для простых граждан, представители власти строго блюдают тайну собственной личной жизни. Так формируется философия всевластия и безнаказанности.

Вадим Козюлин

Е И
Ъ К
Н Н
Ж И
И В
Н О
К Н

CSCE Testimonies: Causes and Consequences of the Helsinki Final Act 1972–1989. CSCOE Oral History Project, OSCE Prague Office, 2013. 269 p.

Пражский офис ОБСЕ, одно из самых малочисленных подразделений Организации, заведующее ее архивом и институциональной памятью, подготовил и опубликовал написанную в жанре *устной истории* книгу, посвященную Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Издание рассказывает о зарождении и развитии общеевропейского процесса и приурочено к 40-й годовщине подписа-

ния Хельсинского заключительного акта. Найти книгу на полке магазина не получится, поскольку в продажу она не поступала, однако экземпляр можно заказать бесплатно непосредственно из Праги.

В сборнике приводятся свидетельства заслуженных дипломатов из девяти государств — участников ОБСЕ, непосредственных участников переговоров, по итогам которых было создано СБСЕ, и очевидцев дальнейшего его развития. Составители уделили равное внимание представителям трех групп государств в СБСЕ: Востоку (СССР, Чехословакия, ГДР), Западу (Франция, Италия, США) и группе нейтральных и неприсоединившихся стран (Финляндия, Швейцария, Мальта).

Свидетельства дипломатов представлены в форме интервью, записанных индивидуально, но во многом перекликающихся друг с другом, и таким образом создающих широкое историческое полотно. Наиболее подробно разобранный период — три этапа переговоров 1972–1975 гг. Здесь речь идет как непосредственно о содержательном наполнении хельсинского процесса, так и о более технических моментах дипломатической кухни, например, формировании и работе делегаций, приоритетах и задачах отдельных государств и координации в рамках своей группы. Впрочем, некоторые из собеседников, к примеру, послы Финляндии Яакко Илониеми и Франции Жак Адреани, обращаются к более ранним дискуссиям о европейской безопасности, которые велись еще в 1950–1960-е гг., и к инициативам Советского Союза о проведении общеевропейской конференции, которые легли в основу СБСЕ.

Отдельные эпизоды и анекдоты из интервью дипломатов оттеняют и добавляют штрихи в общую картину. Из любопытного: французский посол, описывая свои регулярные перемещения между делегацией Франции на женевских переговорах и собственным министерством, вспоминает, как в конце рабочей недели он отправлял из Женевы телеграмму в Париж, а возвращаясь на набережную Орсе на выходных консультировался с руководством и писал на эту же телеграмму ответ. Швейцарец Эдуард Бруннер отмечает, что Швейцария — не Италия — предложила сделать итальянский одним из официальных языков СБСЕ в обмен на поддержку предложения ФРГ по поводу немецкого языка. Интересен первый опыт взаимодействия с общеевропейским процессом американца Спенсера Оливера: в отличие от других представителей, опрошенных для книги, которые были привлечены для работы по линии СБСЕ в качестве дипломатов, Оливер в 1972 г. возглавлял американскую делегацию на Всеевропейской молодежной конференции по безопасности.

Большинство бесед в книге завершаются размышлениями о месте ОБСЕ в современном мире и нынешней системе европейской безопасности. Интервьюируемые сходятся во мнении, что хельсинский процесс стал продуктом холодной войны, однако принципы и механизмы диалога, разработанные в СБСЕ, актуальны по настоящий день. В этом смысле сборник поможет новому поколению дипломатов и международников. Печальным напоминанием о смене поколений служит то, что в декабре 2013 г. не стало посла Юрия Владимировича Дубинина, опрошенного для книги в качестве участника советской делегации при подготовке Хельсинского заключительного акта.

Сборник был подготовлен до начала украинского кризиса, поставившего ОБСЕ в центр международного внимания и подтвердившего ее востребованность в каче-

стве площадки для диалога по вопросам безопасности. За последние полтора года дискуссии о будущем европейской безопасности редко обходились без упоминания организации, влияние которой в 2000-х годах снижалось. В этом контексте книга своевременно напоминает об истоках общеевропейского процесса и о том, как путем переговоров уже удавалось решать серьезные проблемы в Европе. 🐘

Олег Шакиров

Peter Schweizer. Clinton Cash. The Untold Story of How and Why Foreign Governments and Businesses Helped Make Bill and Hillary Rich. NY: HarperCollins, 2015. 256 p.

Автор нашумевшего бестселлера *Победа* Питер Швейцер написал очередную разоблачительную книгу с интригующим названием *Деньги Клинтонов: нерасказанная история о том, как и почему иностранные правительства и бизнесмены помогли Биллу и Хиллари разбогатеть*. В свете предстоящих осенью 2016 г. президентских выборов в Штатах, вышедшая в мае книга П. Швейцера вполне может *выстрелить*. С момента публикации скандалы вокруг фонда Клинтонов не утихают, что дает очевидное преимущество соперникам Хиллари по президентской гонке. Не прекращаются и нападки в прессе.

Как следует из названия, центральной темой книги является резко возросшее за последние годы финансовое благосостояние четы Клинтонов. Еще в 2000 г. размер долгов Билла и Хиллари исчислялся миллионами долларов. Однако с тех пор они заработали более 130 млн долларов. «Откуда деньги?» — вполне логично вопрошает П. Швейцер. Поиску ответа на этот вопрос и посвящена книга, автор которой пытается пролить свет на финансовые махинации четы. Многие полагают, что Клинтоны смогли выбраться из долгов и скопить немалый капитал за счет доходов от публикации мемуаров и *подработки* Билла в качестве консультанта иностранных правительств. Однако, по мнению П. Швейцера, не все так просто. Хотя лекции Билла и составляли добрую часть семейного бюджета, их цель была несколько иная. По мнению автора, гонорары Билла за лекции, впрочем, как и пожертвования в основанный в начале 2000-х гг. благотворительный Фонд Клинтонов, были лишь прикрытием для коррупционных сделок, истинного источника финансовых поступлений. Щедрые инвесторы, желающие повернуть выгодные сделки, которые требовали утверждения на уровне Государственного департамента (который на тот момент возглавляла Хиллари), действовали либо через Билла, передавая вознаграждение под видом гонораров за консультации, либо через Фонд, в который жертвовали приличные суммы. По словам П. Швейцера, большая часть пожертвований утекала в карманы его основателей, и лишь малая часть использовалась по назначению.

Автор утверждает, что за покупкой госкорпорацией *Росатом* доли в *Uranium One*, канадской компании, владеющей урановыми рудниками по всему миру, в том числе в США, стояла та же двухходовая схема: пожертвование в Фонд — одобрение контрактов. Помощь Клинтонов была необходима канадцам, так как компания, владевшая американскими урановыми рудниками, не могла закрыть сделку без разрешения Госдепа. Хиллари, занимавшая на тот момент пост Государственного

Е И
Ы К
Н Н
Ж И
Н В
Н О
Х Н

секретаря США, сделку одобрила. К 2010 г. Россия уже имела контрольный пакет акций *Uranium One*, а к 2013 г. приобрела компанию целиком.

На протяжении всей книги Питер Швейцер пытается уличить чету Клинтонов в жажде наживы и коррупции, называя крупные пожертвования иностранных бизнесменов и политиков в Фонд Клинтонов взятками, которые вымогались непосредственно через Государственный департамент. Однако, несмотря на заявления автора о том, что Хиллари имела право заблокировать урановую сделку и тем самым предотвратить невыгодную для американской экономики договоренность, слабо верится, что она — единственный человек, от которого в свое время зависело решение данного вопроса. Публикация ради сенсации — вот к чему стремился П. Швейцер, передавая свою книгу ведущим американским СМИ для проверки достоверности перечисленных в книге фактов. В итоге вышла хорошая реклама П. Швейцеру и его творению и не менее хорошая антиреклама предвыборной компании Хиллари. Если подойти к вопросу с точки зрения теории заговора, а именно в этой стилистике выдержан текст, велик соблазн предположить, что и сама книга, и предшествующая ей кампания имели целью подорвать популярность одного из главных претендентов на президентский пост на предстоящих выборах. Сенатор-республиканец Рэнд Пол, объявивший о желании участвовать в президентских выборах, незадолго до выхода книги дал интервью, в котором высказался по теме доходов семейства Клинтонов, пообещав, что скоро по делу Фонда Клинтонов будут опубликованы сенсационные подробности. Вскоре скандальные разоблачения начали появляться в СМИ, а затем вышла и сама книга.

Можно ли назвать такое стечение обстоятельств преднамеренной акцией, направленной против Хиллари и ее растущей популярности, или все же во времена работы в Государственном департаменте Хиллари действительно была всевластна и охотно пользовалась своим положением? Книга Швейцера заставляет задуматься, причем не только над вопросами, поставленными автором. 🐼

Елена Петросян

F R O M T H E E D I T O R7 **Roaming along Asiaope's unbeaten paths — Vladimir Orlov**

The outgoing editor-in-chief of the Security Index, Vladimir Orlov, offers his views on the role of BRICS and the SCO in the modern world, the implications of the SCO-BRICS polygonal partnership for Europe, Iran's regional role and its nuclear program, as well as the new Security Index team.

Key words: BRICS, SCO, Iranian nuclear program, Europe.

I N T E R V I E W13 **I believe it is time we agree to stop expanding the scope of BRICS cooperation — Sergey Storchak**

Key words: BRICS, New Development Bank, Contingent Reserve Arrangement.

18 **BRICS has the potential to evolve into a proper intergovernmental structure — Sergey Ryabkov**

Key words: BRICS, international security, global Internet governance.

In the run-up to the BRICS summit, senior officials from two key agencies responsible for the promotion of BRICS cooperation, Deputy Finance Minister Sergey Storchak and Deputy Foreign Minister Sergey Ryabkov, gave in-depth interviews to the new editor-in-chief of the Security Index. They spoke of BRICS achievements and shared their somewhat divergent views on the forum's future.

A N A L Y S I S25 **Outcome of the 2015 NPT Review Conference: what awaits the nuclear nonproliferation regime — Andrey Baklitsky**

The director of PIR Center's *Russia and Nuclear Nonproliferation* program recounts the ups and downs of the 2015 NPT Review Conference. Differences over the establishment of a WMD-free zone in the Middle East prevented the conference from adopting the Final Document. The NPT review process is now in for serious trials and tribulations in the run-up to the 2020 RevCon.

Key words: NPT, nuclear nonproliferation, nuclear disarmament, Humanitarian Initiative, NWFZ.

41 **Bound by the same blockchain: a review of international regulation of crypto-currencies** — *Oleg Demidov*

For all the explosive rise and growing popularity of crypto-currencies in the fintech community and beyond, most countries still lack a clear government policy in that area. A PIR Center consultant analyses the technological architecture, legal status, regulatory approaches, and new opportunities opened up by crypto-currencies.

Key words: *crypto-currencies, blockchain, Bitcoin, Internet.*

61 **Nuclear security in the nuclear newcomer countries** — *Dmitry Kovchegin*

This article offers a review of the existing international requirements for protection, accounting for and control of nuclear material and proposes measures to be implemented at the national level by the nuclear newcomer countries in order to meet the minimum standards of nuclear security for their nuclear material and facilities.

Key words: *nuclear security, nuclear material, nuclear energy.*

73 **Identifying the sources of cyberattacks** — *Aleksei Lukatsky*

Cyber incidents are growing both in number and in gravity. There are no simple and reliable ways of identifying their sources, or even distinguishing between attacks by state or non-state actors. This article offers a comprehensive analysis of the existing techniques and various aspects of cyber attack attribution.

Key words: *cyberthreats, cyberspace, Internet, information security.*

87 **The Kurdish factor in the changing Greater Middle East** — *Yulia Sveshnikova*

The rise of the Islamic State terrorist group in the Middle East and its rapid territorial expansion has placed the Kurdish issue in a new context. How has the Kurds' situation changed in the four Middle Eastern states with the largest Kurdish populations, and how realistic is the prospect of an independent Greater Kurdistan? A PIR Center consultant offers her answers to these questions.

Key words: *Greater Kurdistan, Islamic State, Middle East.*

R O U N D T A B L E

101 **BRICS: global problems from Fortaleza to Ufa** — *Evgeny Buzhinsky, Oleg Demidov, Vadim Lukov, Vladimir Orlov, Viktoria Panova, Alexander Radovitsky, Vitaly Slizen, Georgy Toloraya*

The evolution of BRICS is evidence of a sustainable and long-term trend towards the formation of a polycentric world. A forum conceived as an alternative to the established Western approaches and obsolete global institutes, both economic and political, is steadily making progress in the right direction. PIR Center experts and partners discuss the role of BRICS in resolving international security problems, the global internet governance, and cooperation in the high tech area.

Key words: *BRICS, international security, global Internet governance.*

111 **The comprehensive agreement on the Iranian nuclear program in the regional context** — *Albert Zulkharneev, Heydar Mirza, Ozden Zeynep Oktav, Iman Akhmed Ragab, Youssef Shatilla*

The comprehensive agreement on the Iranian nuclear program recently signed between Tehran and the P5+1 is expected to eliminate the threat of Iran acquiring nuclear weapons and to end the country's international isolation. At the same time, the lifting of the sanctions against Tehran and the ongoing progress of its peaceful nuclear program will strengthen Iran's regional standing. Its neighbors will have to

seek new strategies in the changing system of regional relations. The Security Index offers excerpts from an expert discussion on the regional aspects of the comprehensive agreement.

Key words: *Iranian nuclear program, NPT, Middle East.*

C O M M E N T A R Y

- 121 **The Sino-Russian cyber-pact: is there a cause for concern?** — *Alexandra Kulikova*

During the recent visit to Moscow by the Chinese leader Xi Jinping the two countries signed an agreement on cooperation in information security. Alexandra Kulikova analyses the nature of the new Russian-Chinese agreement in one of the key areas of international relations and its potential implications in the global context.

Key words: *Russia, China, cybersecurity, cyberspace.*

I N T E R N A T I O N A L R E V I E W

- 128 **The iSi International Security Index in January–June 2015: fears and hopes** — *Galiya Ibragimova, Evgeny Buzhinsky, Dayan Jayatilleka, Sergio Duarte, Pal Dunay, Nikolay Zlobin, Halil Karaveli, Andrei Kortunov, Abdulaziz Sager, Evgeny Satanovsky, Farhod Tolipov, Nandan Unnikrishnan*

The ongoing expansion of the Islamic State, the war in Yemen, continued violations of the truce in southeastern Ukraine, and the ongoing tensions between Russia and the West were the main international security threats in the reported period. At the same time, the six international mediators have finally managed to reach a comprehensive agreement with Tehran on the Iranian nuclear program. Members of the International Expert Group discuss these and other trends that define the state of global security.

Key words: *Islamic State, Syria, Ukraine, international security.*

- 138 **A liberal's take: the sound of boots stomping...** — *Yuri Fedorov*

By the summer of 2015, the second Cold War has become the dominate factor of the international relations in the northern hemisphere, if not globally. That is a predictable result of the confrontation between Russia and the Euro-Atlantic community of nations triggered by the events in Ukraine. There is now a distinct possibility of that confrontation spiraling out of control and leading to a nuclear conflict.

Key words: *Cold War II, hybrid warfare, Russia, United States.*

- 150 **A conservative's take: global security between the Donbass and Syria** — *Dmitry Evstafiev*

Stating that the modern system of international relations, including military and security relations, is increasingly chaotic seems banal. The temptation is great to blame everything on one, two, or at most five world leaders standing in the way of a peaceful new world order — but the latest developments may well be part of a long-term trend rather than a fluke.

Key words: *global security, Russia, United States, nuclear nonproliferation.*

L I B R A R Y

- 161 **The Islamic Media State** — *Polina Kolozaridi, Alexander Ilyin*

What can persuade a person brought up in a Western culture to join an Islamist terrorist group? Researchers of the Center for Internet and Society Studies

discuss the glossy magazine of the Islamic State, the aesthetics of death, and performative reading.

Key words: *Islamic State, propaganda, mass media.*

N E W B O O K S

169 *Elena Voronina, Dmitry Polikanov, Vadim Kozyulin, Oleg Shakirov, and Elena Petrosyan* — PIR Center staff members, partners, and interns offer their reviews of the latest additions to the PIR Center Library.

177 S U M M A R Y

181 A B O U T T H E A U T H O R S

189 P I R C E N T E R

190 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D
A N D I T S W O R K I N G G R O U P

196 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

E N D . Q U O T E

Cov.III **On hope**

Баклицкий Андрей Александрович — директор программы «Россия и Ядерное нераспространение». Выпускник факультета международных отношений Уральского федерального университета. Специалист в области регионоведения. В 2008–2009 гг. проходил обучение в Университете Севильи (Испания). Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Стажер ПИР-Центра с мая по июль 2011 г. Выпускник Международной Летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). Редактор Белой книги ПИР-Центра «Десять шагов к зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке». Сфера научных интересов: международная безопасность, Ближний и Средний Восток, ядерная энергетика и ядерное нераспространение. Адрес электронной почты: baklitsky@pircenter.org

Бужинский Евгений Петрович — председатель Совета ПИР-Центра. Заместитель генерального директора по внешнеэкономической деятельности ОАО «Концерн радиостроения «Вега». Генерал-лейтенант запаса. Кандидат военных наук. В вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. С 2009 по 2014 г. — член Совета по устойчивому партнерству с Россией. Член Международной экспертной группы ПИР-Центра с 2010 г. В 2011–2014 г. — старший вице-президент ПИР-Центра. Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Демидов Олег Викторович — консультант ПИР-Центра. Окончил факультет государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. В 2012–2014 гг. — сначала координатор, затем директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом» ПИР-Центра, с 2014 г. — редактор глобального издания журнала *Индекс Безопасности*. В 2011–2012 гг. — координатор проектов Центра политических и международных исследований. С 2012 г. — эксперт Комиссии по информационной безопасности и киберпреступ-

ности Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК). Выпускник Зимней школы–2011 г. Центра международной и региональной политики (CIRP), выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности. Участник Рабочей группы по кибербезопасности АТССБ в 2011 г., участник международного проекта *Новый концерт держав в XXI веке* Франкфуртского института по изучению проблем мира и конфликтов (PRIF) (2011–2014 гг.). Является секретарем Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертном совете ПИР-Центра с 2012 г. Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org. Фейсбук: demidovov

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — профессор департамента интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат политических наук. В 1989 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. В 1989–1995 гг. работал в Институте США и Канады. С 1995 по 1999 г. работал в Российском институте стратегических исследований сначала старшим, а затем ведущим научным сотрудником. В 1999–2001 гг. работал заместителем главного редактора журнала *Новая Россия*. С 2001 по 2005 г. работал в Компании развития общественных связей (КРОС) вице-президентом по аналитическим и политическим проектам. С 2005 по 2006 г. работал директором департамента общественных связей государственного внешнеэкономического общества *Техснабэкспорт*. Позднее работал заместителем генерального директора некоммерческой организации *Национальная лаборатория внешней политики*, директором Департамента стратегии коммуникаций ТНК-ВР. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Фейсбук: dmitry.evstafyev.9

Зульхарнеев Альберт Фархатович — директор ПИР-Центра. Окончил аспирантуру факультета мировой политики и мировой экономики Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики. Выпускник магистратуры факультета международных отношений Уральского государственного университета (2008) и магистратуры исторического факультета Центрально-Европейского университета (2007, Будапешт, Венгрия). В 2003–2005 гг. принимал участие в международных курсах персидского языка и литературы. С 2007 г. стажер, сотрудник ПИР-Центра. В августе-декабре 2011 г. стипендиат программы по преподаванию и исследованию Академии ОБСЕ в Бишкеке. Директор Образовательной программы, в 2013–2015 гг. — исполнительный директор ПИР-Центра. С апреля 2015 г. — директор ПИР-Центра. Адрес электронной почты: zulkharneev@pircenter.org

Ильин Александр Владимирович — исследователь Центра изучения Интернета и общества. Закончил бакалавриат факультета социологии НИУ ВШЭ в 2014 г. С третьего курса занимается изучением отношений между производителями и потребителями контента в Интернете. Пишет магистерскую диссертацию в НИУ ВШЭ о том, как пользователи различают законный и незаконный доступ к контенту. Участник международных проектов Центра изучения Интернета и общества совместно с Network of Centers и Berkman Center.

Ковчегин Дмитрий Алексеевич — независимый исследователь, эксперт по ядерной безопасности. Консультант проектов российско-американской программы сотрудничества по усовершенствованию систем физической защиты, учета и контроля на российских ядерных объектах московского представительства компании Буз Аллен Хэмилтон. Ранее работал научным сотрудником в ПИР-Центре и Центре Белфера по науке и международным отношениям Гарвардского университета. Выпускник образовательной программы в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и нераспространения Московского инженерно-физического института. Член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертном совете ПИР-Центра с 2012 г.

Колозариди Полина Владимировна — исследователь Центра изучения Интернета и общества. Младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории политических исследований Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ). Аспирант кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ. Тема диссертации: *Трансформация научного знания об Интернете в СМИ: теоретико-методологический анализ*. В 2009 г. окончила Томский политехнический университет по специальности «Реклама», в 2010 г. — Московскую высшую школу социальных и экономических наук, по специальности «Социология». Работала в IT и телевизионной журналистике, трудилась научным редактором журнала *Webscience.ru*, колумнистом *Русского журнала* и *Московских новостей*. С 2012 г. работает в Высшей школе экономики. В 2015 г. была приглашенным исследователем в King's College London. Адрес электронной почты: pkolozaridi@hse.ru

Куликова Александра Владимировна — координатор программы *Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность* ПИР-Центра. Магистр наук в области управления медиа и коммуникациями, Лондонская школа экономики и политических наук (2013 г.). В настоящее время фокусируется на исследованиях в области глобального управления интернетом, государственной и корпоративной политики в области защиты прав человека, вопросов приватности и защиты персональных данных в киберпространстве, международных киберстратегий. Принимала участие в работе исследовательской группы LSE Media Policy Project в качестве научного ассистента (2012–2014 гг.). Выпускница Московского государственного лингвистического университета (2005 г.) кафедры межкультурной коммуникации по специальности «Теория и практика преподавания иностранных языков и культур» (английский, французский, испанский). В 2006 г. проходила стажировку в Дирекции языковой политики Совета Европы (Страсбург, Франция). В 2007–2012 гг. выпускала *RBCS Bulletin*, ежемесячный деловой журнал Российско-британской торговой палаты. Адрес электронной почты: kulikova@pircenter.org. Фейсбук: [alexandra.kulikova.790](https://www.facebook.com/alexandra.kulikova.790)

Лукацкий Алексей Викторович — бизнес-консультант по информационной безопасности компании *Cisco*. В 1996 г. окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА) по специальности «Прикладная математика» (специализация — «Защита информации»). Входит в рабочую группу ЦБ по разработке требований по безопасности Национальной платежной системы (382-П). Участвует в экспертизе нормативно-правовых актов, в области информационной безопасности и персональных данных. Является участником Подкомитета № 1

«Защита информации в кредитно-финансовой сфере» Технического комитета № 122 «Стандартизация финансовых услуг» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Является участником Подкомитета № 127 «Методы и средства обеспечения безопасности ИТ» Технического комитета № 22 «Информационные технологии» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Является участником Технического комитета № 362 «Защита информации» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии и ФСТЭК. Член Консультативного совета при Роскомнадзоре по защите прав субъектов персональных данных. Член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертном совете ПИР-Центра с 2012 г. С 2014 г. — член Экспертного совета ПИР-Центра. Блог: lukatsky.blogspot.ru

Луков Вадим Борисович — посол по особым поручениям МИД РФ, заместитель представителя президента РФ в Группе восьми, координатор в МИД России по работе Группы двадцати и группы БРИКС. Доктор исторических наук. В 1975 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1979 г. на дипломатической службе. В 1995–1997 гг. — директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России. С 1997 г. по 2000 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Южно-Африканской Республике и по совместительству в Королевстве Лесото. В 2001–2004 гг. — посол по особым поручениям МИД России. В 2004–2009 гг. — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Королевстве Бельгия.

Мирза Гейдар — научный сотрудник, Центр стратегических исследований при президенте Азербайджана. Выпускник Летней школы 2012 г. Степень MBA бизнес-школы Абердеен, Университет имени Роберта Гордона. Выпускник факультета финансов и кредита Азербайджанского государственного экономического университета (2005). Работал в Международном банке Азербайджана, Unibank, Банке Азербайджана и AMRANBANK. Сфера научных интересов: внешняя политика Азербайджана, национальная безопасность в Азербайджане, региональная безопасность и конфликты на Южном Кавказе, военное строительство.

Октав Озден Зейнеп — профессор Школы международных отношений Йилдизского технологического университета (ЙТУ). Окончила Университет Богазичи (Турция). В 1999–2002 гг. — заместитель заведующего кафедрой политологии и международных отношений ЙТУ. В 2002–2004 гг. — заместитель директора Института социальных наук. В 2004–2005 и 2010–2012 гг. — заместитель декана факультета экономики и административных наук ЙТУ. Также работала в Университете Сент-Эндрюс, Кембриджском университете, Центре исламских исследований, на факультете изучения Азии и Ближнего Востока Университета Богазичи. Адрес электронной почты: ozoktav@yahoo.com

Орлов Владимир Андреевич — кандидат политических наук. Является основателем (в 1994 г.) и советником ПИР-Центра. С 1994 по 2015 г. — директор, президент ПИР-Центра, а также член Совета ПИР-Центра. С 1994 по 2015 г. — главный редактор журнала *Индекс Безопасности* (до 2007 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*). С 2014 г. — заведующий Центром глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ. Член Консультативного совета по вопросам разоружения при генеральном секретаре ООН (с 2015 г.). Член Совета по формированию глобальной повестки дня Всемирного экономическо-

го форума (с 2014 г.). Основатель (в 1993 г.), а ныне член Международного клуба Триалог. Возглавляет (с 2006 г.) научно-исследовательскую ассоциацию Centre russe d'études politiques со штаб-квартирой в Женеве (Швейцария). Член Экспертного совета Правительства Российской Федерации (с 2014 г.). Член Экспертного совета по противодействию коррупции при Управлении Президента РФ по вопросам противодействия коррупции (с 2014 г.). Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Советник делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО (2010 г., сессии Подготовительного комитета 2012–2014 гг.). Член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Член Российского Пагуошского комитета при президиуме РАН. Член редакционной коллегии журнала *The Washington Quarterly*. Занимается активной научной, просветительской и преподавательской деятельностью в России и за рубежом. Преподает в МГИМО МИД РФ. Автор (соавтор) более 10 книг и монографий, около 300 научных работ и публицистических статей. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org. Твиттер: Orlov_pircenter. Фейсбук: VladimirAOrloff

Панова Виктория Владимировна — старший советник по стратегическому планированию Национального комитета по исследованию БРИКС, член Совета экспертных центров БРИКС. Доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ. В 2005 г. защитила диссертацию на тему *Деятельность механизмов многостороннего взаимодействия в сфере предотвращения и урегулирования конфликтов (на примере «Группы восьми»), 1991–2005 гг.* Сопредседатель процесса «Гражданский БРИКС». Региональный директор по России в «Группе по исследованиям восьмерки Университета Торонто, член Международного консультативного совета и Национальной рабочей группы по организации «Гражданской восьмерки» под руководством Э.А. Памфиловой, председателя Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Член Научного совета НКИ БРИКС. Член рабочей группы Civil 20. Твиттер: panova_victoria

Рагаб Иман — старший научный сотрудник Отдела исследований в области безопасности Центра политических и стратегических исследований (Египет). Редактор *Теоретических трендов* — дополнения к журналу *Международная политика* (на арабском языке). В 2004 г. — окончила факультет экономических и политических наук Каирского университета (бакалавр политологии). С 2008 г. — член научной Ассоциации факультета экономических и политических наук Каирского университета. С 2010 г. — исследователь Каирского университета. Адрес электронной почты: eman82s@yahoo.com

Радовицкий Александр Александрович — помощник специального координатора по вопросам политического использования информационно-коммуникационных технологий МИД РФ. В 2011 г. окончил магистратуру МГИМО (У) МИД России по специальности «Международные отношения». С 2011 г. по настоящее время является атташе Департамента по вопросам новых вызовов и угроз. Эксперт по вопросам международной безопасности и управлению Интернетом.

Рябков Сергей Алексеевич — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1982 г. окончил МГИМО МИД СССР. С этого же года на дипломатической службе. В 1995–1999 гг. — началь-

ник отдела ОБСЕ Департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел Российской Федерации. В 1999–2001 гг. — старший советник посольства России в США, в 2002–2005 гг. — советник-посланник посольства России в США. В 2005–2008 гг. — директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. С августа 2008 г. — заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации. Член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Свешникова Юлия Владимировна — младший научный сотрудник Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ–ВШЭ), магистрант Института исламской мысли и цивилизации (Куала-Лумпур, Малайзия). Выпускница факультета права НИУ–ВШЭ (2010). В 2009 г. — координатор образовательных проектов ПИР-Центра. С 2010 г. по настоящее время — научный сотрудник Экспертного института НИУ–ВШЭ. С 2014 г. — аналитик в организации «Islamic Renaissance Front» (Куала-Лумпур, Малайзия) и эксперт аналитического агентства «Внешняя политика». В 2010 г. прошла обучение в Международном университете имама Хомейни (Казвин, Иран). Выпускница Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2013). Победитель всероссийского конкурса молодых журналистов-международников под эгидой РСМД в номинации «лучшая аналитическая статья по международной проблематике» (2013). Сфера научных интересов: иранистика, ислам в политике мусульманских государств, межрелигиозный диалог. Адрес электронной почты: svjul5@mail.ru

Слизень Виталий Александрович — член Совета директоров, группа компаний *INOVENTICA*. Советник в области телекоммуникационных и информационных технологий, Управляющая компания РФПИ. В 1992 г. окончил с отличием Военный инженерный Краснознаменный институт (ВИКИ) им. А. Ф. Можайского. В 1992–1994 гг. служил в рядах Вооруженных сил. В 1995–1998 гг. работал в *ПетерСтаре*, в 1998–2001 гг. — в *Телекоминвесте*. С июля 2001 г. по октябрь 2004 г. — первый заместитель гендиректора МТТ. С ноября 2004 г. по июнь 2006 г. — директор Департамента государственной политики в области инфокоммуникационных технологий Мининформсвязи России. С декабря 2006 г. по июнь 2010 г. — генеральный директор ЗАО «Синтерра». В октябре 2011 г. назначен генеральным директором «Коммуникации для инноваций» (КДИ, торговая марка *Inoventica*). Кандидат экономических наук, тема диссертации *Формирование механизма инновационного обеспечения конкурентоспособности предприятия*.

Сторчак Сергей Анатольевич — заместитель министра финансов Российской Федерации. В 1981 г. окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР по специальности «Международные экономические отношения». С 1981 до 1988 г. — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. С 1988 по 1992 г. — второй секретарь, старший референт Постоянного представительства СССР/России при Отделении ООН и других международных организациях, Министерство иностранных дел СССР/России. С 1994 до 1998 г. — заместитель руководителя Департамента — начальник отдела Департамента иностранных кредитов и внешнего долга, заместитель начальника Департамента иностранных кредитов и внешнего долга, Министерство финансов России. С 1998 по 2004 г. — заместитель председателя Банка внешнеэкономической

деятельности (Внешэкономбанка). С 2004 по 2005 г. — директор Департамента международных финансовых отношений, государственного долга и государственных финансовых активов Министерства финансов Российской Федерации. С 2005 — по настоящее время заместитель министра финансов Российской Федерации.

Толорая Георгий Давидович — исполнительный директор Национального исследовательского комитета БРИКС. Доктор экономических наук, профессор. Чрезвычайный и Полномочный Посланник. В 1978 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1978 по 1980 г. и с 1984 по 1987 г. — сотрудник Торгового представительства СССР в КНДР. С 1980 по 1990 г. — младший научный сотрудник и научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. С 1981 г. преподавал в МГИМО. С 1990 по 1991 г. — ответственный секретарь Советско-южнокорейского совета по экономическому сотрудничеству Торгово-промышленной палаты СССР. С 1991 г. заведующий отделом Кореи МИД РФ (1991–1993), советник-посланник посольства РФ в Республике Корея (1993–1998), заместитель директора Первого департамента Азии МИД РФ (1998–2003), генеральный консул РФ в Сиднее (2003–2007). Гость-исследователь Института Брукинга (Вашингтон, 2007–2008). Издано около 100 работ (в России, США, Республике Корея, Китае, Японии, Австралии и др.) по экономике и политике Северо-Восточной Азии, проблемам Корейского полуострова, в том числе *Республика Корея; Очерки экономики Республики Корея* (совместно с М. Тригубенко); *У карты мира. Республика Корея, Политические системы государств Корейского полуострова* и др. Член Экспертного совета ПИР-Центра с 2013 г.

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат исторических наук, профессор. Член Чешской ассоциации международных исследований. Окончил физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1970–1973 гг. — аспирант ИМЭМО АН СССР. С 1969 по 1971 г. — младший научный сотрудник Института конкретных социологических исследований АН СССР. В 1971–1989 гг. прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО. В 1989–1991 гг. — старший референт, руководитель группы Международного отдела ЦК КПСС. В 1991–2001 гг. — доцент, профессор кафедры политологии МГИМО МИД РФ. В 1995 г. читал лекции в King's College (Лондон) по программе исследований проблем безопасности в посткоммунистическом обществе. В 1998–2001 гг. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. В 2003–2006 гг. — профессор кафедры политической теории, директор Центра исследований проблем войны и мира МГИМО (У) МИД РФ. Позднее работал в Королевском институте международных отношений (Chatham House, Лондон). Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Шатилла Юсеф — заведующий академическими программами Масдарского института науки и технологий. Доктор в области ядерной техники Массачусетского технологического института. С 2008 г. является основателем и деканом

академической программы Ядерной и машинной инженерии в институте Масдар, Абу-Даби. Занимается внедрением, развитием и аккредитацией 8 магистерских и докторских междисциплинарных программ. С 2007 г. является приглашенным профессором в Массачусетском технологическом институте на отделение ядерной инженерии. С 2002 г. на протяжении 5 лет работал помощником профессора на отделении ядерной инженерии в университете короля Абдель Азиза. В 2002 и 2005 гг. был научным сотрудником Национальной лаборатории в Айдахо. Ранее на протяжении 10 лет работал главным инженером в компании *Westinghouse*, где разрабатывал методы конструкции ядерного реактора. В сферу его научных интересов входят вопросы физики ядерных реакторов, оптимизация управления в активной зоне ядерного топлива, усовершенствование конструкций реакторов, применение ядерных систем для опреснения воды и производства водорода, микро- и нано-струйной разработки и анализа и устойчивой энергетики. Адрес электронной почты: yshatilla@masdar.ac.ae

ПИР-ЦЕНТР

(по состоянию на 14 июля 2015 г.)

Андрей А. **Баклицкий**, директор программы «Россия и ядерное нераспространение»

Евгений П. **Бужинский**, к.в.н., генерал-лейтенант, председатель Совета

Олег В. **Демидов**, консультант

Дмитрий Г. **Евстафьев**, к.п.н., член Совета

Вячеслав А. **Зайцев**, главный бухгалтер

Альберт Ф. **Зульхарнеев**, директор

Галия Р. **Ибрагимова**, к.п.н., консультант

Наталья И. **Калинина**, д.м.н., член Совета

Вадим Б. **Козюлин**, к.п.н., старший научный сотрудник и член Совета

Александра В. **Куликова**, координатор программы «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность»

Василий Ф. **Лата**, д.в.н., генерал-лейтенант, консультант

Карина Т. **Маркова**, стажер

Евгений П. **Маслин**, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. **Мау**, д.э.н., член Совета

Ольга С. **Мостинская**, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*

Владимир А. **Орлов**, к.п.н., советник и член Совета

Елена А. **Петросян**, стажер

Дмитрий В. **Поликанов**, член Совета

Галина Д. **Рассказова**, бухгалтер

Екатерина С. **Сизикова**, координатор проектов

Илона Т. **Стадник**, стажер

Максим В. **Старчак**, научный сотрудник

Екатерина А. **Степанова**, д.п.н., член Совета

Вячеслав И. **Трубников**, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Юрий Е. **Федоров**, к.и.н., член Совета

Александра В. **Чепелева**, координатор базы данных

Елена В. **Черненко**, к.и.н., член Совета

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 10 июля 2015 г.)

Айнхорн Роберт, старший научный сотрудник, Брукингский институт, Вашингтон, США (с 2007 г.)

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия (с 2010 г.)

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия (с 2007 г.)

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Барзегар Кейхан, директор, Институт стратегических исследований Ближнего Востока, Тегеран, Иран (с 2015 г.)

Васильев Виктор Львович, Полномочный представитель Российской Федерации при Организации Договора о коллективной безопасности, Москва, Россия (с 2015 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия (с 1999 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия (с 2002 г.)

Волчинская Елена Константиновна, главный специалист по информационному праву, Фонд «Центр инноваций и информационных технологий», Федеральная нотариальная палата, Москва, Россия (с 2015 г.)

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., Постоянный представитель, Постоянное представительство Российской Федерации при международных организациях в Вене, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Воронцов Александр Валентинович, к.и.н., заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2013 г.)

Габуев Александр Тамерланович, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе», Московский Центр Карнеги, Москва, Россия (с 2015 г.)

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия (с 2011 г.)

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2003 г.)

Демидов Олег Викторович, консультант, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2015 г.)

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Дханапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка (с 2004 г.)

Елеукинов Дастан Шериазданович, д.ф.-м.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Республики Казахстан в Королевстве Швеция, Стокгольм, Швеция (с 1994 г.)

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант Командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария (с 2005 г.)

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия (с 2005 г.)

Загорский Андрей Владимирович, к.и.н., заведующий отделом разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2014 г.)

Кибароглу Мустафа, преподаватель, кафедра политологии и международных отношений, Университет МЕФ, Стамбул, Турция (с 2013 г.)

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 1994 г.)

Ковчегин Дмитрий Алексеевич, независимый эксперт, Москва, Россия (с 2015 г.)

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., профессор, проректор по научной работе, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2003 г.)

- Краснов** Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия (с 2003 г.)
- Лаверов** Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Ладыгин** Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Лебедев** Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия (с 2000 г.)
- Лукацкий** Андрей Викторович, консультант по информационной безопасности, компания *Cisco*, Москва, Россия (с 2014 г.)
- Лукьянов** Федор Александрович, председатель Президиума, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Москва, Россия (с 2010 г.)
- Лысенко** Михаил Николаевич, к.ю.н., заведующий кафедрой «Международные отношения», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия (с 2004 г.)
- Льюис** Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)
- Маргелов** Михаил Витальевич, вице-президент, АК «Транснефть», Москва, Россия (с 2002 г.)
- Медриш** Михаил Абрамович, директор, Фонд содействия развитию интернета «Фонд поддержки интернет» Москва, Россия (с 2015 г.)
- Международная жизнь**, журнал, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ**, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Мостинский** Сергей Борисович, советник президента, ОАО «Группа Е4» (с 2015 г.)
- Мурогов** Виктор Михайлович, д.т.н., профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия (с 2009 г.)
- Мурсанков** Сергей Геннадьевич, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Мюллер** Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия (с 1997 г.)
- Мясников** Евгений Владимирович, к.ф.-м.н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2011 г.)
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»**, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Наумкин** Виталий Вячеславович, д.и.н., проф., член-корр. РАН, директор, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2014 г.)
- Никитин** Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Поттер Уильям, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США (с 2014 г.)

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Рауф Тарик, директор программы по контролю над вооружениями и нераспространению, Стокгольмский институт исследования проблем мира, Стокгольм, Швеция (с 2013 г.)

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия (с 2002 г.)

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2000 г.)

Рыжов Юрий Алексеевич, д.т.н., академик РАН, президент, Международный инженерный университет, Москва, Россия (с 2014 г.)

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2004 г.)

Сафранчук Иван Алексеевич, доцент, кафедра мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2015 г.)

Сачков Илья Константинович, генеральный директор, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2014 г.)

Синайский Александр Сергеевич, д.п.н., проф., секретарь Совета министров обороны государств — участников СНГ, Москва, Россия (с 2014 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2004 г.)

Скуассони Шэрон, директор и старший научный сотрудник программы «Предотвращение распространения ядерного оружия», Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США (с 2015 г.)

Солтание Али Асгар, советник вице-президента Ирана и главы Организации по атомной энергии Ирана, Тегеран, Иран (с 2015 г.)

Сумский Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия (с 2010 г.)

Толорая Георгий Давидович, д.э.н., проф., исполнительный директор, Российский национальный исследовательский комитет БРИКС, Москва, Россия (с 2013 г.)

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия (с 2002 г.)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия (с 2001 г.)

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., Москва, Россия (с 2009 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м.н., эксперт, Москва, Россия (с 2001 г.)

Федоров Валерий Валериевич, к.п.н., генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия (с 2011 г.)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, заместитель директора, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2002 г.)

Якушев Михаил Владимирович, вице-президент, Корпорация по установлению имен и номеров Интернета ICANN по России, Восточной Европе, СНГ, Москва, Россия (с 2014 г.)

Якушкин Дмитрий Дмитриевич, директор по связям с общественностью, Управляющая компания *Руссдрагмет*, Москва, Россия (с 2014 г.)

Ярных Андрей Юрьевич, руководитель стратегических проектов, Лаборатория Касперского, Москва, Россия (с 2015 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОМУ
УПРАВЛЕНИЮ ИНТЕРНЕТОМ ПРИ ЭКСПЕРТНОМ
СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 10 июля 2015 г.)

Волчинская Елена Константиновна, главный специалист по информационному праву, Фонд «Центр инноваций и информационных технологий», Федеральная нотариальная палата, Москва, Россия (с 2012 г.)

Демидов Олег Викторович, консультант, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зинина Ульяна Викторовна, советник по развитию законодательства и регулированию *Microsoft Russia*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зиновьева Елена Сергеевна, старший преподаватель, кафедра мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Каберник Виталий Владимирович, начальник отдела, Управление инновационного развития, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Касенова Мадина Балташевна, профессор, кафедра международного частного права, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия (с 2013 г.)

Куликова Александра Владимировна, ответственный секретарь, координатор программы «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность», ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2014 г.)

Левава Ирина Юрьевна, руководитель отдела стратегических разработок, Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), Москва, Россия (с 2012 г.)

Лукацкий Алексей Викторович, консультант по информационной безопасности, компания Cisco, Москва, Россия (с 2012 г.)

Пискунова Наталья Александровна, руководитель проекта, Международный форум по ядерному страхованию, Москва, Россия (с 2013 г.)

Романов Андрей Георгиевич, заместитель директора, Координационный центр национального домена сети Интернет, Москва, Россия (с 2013 г.)

Сачков Илья Константинович, генеральный директор, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тодоров Леонид Львович, генеральный менеджер, Ассоциация администраторов национальных доменов Азиатско-Тихоокеанского региона, Москва, Россия (с 2012 г.)

Федоров Александр Валентинович, эксперт, Москва, Россия (с 2012 г.)

Черненко Елена Владимировна, заведующая отделом внешней политики, Издательский дом *Коммерсантъ*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Якушев Михаил Владимирович, вице-президент, Корпорация по установлению имен и номеров Интернета *ICANN*, Москва, Россия (с 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 14 июля 2015 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, председатель Совета, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Белу-Оризонте, Бразилия (с 2012 г.)

Дунай Пал, директор, Академия ОБСЕ в Бишкеке, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Злобин Николай Васильевич, президент, Центр глобальных интересов, Вашингтон, США (с 2014 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2012 г.)

Санай Мехди, доктор политологии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Исламской Республики Иран в Российской Федерации (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Фетоури Мустафа, независимый исследователь, Триполи, Ливия (с 2013 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2006 г.)